

Натан Темень



Двойной кошмар

Полюбил парень красивую девушку. А та ему говорит: "сначала стань "человеком!" И записался он во все секции подряд, и выучил он много разных вещей... а девушка взяла, да и нашла себе другого! Старого и богатого. Вот и угодил парень с отчаяния в такие края, где разве что полученные навыки спасут раненного в самое сердце попаданца...

Попаданец в прошлое. Приключается, воюет, строит дом и отношения. Как может, так и строит. Антураж древнего мира, роялей в кустах минимум, и то не рояли — арфы.

Натан Темень

Двойной кошмар

Глава 1

Трещая крыльями, из травы, прямо из-под ног взлетела куропатка. Ромка вздрогнул, сердце пропустило удар, потом заколотилось о рубашку. Пропотевшую, завязанную узлом на животе, в лохмотьях паутины и крошках сухих листьев. Клетчатый доспех неудачника.

Надвигалась гроза, в просветы между деревьями он видел угрюмого вида облака, стремительно менявшие очертания. Потом напозли грозовые тучи, и выдавили облака с неба своими мохнатыми чернильными боками. Воздух застыл. Деревья замерли и прикинулись призраками. Сорока, назойливо скрипевшая где-то над головой, вдруг умолкла.

Роман уткнулся лбом в шершавый древесный ствол. Гроза означает дождь. Дождь — значит вода. Он попытался сглотнуть, но только сухо кашлянул. От съеденных накануне незрелых ягод жгло губы.

* * *

Молния упала с неба огненным зигзагом, через один удар сердца загрохотал гром. Сосны вокруг крохотного лесного озера превратились в чёрно-белый частокол. Пятачок воды, до этого свинцовый, стал озерцом огня.

Опять полыхнуло, прямо над головой. Вода в озере зашипела. Свет жёг глаза даже сквозь закрытые веки. Ромка вцепился в кору толстой сосны. Торчащий из шершавого ствола сучок продырявил намокшую рубашку и зверски колот плечо, но Ромке было всё равно. Теперь гремело непрерывно. Не открывая зажмуренных глаз, он поднял голову и заорал, пытаясь спасти барабанные перепонки.

Дождь тут же попал ему в рот. Вода была везде, она лилась с неба, потоком стекала по древесному стволу, наполнила ботинки.

Ромка закашлялся, выплюнул воду и прокричал, уставившись в кружок иссиня-чёрного неба над головой, обрамлённый бешено раскачивающимися древесными верхушками:

— Голуби ходят парами! Мушки на ветках парятся! Как быть поэту, граждане? Как бы ещё прославиться?!

Он засмеялся, икая, окончательно разорвав рубашку о торчащий сучок. Слёзы текли по лицу, но дождь смывал их, будто их не было. Будто не было никогда Ангелины, не было ничего.

Он и сейчас видел её, такую красивую, что судорогой сводило всё внутри, а голова вмиг пустела. Тогда он был ещё глупым мальцом, и думал, что девчонкам можно верить. И когда она, щуря свои русалочьи глаза, сказала: «А ты постарайся. Может, и подружиться...», он и правда постарался.

Ох, как он старался. Он забросил друзей, записался во все секции по очереди, он зубрил по ночам, чтобы попасть на медицинский факультет. Потому что Ангелина сказала, что быть хирургом — это круто. Он научился сочинять стихи. Он выучил три языка. Он стал худым, жилистым и выносливым, как пустынный куст. И потом всё это рухнуло, когда он увидел её, выходящую утром из чужой машины. А незнакомый мужик, годящийся ей в папаши, держал её за талию.

Как она улыбнулась тогда своей русалочьей улыбкой, бесстыдно глядя ему прямо в

глаза. Ромка понял, что для него всё кончено. Зря он ходил в секции, ломал себе пальцы на тренировках, разбивал свою голову и чужие носы. Зря зубрил все эти иероглифы. Зря таскался в анатомичку и блевал там на пол. Всё втоптанно в пыль тонкими каблучками глупой девчонки, что предпочла богатого дядю.

Грохнуло так, что содрогнулся сосновый ствол. Со змеиным шипением огненный язык ударил в раскалённый пяточок воды. Теперь сверкало непрерывно, и Ромка видел сквозь закрытые веки, словно они были из прозрачной бумаги.

— Господи, если ты есть, сделай что-нибудь! — крикнул он в приступе злого отчаяния. — Устрой мне праздник!

Всё было кончено. Он сам не помнил, как сделал то, что сделал. Только широко открытые глаза Ангелины, с ужасом глядящие на бейсбольную битку в его руке. Мужика с расстёгнутыми, не снятыми до конца штанами, стоящего на коленях и зажимавшего руками разбитую голову. Из-под пальцев его текла кровь.

Ромка хотел убить её, подлую девку. Но он не смог. Трус, размазня. Он не помнил, как выбежал из её квартиры, куда забрался по пожарной лестнице, как сел в машину и гнал по шоссе, пока не кончился бензин. Его только удивляло, что он не разбился по дороге. Дуракам везёт. Его даже ни разу не остановили.

Очнулся он, стоя по колено в зарослях папоротника. Лицо его облепила паутина, а паук-крестовик, сжимая в лапе муху, покачивался у самого носа. Ромка понял, что заблудился. Но ему было всё равно.

* * *

От очередной, самой сильной, вспышки, в глазах поплыли цветные круги. Он засмеялся, глотая хлещущую с неба воду, и тут же ослепительно полыхнуло снова. Зашипело, затрещало, огненная волна пробежала по стволу сосны, и Ромка увидел, даже зажмурившись, как его окутало облако раскалённого добела газа. Его словно бросили в кипяток, и в то же мгновение окунули в ледяную воду. Тело прошила дикая судорога, мышцы словно вывернулись наизнанку.

Ромка увидел себя со стороны. Теперь он был удивительно спокоен. Всё самое худшее уже свершилось. Он парил в воздухе, наблюдая, как в облаке пылающего, клубящегося газа пылает тонкая игла сосны, и шипит раскалёнными каплями льющемся на землю дождь. Ромка сам был облаком, он расширялся, принимая форму шара, он парил в небе, поднимаясь всё выше, и земля вращалась под ним разноцветным глобусом.

Молнии всё ещё били туда, где он только что был. Раскалённые клубы пара поднимались вслед за тем, что было Ромкой. Он потихоньку уходил вверх, всё выше, и за ним тянулся след из облачков светящегося лиловым светом газа.

Одно облачко, тянущееся вслед за ним, почти такого же размера, как и сам Ромка, ритмично переливалось радужным светом, и он отразился в нём, как в зеркале. «Я распадаюсь», — подумал он, с отстранённым любопытством глядя в радужный пузырь, где медленно вращалось его отражение. — «Меня стало больше».

Внезапно его охватил ужас. Страх потерять себя, разнестись на клочки, расползтись кляксами по поверхности огромной сферы, что неторопливо вращалась под его ногами, заставил Ромку содрогнуться. Затем он окончательно распался в пылающую огненную пыль.

Пузырь, в котором он парил в пространстве, задрожал, огненное облако, в которое распалась его сущность, завибрировало. Мгновенная судорога скрутила существо, называемое Ромкой, страшная тяжесть обрушилась со всех сторон. Надвинулась темнота, и он успел почувствовать тошное ощущение падения. Потом окружающий мир схлопнулся, словно выключили свет.

Глава 2

Горячая, вязкая, липкая жижа. Праматерь всех липких субстанций на свете. В её вязком тесте возникло зерно, крохотный пузырёк, зародыш мысли и сжатых в тугий клубок ощущений. Зерно вспухло тугим пузырём, теперь это было тело, оно ворочалось в грязи с неистовым стремлением к жизни. Горячая, жирная жижа чавкнула, нехотя выпустила из себя пузырь, который с глухим чмоканьем лопнул.

На поверхности густой жижи, на месте лопнувшего пузыря показалась макушка, когтистой лапой высунулась вслед за ней рука. Чёрная, липкая, она зашарила вокруг в конвульсивных попытках найти опору. Рука вцепилась в жижу, между пальцами потёк вязкий ил.

Облепленный грязью шар головы мотнулся, разбрасывая липкие ошмётки, и в нём возник широко разинутый рот. Рот всхлипнул и со свистом втянул воздух вместе с грязью. Показались плечи, густо облепленные липкой жижой, а человек судорожно закашлялся, часто дыша и отплёвываясь. Потом он пошатнулся, взмахнул руками и упал. Накатившая сбоку волна закрыла полосу прибрежного ила. Стремительно прибывающая вода омыла торчащую из грязи макушку, превратив её в крохотный островок.

Человек забил руками, вынырнул на поверхность, задыхаясь, кашляя и выплёвывая воду. Он попытался ухватиться за торчащий из ила обломок ветки, но очередной водоворот закрутил его и отнёс от берега. Он забарахтался, пытаясь глотнуть воздуха. Пальцы левой руки ударились обо что-то твёрдое, качающееся рядом на волнах, он попытался ухватить это, но пальцы соскользнули. Человек глотнул воды и погрузился с головой. Ноги его шаркнули о дно.

Он погрузился глубже, стал на дно и из последних сил оттолкнулся. Судорожно вытянутые вверх пальцы онемели от удара о твёрдый, болтающийся на воде предмет, но человек вцепился в него мёртвой хваткой. Высунулся на поверхность, и какое-то время, показавшееся бесконечным, просто дышал. Грязная вода стекала по лицу, заливала глаза, попадала в рот, он выкашливал её. Воздух раздирал лёгкие, и был невыразимо сладок, словно нектар из перебродивших райских плодов.

Течение опять закрутило его, кусок дерева, в который он вцепился, покачнулся, и человека развернуло так быстро, что он ушёл в воду почти с головой. Вода смыла налипшую на лицо грязь, и он сумел наконец разлепить глаза.

Прямо над ним нависли гибкие ветки, длинные листья мазнули по лицу. Он не успел ухватиться за ветку, как его пронесло дальше. Здесь река изгибалась. На середине русла поток двигался с пугающей скоростью, неся на себе обломки веток и поднятый со дна мусор, но у изгиба течение замедлилось, огибая торчащие из воды валуны. Пловец с отчаянием обречённого вытянулся, дёрнул ногами, и погрузился в воду.

Сжав в руках кусок дерева, и с усилием перебирая ногами по дну, он шагнул к берегу. Деревяшка поплавок удерживала его вертикально, но течение толкало в бок, и человек с невероятным усилием продвигался к берегу, пока не ударился коленом о валун.

Он оттолкнулся от дна и разжал пальцы, выпустив свой поплавок. Валун был мокрый, но край его торчал углом, и пловец повис на камне, чувствуя, как волны толкают его и пытаются утащить за собой. Рядом с глухим стуком билась о камень спасительная деревяшка.

Отдышавшись, он подтянулся, скребя ногами по камню, вытянул себя животом на валун. Полежал, пережидая звон в ушах. Перед глазами густо плавали искры, мышцы сводило судорогой.

Вода. Много воды. Должно быть, это дождь. Он лил так долго, что затопил поляну, и маленькое круглое озеро вышло из берегов. Дождь слился с рекой, размыл берега, и поток воды, смешанной с Ромкиными слезами, теперь подбирается к Ангелине... Кто такая Ангелина?

Ромка открыл глаза. Он лежал щекой на камне. Мокрый, окатанный водой валун исходил паром.

Потом он почувствовал обнажённой спиной, как тепло, изливающееся с неба, жжёт его подсыхающую кожу. Полуденное солнце, пробившись сквозь верхушки леса, припекало берег. Мокрый камень перед Ромкиным лицом высыхал на глазах, исходя струйками тёплого пара.

Он лежал, пока кожа на спине не начала гореть. Потом приподнялся, руки его тряслись, с подбородка скатилась капля пота, и зашипела, упав на раскалённый камень. Ромка, поскуливая от боли в обожжённых ладонях и коленках, перебрался на соседний валун, почти доверху покрытый принесёнными речным потоком ветками и длинной травой.

Ромка перешёл по скользким останкам травы на берег. Голова закружилась, живот вдруг спазматически сжался, и его стошнило на песок мерзкой слизью с остатками речной воды и ила.

Потом ему стало легче. Он вернулся к реке, забрался на крайний камень, зачерпнул воды ладонью, и умылся. Волны набрасывались на берег, казалось, реки стало больше, словно где-то открыли гигантский шлюз. По её мутной поверхности неслись сорванные ветки, обломки древесных стволов и даже — Роман поморгал, не веря глазам — раздутый труп овцы. Покачиваясь, труп проплыл мимо, столкнулся с обломком бревна, закрутился, и течение отнесло его к противоположному берегу.

«Здорово меня шарахнуло» — подумал Ромка. После приступа тошноты его тело стало странно лёгким, кажется, дунь ветер, и его унесёт. В голове гудело, и каждый звук отдавался двойным эхом. «Сотрясение мозга, не иначе» — сказал себе Ромка и поднёс к носу растопыренную пятерню.

— Сколько пальцев? — спросил сам себя. Из горла вырвалось хриплое карканье, и остатки грязной слизи забрызгали подбородок. Тьфу, чёрт. Пальцы дрожали и расплывались перед глазами, но их точно было пять.

Да ещё эта река. Там, в лесу, точно не было никакой реки. Наверное, он в беспамятстве ушёл далеко от озерца, и выбрался к какой-то речке. Поэтому сейчас полдень, а не... вечер? Он что, шёл всю ночь, и не заметил этого?

— Стоп, — хрипло сказал Ромка. Он сжал ладонями голову. — Стоп. Потом. Потом я буду об этом думать. Иначе мне опять станет плохо.

Он перевёл взгляд на свои босые ноги. Осмотрел себя. Да он совсем голый. Но ведь течение не могло сорвать с него всю одежду. Разве что кто-то обчистил Ромку, когда тот валялся под сосной, и забрал шмотки. А потом вывез его подальше и бросил в воду. Вот оно что.

Он потоптался на песке. Ноги дрожали, подгибались, но он мог идти. Ромка шагнул раз, другой, и двинулся вдоль берега на подгибающихся ногах. По песку проскакала юркая птичка, глянула на Ромку, испуганно пискнула и улетела. Чувство проснувшегося голода

возникло внезапно, и вмиг охватило желудок пожирающим огнём. Словно внутри зажглась прожорливая печь, непрерывно требующая топлива.

Пошатываясь, он огляделся по сторонам. Над ним нависали кусты, за кустами темнели деревья. В ветвях свистели и возились птицы. Глухо урча, как голодный кот, Ромка шагнул в кусты, и принялся шарить по веткам.

В кустах могут быть гнёзда, в гнёздах есть яйца. Есть, он хочет есть. В глазах уже мутилось от гудения прожорливой печи внутри. Ромка сорвал с ветки листок, упал на колени, пропихнул в рот, жадно размолот зубами и проглотил. Торопливо жуя, принялся обирать листья и совать себе в рот. Листья оказались сухими, горькими, зелёная масса вывалилась обратно из горла вместе с позывами тошноты.

Часто дыша, он закашлялся. В ярости оглянулся, и, ухватившись обеими руками за ствол ближайшего деревца, затряс его. С ветки с испуганным криком слетела птица, пронеслась над головой. На колени Ромке упала жирная гусеница.

Гусеница конвульсивно извивалась бледно-жёлтым телом на его ноге. Ромка схватил её поперёк упругого тельца. Гусеница была жирная, сквозь тугое полупрозрачное тело просвечивали тёмные точки внутренностей. Он секунду смотрел на неё, и сунул гусеницу в рот. Тугое тельце лопнуло на зубах, растеклось во рту. Он жадно проглотил всё, и поднялся на четвереньки. Жалкая кроха пищи сгорела в беспощадно горящем внутри огне.

Ромка пополз на четвереньках, шаря глазами по траве. Сунулся в куст, в надежде найти ещё гусениц. Ветки трещали, сверху сыпались листья, он застрял, дёрнулся, потерял равновесие и рухнул в середину куста. В глазах вспыхнул потрясающий фейерверк. От удара лбом обо что-то твёрдое голова загудела, и вырвавшееся: «чёрт-чёрт-чёрт!» — отдалось в ушах гулким эхом.

— Чёрт! — он поднял глаза. Прямо напротив него было зеркало. В этом зеркале Ромка стоял на коленях, держался за лоб, и глядел на себя вытаращенными глазами.

Глава 3

Не успел Ромка захлопнуть рот, его зеркальное отражение село на задницу и принялось чесать себе подмышки. Ромка перевёл неверящий взгляд на свои руки. Руки были на месте и ничего такого не чесали.

— Мама, — сказал Ромка.

Его отражение перестало скрестись и посмотрело на него. Перевело взгляд на голые Ромкины ноги, фыркнуло, и сказала знакомым голосом:

— Ну ты гигант. Гусениц жрём?

Тут Роман вышел из ступора и проворно полез задом из куста. Сел, глядя на качающиеся ветки и пробормотал:

— Нет, это не сотрясение. Это глюк. Галлюцинация. Точно, галлюцинация.

Зашуршали ветки, из куста высунулась до боли знакомая голова, и навязчивая галлюцинация возмутилась:

— Ну ты, хрен с горы, куда сбежал! Я за тобой бегать должен?

— А-а-а! — Ромка вскочил на ноги, и с удивительной резвостью понёсся вдоль берега.

— Стой! — заорали ему вслед, и он услышал топот босых ног за спиной.

Ромка с разбега влетел в воду, разбив пальцы ноги о знакомый валун. Остановился по колени в воде и подхватил увесистую деревяшку:

— Не подходи!

Галлюцинация остановилась на берегу, очевидно не желая мочить ноги. «А я тощий, как швабра» — подумал вдруг Ромка. — «Зато пресс кубиками. Классно».

— Положи корыто, — посоветовал глюк. Роман посмотрел на деревяшку. Это и правда было корыто, вернее, половинка корыта, с дырками от обивки по краю и куском металлической ленты на одном уцелевшем гвозде.

— Ты чего? — задыхаясь, сказал Роман. — Отвали от меня, быстро!

— Да ладно тебе, — миролюбиво ответил глюк. — Я же тебя не бью. Не парься.

— Ещё бы ты меня бил... — проворчал Ромка. Какая, однако, устойчивая галлюцинация.

Он продолжал стоять по колено в реке. Проточная вода приятно холодила ноги, и он решил ждать, пока холодок дойдёт до мозга. Может, и этот глюк улетучится сам собой.

Тот потоптался на берегу, глядя на застывшего в воде парня. Совсем уже спокойно спросил:

— Не выйдешь?

Роман помотал головой.

— Ну чёрт с тобой. Оставайся. — Глюк сплюнул под ноги, отвернулся и двинулся в лес, прочь от берега.

Ромка смотрел, как тот уходит всё дальше. Осмотрелся по сторонам. Река бурлила, накатываясь на неровный берег мелкими волнами с ключьями пены. Над её серединой, где течение тащило всякий древесный мусор, вились птицы, стремительно ныряя вниз и уносясь обратно с невидимой добычей. Берега, поросшие густым лесом, насколько видел глаз, были безлюдны. Ромке стало страшно.

Он решительно выбрался на песок и зашлёпал вслед своему почти пропавшему среди деревьев отражению. Лучше уж это, чем совсем никто.

Обломок корыта он всё-таки взял с собой. Мало ли что.

Под деревьями было темно, только по земле прыгали неровные пятна света, пробившиеся сквозь кроны. Туда, куда падал яростный солнечный свет, листья на ветках горели белым огнём. Глюк шуршал впереди, и Ромка почти догнал его, когда тот вдруг нырнул за кусты, и пропал. В приступе паники Роман ломанулся прямо через куст, и налетел на спину своего отражения. Спина была твёрдая, потная, и совсем не призрачная.

Ромка отшатнулся, топча траву. Глюк на что-то смотрел, и Роман осторожно выглянул из-за его плеча.

Густые кусты обрамляли небольшую, плотно утопанную полянку, на которой чернел круг догоравшего костра. В середине очага, выложенного кусками почерневшего камня, тлели багровые угли. Над кучей золы вился сизый дымок.

Но глюк глазел не на костёр. На краю утопанного пятка земли, возле шалаша из веток, возились люди. На какой-то момент зрение Ромки выхватило только отдельные части картинки: розово-коричневые, блестящие от пота части тела,двигающиеся в лихорадочном темпе. Потом мозаика вмиг сложилась в узнаваемую картинку, и он смутился. У шалаша занимались сексом, очень темпераментно и вдохновенно.

Роман отвёл глаза от сцепившейся в собачьих позах парочки, и уставился на шалаш. На полянке пыхтели и шумно дышали. «Натуристы» — подумал он, упорно разглядывая заброшенные поверх кольев ветки, кое-как прикрытые козьими шкурами. — «Близость к природе, и всё такое».

Надо было дождаться конца процесса и спросить дорогу. Ромка отодвинулся, чтобы не смущать людей. Хотя, как было известно, «натуристы» не страдали излишком застенчивости.

Глюк охнул, зашипел:

— Слон таёжный, на ногу наступил! — оттолкнул Ромку и двинулся прямо к совокупающейся парочке.

Он топал напрямик к шалашу. Не обращая внимания на близящуюся к финалу пару, заглянул в шалаш, обошёл кругом костра, выхватил из золы торчащую там оструганную палочку и поковырял угли.

— Жрать нечего, — отметил вслух.

Мужчина меж тем оставил свою даму. Тяжело отдуваясь в клокастую бороду, поднялся на ноги и уставился на нахального пришельца.

— Друг, — миролюбиво сказал Ромкин призрак, жадно разглядывая женщину, — нам бы перекусить чего-нибудь.

Глаза его заблестели, когда женщина поднялась на ноги, оправляя платье.

Собственно, платьем был кусок лнялой тряпки, обёрнутый вокруг плеч, и даме осталось только опустить край ткани на бёдра. Глюк глазел, а женщина потупила взор, подхватила с земли ещё одну тряпку, и проворно обернула вокруг талии. Тряпка закрыла ноги до щиколоток, и нахальный призрак разочарованно вздохнул.

Мужчина хрипло откашлялся, выбирая грязноватыми пальцами из бороды сухие травинки. Шагнул вперёд, загородив даму. Оглядел глюка и неожиданно гулким голосом спросил:

— Вы кто такие?

Ромка зажмурился. Видимо, сотрясение мозга оказалось сильнее, чем он думал. Голос этого чужого мужика отдался в голове болезненным эхом. Слово по пустому чугунку

ударил палкой. Наверное, поэтому слова его показались скомканными, как будто у собеседника странный дефект речи.

— Мы есть хотим, — меж тем говорил нахальный глюк, глядя на низенького, широкоплечего мужика сверху вниз. — И выпить бы не мешало.

Мужчина крякнул, оглянувшись на свою женщину. Та стояла позади, скромно сложив руки на животе, и Ромка заметил, как она лукаво стрельнула глазками в сторону его глюка.

У него, несмотря на духоту, от которой пот уже катился по лицу, холод продрал позвоночник. Всё очень плохо. Натуристы видят его галлюцинацию, и даже говорят с ней. Это значит... Ромка напряг память, забитую сведениями из учебников по медицине. Это значит... Короче, плохо его дело. Впору кричать «караул!» и примерять смирительную рубашку.

Затрещали ветки, зашуршали листья, и прямо над ухом зажмурившегося Ромки заорали: — Дядька Толстопуп! Дядька Толстопуп! Наших бьют!

Если б у Ромки после всех испытаний сегодняшнего дня что-то осталось внутри, он бы опозорился. А так он только подпрыгнул на месте и уставился на источник ора. На полянку выкатился мальчонка, росточком Ромке по пояс, и заплясал вокруг коренастого мужика:

— Наших бьют, дядька, скорее, скорее!

«А кто у нас наши?» — машинально подумал Роман, удивляясь попутно терпению кудлатого натураста. Малец только что обозвал того толстопупым. А мужик даже ухом не повёл.

Дядька в ответ на вопли мальчика только крикнул, пригнулся и полез в шалаш. Пошуршал там и выбрался наружу с каким-то тряпьем в руках. Деловито обмотал тряпье вокруг талии и выхватил из гущи веток, из-под козьих шкур, прикрывавших шалаш, увесистую дубинку. Дубинка имела бывалый вид, и в руке мужичка смотрелась очень внушительно.

— Опять Лохматые? — хрипло спросил натураст, сунув брови на мальчонку.

— Они самые, дядька Толстопуп! — заверещал малец, только что не катаясь колесом от нетерпения. — Там они, за ручьём! Целой ватагой набежали! Меня дядька Белоглаз к тебе прислал!

— Пошли! — буркнул мужик, и половчее перехватил дубинку. Женщина шагнула к нему и погладила по потной руке. Мужик дёрнул плечом, всем видом показывая, что ему теперь не до баб. И шагнул с поляны, мгновенно исчезнув за кустом. Только ветки качнулись. Малец бросился за ним.

Ромка потоптался возле костра. Женщина смотрела вслед ушедшему мужчине. Примолкнувший было глук воровато подступил к ней, и проворковал, положив ладонь на дамскую талию:

— Красавица, не угостишь водичкой?

Красавица оглянулась на нахала, смахнула его ладонь и полезла в шалаш. Глук сунулся было за ней, и отшатнулся. Прекрасная дама проворно вылезла наружу, и в руке у неё оказался остро заточенный ножик. Ножик был тусклый, слегка изогнутый к концу, и имел страшноватое, зазубренное лезвие.

Женщина привычным жестом спрятала нож в складках ткани, обильно наверхенной на бёдрах. Повела глазами на Ромку, перевела взгляд на его нахального двойника, и неожиданно подмигнула. Потом решительно двинулась вслед ушедшему в лес любовнику.

— Нет, ты видел? — глук присвистнул, и завертелся на месте на манер давешнего мальчика. — Как она мне подмигнула!

Он вытянул из шалаша палку, сотрясши всю конструкцию, постучал о колено.

— Сойдёт, — и бросился вдогонку за женщиной.

— Стой! — завопил оставленный на произвол Ромка. — Куда!

— Куда, куда, закудахтал, — пропыхтел глук, ломаясь через кусты, — куда надо. А ты оставайся. Без тебя обойдёмся.

Роман стал продираться за ним, стараясь не потерять из виду тощую, гибкую спину нахального глука. В конце концов, что он теряет? Если это бред, и на самом деле Ромка лежит сейчас в лесу под сосной или на больничной койке, то не всё ли равно, за кем бегать?

Мокрому дождь не страшен. Альтернативный вариант Ромка старательно задавил в зародыше.

Двойник шуршал впереди, Роман топал следом. Они выскочили на узкую тропинку, петлявшую меж деревьев, и побежали по ней. Утоптанная земля звенела под босыми пятками, бежать стало удобней, и они почти нагнали женщину.

Прекрасная натурастка оказалась прыткой, и бежала впереди, развевая юбками, как хороший спринтер. Возле узловатого дуба, раскинувшего толстые ветки над тропинкой, женщина свернула и, подобрав подол, лихо перепрыгнула через ствол поваленной сосёнки. Они с разбега едва не пропустили поворот, и Ромка налетел на своего двойника. Тот отпихнул Ромку и скакнул следом за прыткой дамой. Тот перебрался вслед за ним через шершавый ствол.

Впереди появился просвет, и они вылетели на покрытую кудрявой травкой полосу земли. Полоска травы обрывалась у ручья, бурлящего у торчащих возле берега валунов. Там было нечто вроде запруды, вода скапливалась у камней и стекала шумной, брызжущей струёй в круглое озерцо. Трава у озерца была обильно утоптана острыми раздвоенными копытцами. Истерично блеющие овцы бегали кругами, подгоняемые шустрым мальцом.

Всю эту идиллическую картинку Роман охватил одним взглядом. Картинка эта была бы прекрасна, если б не сцена битвы, достойная кисти художника-баталиста, любителя старины. На утоптанной травке возле ручья сошлись в поединке уже знакомый кудлатый мужичок, и ещё несколько типов повышенной лохматости.

Мужичок вертелся волчком, размахивая своей дубинкой с удивительной ловкостью. Головы противников, пытающихся достать его разной длины палками, были, как ни странно, ещё целы. Лохматые мужики, блестя голыми, потными ногами, развевая подвязанными на бёдрах шкурами, скакали возле Толстопупа, хрипло вскрикивая, и тыча палками ему то в живот, то в голову. Толстопуп ловко уворачивался.

Вот он подпрыгнул, и с разворота пнул голой пяткой одного из лохмачей в бедро. Тот выронил палку и отступил, шатаясь. Но другой подловил Толстопупа в прыжке, и свалил его с ног ударом своей длинной палки. Лохмачи победно завопили. Рядом с ручьём в ответ закричал и невнятно заругался другой мужичок. Он лежал на травке и сжимал разбитую голову. По щеке его и жилистой шее текла кровь.

Женщина, выбежавшая впереди Ромки и его глюка на полянку, завопила, увидев поверженного друга. Ромка думал, что она возьмётся за нож, но та только крикнула что-то неразборчивое, и лохматые, в свисающих живописными обрывками с плеч, шкурах, агрессоры повернулись к ней.

Тот, что повыше, с длинной палкой, что ударил Толстопупа, ухмыльнулся и крикнул, хрипло дыша:

— Иди к нам, самка волка!

Ромка испуганно заморгал. Струйки пота текли по его спине, и похолодевшую кожу вдруг стало жечь, будто это был не пот, а кислота. Голос лохматого мужика звучал так же странно, как недавно голос дядьки Толстопупа. Даже ещё страннее. Если дядька говорил глухо, словно гудел в пустой котелок, голос лохмача позванивал и отдавал множественным эхом в ушах. Будто отражался от стенок прихотливого лабиринта. Должно быть, поэтому слова его звучали, как плохой перевод в потрёпанном иностранном фильме.

— Иди сюда! — повторил лохмач, сопроводив свои слова недвусмысленным жестом.

Женщина обернулась и посмотрела на Ромку. По щекам её текли капли не то пота, не то

слёз. Она перевела взгляд на Ромкиного двойника, и жалостливо сморщилась. Глюк кашлянул. Ромка, стоящий рядом, вдруг ощутил, что тот боится.

Потом глюк набрал в грудь воздуха, и гаркнул так, что с ближайшего дерева слетели птицы, а Роман вздрогнул:

— Эй, вы, лохматые! Бросай палки и мотай отсюда!

Двойник шагнул вперёд, и лохматые мужики от неожиданности качнулись назад. Но быстро опомнились, и высокий тоже крикнул:

— А ты кто такой, что лезешь к нам, почтенным людям?! Иди, соси титьку, недоносок!

— Сам поди пососи...титьку! — находчиво ответил глюк, и решительно двинулся к лохматым мужикам, крутя в руке палку. — Это наши овцы! И бабы тут все наши!

Ромка закрыл глаза. Этого не может быть. Сейчас он очнётся, и откроет глаза на полянке под сосной. И рядом будет тихо шелестеть перистыми листьями папоротник. Этого не может быть.

Роман почувствовал, как болят судорожно сжатые пальцы левой руки, и посмотрел вниз. Он всё ещё держал тот злополучный обломок корыта. Он так и бежал с ним через лес по тропинке. Ромка перехватил обломок поудобнее и шагнул вслед за своим глюком. Терять ему было уже нечего.

Лохматые мужики засвистели и заулюлюкали, демонстрируя презрение к противнику. Один, с такими волосатыми ногами, что они напоминали шерстяные гамашы с начёсом, крикнул:

— Палку не потеряй! На костыль сгодится!

Двойник молча шёл прямо на них, и высокий заводила, перехватив свою палку посередине и ловко закрутив мельницей, так, что та слилась в свистящее пятно, насмешливо сказал:

— Как звать твою мамку, сосунок? Кому потом весточку передать?

Остальные мужики отступили в стороны, дав заводиле простор для поединка.

Не отвечая, глюк подступил ближе, и молча, точно ткнул тонким концом палки прямо в центр посвистывающего в воздухе круга. Только Ромка, что шёл прямо за двойником, заметил, как его палка, метнувшись змеёй, угодила противнику прямо в болевую точку на волосатом запястье.

— Тамбовский волк тебе сосунок, — сказал глюк, отскочив в лёгком пируэте. — Дятлы непуганые!

Высокий мужик выпучил глаза, его палка, вылетев из разжавшихся пальцев, звонко брякнула по лбу волосатого товарища.

Лохмачи издали дружный, яростный вопль и ринулись в атаку. Глюк рванул в сторону, обежав схватившегося за ушибленное место заводилу.

Мужики неслись за глюком, рыча и толкаясь. Каждый хотел первым ухватить наглого парня и задать ему трёпку. Ромка машинально выставил ногу, и крайний мужичок, в облезлой бурой шкуре через плечо, покатился кувырком по травке. Тут же вскочил, и Ромка увидел его перекошенное от злобы лицо и выкаченные глаза.

Облезлый мужик не стал подбирать оброненную при падении палку, он порылся под шкурой и выпростал оттуда короткий, широкий нож в деревянных ножнах. Ножны остались висеть на кожаном ремешке, а в руке у мужика блеснуло треугольное, заострённое на конце лезвие. Рукоятка утонула в волосатой лапище.

Лохмач в бурой шкуре выставил нож и скакнул к Ромке. Глухо хакнул и выбросил руку вперёд, целя в живот парню. Ромка отшатнулся, и тут же сильный толчок свалил его с ног. Он упал на траву и утонул в обломок корыта. Из деревяшки торчал ушедший почти по рукоятку нож. Когда он успел вскинуть корыто, и заслониться им, Ромка не помнил.

Лохмач с рыком дёрнул нож на себя, и Ромка отпустил корыто. Лохмач пошатнулся назад вместе с насаженным на нож обломком. Роман тут же поддал босой ногой по деревяшке. Загрубевшая от битья по тренировочным грушам и кирпичам нога только слегка заныла от удара, зато обломок вместе с заклинившим ножом взлетел в воздух, и, описав красивую дугу, шлёпнулся в ближайшие кусты.

Ромка проводил его взглядом, поэтому не заметил опомнившегося длинного, который успел подобрать свою палку. Он увидел только размытую тень, и тут же скорчился на траве от удара по рёбрам. Опять мелькнуло, на этот раз над головой, он едва успел уклониться, как торец палки, скорее похожей на гибкий шест, ткнулся в землю возле уха. Вырвав клочок травы, шест ударил опять, и Ромка перекатился, никак не успевая подняться на ноги. Где-то сбоку орали и визжали. Земля гудела от топота босых ног, и падения тяжёлых тел.

Шест падал прямо в глаза. Ромка отбил его открытой ладонью и зацепил ногу подступившего слишком близко длинного. Тут же пятка лишившегося своего ножа мужика в облезлой шкуре ударила ему в бок. В глазах вспыхнул фейерверк, но он сжал зубы, и свалил длинного на траву. Извернувшись по-кошачьи, ткнул облезлого костяшками пальцев под колено. Вцепился в упавший на него тонкий шест, и вскочил на ноги.

Длинный лохмач поднялся на колени, и Ромка злорадно пнул его в лицо. «Запомни, на лбу есть такая точка», — вспомнился насмешливый голос тренера, — «третий глаз называется. Так вот, бить туда не надо. — Тут тренер фыркал, и добавлял: «без необходимости».

Глаза длинного закатились. Он повалился навзничь на траву и затих. Разошедшийся Роман ещё раз пнул охромевшего облезлого, и опрокинул его поверх отключившегося длинного.

Рядом взвизгнули, и он обернулся. Поле боя было уже изрядно истоптано разгорячёнными мужиками, нарезавшими по траве круги за вредным глюком. Тот, добежав до камней у ручья, резко свернул, оттолкнувшись босой ногой от ближайшего валуна, и сбившиеся в кучу, не успевшие затормозить лохмачи тут же получили палкой по ушам и нечёсаным макушкам.

Пока обозлённые, упревшие в своих шкурах мужички разворачивались, глюк успел двумя точными тычками вывести из строя ещё одного противника. Тот, получив концом палки под ложечку, согнулся, и выплеснул на травку свой завтрак. Зато остальные бросились на нахального парня всей гурьбой. И худо бы пришлось Ромкиному двойнику, если бы пришедший в себя дядька Толстопуп не поднялся с земли, подхватив свою дубинку, и, издав воинственный клич, не бросился в бой.

Ромка обернулся как раз в момент, когда на ногах остались двое лохмачей и Толстопуп с глюком. Ещё двое мужичков валялись под ногами. Один тихо корчился, зажимая голову, а другой лежал неподвижно, и Ромка с ужасом увидел кровь, текущую у того из ушей.

«А ведь они не шутят» — с ужасом подумал он, сжав вспотевшими пальцами чужую палку. Тут дядька Толстопуп хакнул, его дубинка мелькнула и врезалась в живот одного из противников. Тот кашлянул и согнулся пополам. Толстопуп добавил ему сверху, и поверженный лохмач кувыркнулся на траву.

Другой, оставшись один, дико огляделся, сверкая белками глаз на покрытом загаром и пылью лице, и прыгнул к женщине. Та стояла у края травяной площадки, в бессильном волнении ломая пальцы, и смотрела на битву. Оставшийся без поддержки лохмач в два прыжка достиг женщины, и ухватил её за плечи. Женщина взвизгнула, дёрнулась, но он сжал пальцами её горло, и хрипло крикнул:

— А ну в сторону! Придавлю сучку!

Глюк шагнул было к нему, но остановился в нерешительности. Толстопуп не двинулся с места. Он тяжело дышал, волосатая, мокрая от пота грудь ходила ходуном. Дубинка в его руке подрагивала, и Ромка почему-то подумал, что жизнь женщины для Толстопупа не главное. И дядька сейчас просто решает, как бы с честью выйти из щекотливой ситуации.

Толстопуп всё молчал. Глюк помялся, поглядел по сторонам, остановил взгляд на Ромке и шмыгнул носом. На лице его, таком знакомом и чужом одновременно, наливался багровым цветом свежий синяк. Кто-то из лохматых мужичков, видно, сумел задеть его.

Ромка переступил поближе к женщине. Боль в ушибленном боку тут же дала о себе знать. Он согнулся, закричав, как старик, и опёрся на отнятый у длинного лохмача шест. Сам длинный заводила лежал на спине, и вяло ворочался, скребя пальцами траву. Лёгкий ветерок шевелил его спутанные волосы и волоски на одежде из козьей шкуры.

— Придавлю! — снова выкрикнул мужик, сжимая горло женщины.

Ромка потихоньку, сдержав дыхание, выпрямился. Ребро отчаянно ныло, но терпеть было можно. Главное, не дышать слишком глубоко.

Сзади зашуршало, и послышался торопливый топот человека, удирающего со всех ног. Это был мужичок в облезлой бурой шкуре, которого Ромка метким ударом свалил рядом с длинным. Только что лежавший смиренно, как мышка, он подскочил, оттолкнулся от лежавшего навзничь заводилы, и бросился бежать.

Добежав до ручья, мужичок, не останавливаясь, сиганул в воду, и, торопливо подгребая руками, перебрался на другой берег. Выскочил на травку, отряхнулся по-собачьи, и сделал в сторону дядьки Толстопупа неприличный жест. Потом рысцой двинулся в сторону леса и исчез из вида.

— Послушайте, как вас зовут? — насколько мог вежливо, спросил Ромка озверевшего мужика. Он в своё время ходил на лекции по психологии, и даже был лучшим на тренингах по конфликтным ситуациям. — Мы можем решить вашу проблему...

— Дорогу! — не слушая, хрипло выкрикнул мужик. — Сначала её, потом себя убью!

Дядька Толстопуп набычился и сказал:

— Последыш, как был ты недоумком, так и остался. Неужто не знаешь, что мне твои сандалии без надобности?

Ромка удивился. При чём тут сандалии? Этот Толстопуп, конечно, ловко орудует старинным оружием, но в психологии ничего не понимает. Натурист, что с него взять.

— Послушайте, отпустите женщину, и мы решим дело мирным путём, — Ромка попытался обратить на себя внимание, но мужик, названный Последышем, только сверкнул на него диким глазом, и опять повернулся к Толстопупу.

— Дай дорогу!

Глюк внезапно засмеялся. Он согнулся, хлопая себя по коленкам, и так мерзко, визгливо захихикал, что Ромке захотелось огреть его шестом по затылку.

— Ты сказал, что убьёшь себя, так чего стоишь, байки тривишь? — сказал глюк глумливо. — Давай уже, убейся об стенку. А то тут солнышко печёт, мочи нет.

Ромка услышал, как всхрапнул дядька Толстопуп, втянув в себя воздух, как вздохнула женщина. Мужик перекатил выпученные, в красных прожилках глаза на глюка, и хотел что-то сказать, даже открыл рот для ответа.

«Щёлк!» — звонко шлёпнул камень, ударив ему прямо между глаз. Мужик застыл с открытым ртом, потом руки его разжались, он отпустил шею женщины и осел на траву.

Ромка оглянулся. Возле ручья, где теснились кудлатые овцы и брызгал радужной струёй сквозь мокрые камни ручей, стоял давешний малец, росточком метр с кепкой. В руке у

мальца болтался какой-то ремень. Малец улыбался, скалил мелкие белые зубы и помахивал ремешком.

Дядька Толстопуп крикнул, опустил дубинку и шагнул к поверженному мужику. Наклонился над телом, повертел безвольно качнувшуюся лохматую голову, и выпрямился. С силой почесал затылок, от чего кудлатые волосы его стали дыбом.

— Достойный сын своего папаша, — пробурчал дядька, яростно почёсываясь. — Как есть Мухобой-младший.

Женщина тоже наклонилась над телом, и горестно помотала головой. Волосы её, выбившись из узла на затылке, разметались по плечам.

— Хорошо ли, муж мой, что вы эдакое дело сотворили? — сказала она, выпрямившись и взглянув на дядьку.

— Молчи, женщина, — отрезал Толстопуп. — Мальчик должен когда-то стать мужчиной. А эти сами виноваты. Нечего наших овец воровать.

— Они даже не твои, овцы-то! — с сердцем ответила женщина, подбирая волосы, и заправляя их в пучок. — А хозяйские!

Ромка зыркнул на её гладкие, лоснящиеся от загара руки и открывшиеся подмышки. Женщине было на вид лет тридцать, а может, и побольше, но Ромке нравились такие, упругие, как упитанные тюленихи. Ему вспомнились слова отца, сказанные как-то под хмельком: «мужики не собаки, на кости не бросаются». Отец при этом взъерошил малолетнему Ромке волосы, подмигнув соседке по праздничному столу, тётке Лене, а мать ткнула мужа локтем в бок.

Дядька Толстопуп только хмуро поглядел на женщину, и присел над телом лохматого мужика. Покопался в своей набедренной повязке, и вытащил ножик, похожий на тот, что был у сбежавшего лохмача, и который улетел в кусты вместе с обломком корыта. Принялся деловито снимать с тела одежду из козьей шкуры, одним взмахом перерезав скреплявшие её кожаные шнурки.

Сняв шкуру, отложил в сторону, и стал снимать с ног недвижимого лохмача сандалии. Снял один, бросил на шкуру. Посапывая, стащил другой, и бросил рядом с первым.

Ромка, преодолев боль в ноющем ребре, присел на корточки рядом с Толстопупом. Протянул руку и дрожащими пальцами пощупал на шее лежавшего неподвижно лохмача сонную артерию. Пульса не было. Мужик не дышал.

— Чего стоишь, — бросил дядька наблюдавшей за ними жене, — пойди, в кустах пошарь. Там его деревяшка с ножом валяется.

Он мотнул головой в сторону застывшего на корточках Ромки, в оцепенении смотревшего на раздевание покойника. А то, что мужик умер, можно уже было не сомневаться.

Женщина посмотрела на мужа, на Ромку, повернулась и пошла к ближайшим кустам. Зашуршала там среди веток, и вскоре вернулась, неся тот самый кусок корыта, который спас Ромке если не жизнь, то живот от удара ножа. Из корыта торчал глубоко ушедший в дерево короткий нож.

— Забирай, — коротко сказал дядька Толстопуп Ромке.

Ромка, опираясь на шест, поднялся на ноги. В глазах потемнело, ребро словно прострелило, но он сумел даже выдавить улыбку, забрав у женщины кусок корыта с торчащим оттуда ножом. Что-то здесь было неправильно. Но боль в боку мешала думать, и он решил отложить выяснение на потом.

— Скажите, — спросил он, пока дядька деловито заворачивал в шкуру снятые с покойника сандалии, — скажите, как мне добраться до ближайшего города?

Дядька поднялся на ноги, пристроив свёрток под мышкой. Женщина, нагнувшись над мужиком, которого лохмачи огрели по голове, и у которого кровь залила пол-лица и запачкала грудь, обернулась. Ромка увидел её внимательный, задумчивый взгляд. Глюк, до этого молча наблюдавший за обдиранием покойника, придвинулся поближе.

— До города? — спросил дядька, опять принимаясь скрести бороду. — А чего вам там надо?

— У меня родители волнуются, — сказал Ромка. Он знал, что родители ждут его обычного звонка, и если он не даст о себе знать в течение дня, мать поднимет такой шум, что будет слышно на другом конце города.

— У тебя родители в... городе? — удивлённо спросил дядька, а Ромка зажмурился от внезапно загудевшего эха его голоса в голове.

Он уже было забыл об этом странном эффекте, пока бегал по лесу за своим двойником, и в пылу драки. Но теперь заметил, что при разговоре, особенно когда появляются новые слова, голова будто превращается в пустой, продырявленный в нескольких местах котелок.

— А что, дядя Толстопуп, далеко ли до города? — вкрадчиво спросил придвинувшийся ближе глюк, метнув взгляд на женщину. Та подняла с земли раненого мужичка, и, придерживая его под руку, отвела к ручью. Усадила у воды, и ловко выхватив из складок юбки кусок ткани, принялась омыwać тому окровавленное лицо.

— Да не близко, — ответил дядька, продолжая скрести пальцами в бороде. — К ночи только дойдёте.

— А чего же нам пешком-то идти? — всё так же ласково спросил глюк. — Разве тут нет дороги?

— Дороги? — дядька хмыкнул. — Да ты шутник, парень. Никак, у тебя лошадь за деревом спрятана?

— Почему лошадь? — отозвался озадаченный Ромка. — Тут что, совсем никто не ездит?

— Почему не ездит, ездит, — сказал Толстопуп, внимательно оглядывая глюка и Ромку с его корытом. — Вчера хозяин заезжал. Так что его теперь до новой луны не будет. А вы, если не хотите к ночи волкам в зубы попасть, здесь обождите. Утром и пойдёте, если надо. Местечко у костра найдётся.

— Но хоть телефон-то у вас есть? — в отчаянии спросил Ромка. Вдруг жутко разболелась голова, и от гудения чужого голоса и от событий сегодняшнего странного дня. В глазах поплыли круги, и он ухватился вспотевшей рукой за свой шест. Земля стала покачиваться. Как сквозь вату, он услышал ответ Толстопупа:

— А кто такой этот ваш Телефон?

Ромка приоткрыл глаза. Темно. Темно и тепло. Ещё рано, и можно поваляться в кровати, пока не зазвонит будильник.

Он вздохнул и потянулся. Ну почему этой псине обязательно надо забираться в постель? Всё одеяло пропахло мокрой шерстью.

— Альма, Альма, — пробормотал он, шаря рукой возле себя. Пальцы нащупали лохматую, кудрявую шкуру. Совсем не похожую на короткую, гладкую шёрстку Альмы.

Ромка приподнял голову и заморгал. Не было никакой комнаты в родительской квартире, где он жил теперь наездами. И мать не жарит его любимые отбивные. Хотя запах жареного мяса так и лезет в ноздри.

Ромка поднялся на колени и сразу уткнулся макушкой во что-то твёрдое, шуршащее. Ветки. Ветки шалаша, куда его отнесли, когда он свалился в обморок. Он тогда спросил дядьку со смешным именем Толстопуп о телефоне, а земля почему-то вдруг завертелась, стала дыбом, и опрокинула Ромку навзничь. Очнулся он на вонючей, лохматой шкуре, чьи-то руки придерживали ему голову, а в рот лилась вода. Он проглотил немного, его оставили в покое, и он уснул.

Ромка на четвереньках выполз из душного шалаша на свет. Его пошатывало, и он едва не свалил сложенную из веток конструкцию. Свежий, густой воздух леса сиропом потёк в горло, расправил лёгкие, и Ромка сел на землю у входа, вдыхая эту божественную амброзию.

Было раннее утро. Небо, нежно-голубое, ещё не выцветшее от ослепительной жары полдня, пересекали тонкие струйки облачков. Их волокнистые бока розовели от невидимого отсюда, из глубины леса, солнца. Тишина, особая тишина места, где даже нет телефонов, казалась осязаемой.

Потом он различил звуки. В кустах насвистывали мелкие пташки, тонкие ветки и густые листья от их суетливой возни качались и шуршали. А возле костра, где трепетал полупрозрачный в утреннем свете огонёк костра, сидел Ромкин двойник и тискал женщину дядьки Толстопупа.

Ромку они не заметили, и он минуту просто сидел и таращился на то, как его копия, до боли знакомая даже со спины, мнёт роскошную грудь сидящей на козьей шкуре женщины. Двойник тихонько мурлыкал, зарывшись лицом в глубины пышного, покрытого лёгким загаром бюста.

Ромка даже узнал слова старинной песенки, которую, бывало, напевал его дед, собираясь на рыбалку, когда раскладывал на специальной тряпочке крючки и блесну. «Я назову тебя зоренькой, только ты раньше вставай...» — вытягивал глюк, утонув меж двух атласных округлостей, — «я назову тебя солнышком, только везде успевай...»

Пальцы его мяли упругую грудь, то скользя по гладкой коже, то жадно сжимаясь. Женщина сидела посреди брошенной прямо на землю шкуры, её лицо с полузакрытыми глазами было сонным и невыразительным. Пальцы правой руки тихонько перебирали волосы на голове Ромкиного двойника.

Почему-то это больше всего взбесило Романа. Это его голова! И, если на то пошло, это его волосы! Он вскочил на ноги. Голова пошла кругом. Он покачнулся, но устоял. В глазах прояснилось, и он шагнул к костру. Его по-прежнему не замечали. Тёмная, душная злость поднялась откуда-то из неведомых глубин, о которых он не подозревал до того момента,

когда увидел Ангелину с тем пожилым мужиком. Сейчас это чувство снова поднялось, как муть со дна, и затуманило Ромке глаза.

— А ну, отлезь от неё, гад! — крикнул он.

Голос со сна сорвался, и Ромка только глухо каркнул. Женщина подняла на него сонные глаза. Рука её соскользнула с головы мурлычущего глюка. Двойник обернулся и выпучил глаза. Торопливо убрал руки с женских прелестей и отодвинулся в сторону. «Испугался!» — злорадно подумал Роман.

— Как ты смеешь лапать нашу... нашу... — Ромка запнулся, желая дать определение жене человека, приютившего их на ночь.

— Кого это тут лапают?! — рыкнул голос за его спиной.

Это был дядька Толстопуп. Кудлатый, невысокий, простоватый с виду мужичок сейчас испугал бы кого угодно. Даже в драке за хозяйских овец он не был так страшен.

Дядька шагнул к костру. Женщина не стала убегать. Она осталась сидеть, уронив руки на лохматые космы козьей шкуры. Глюк проворно отполз на приличное расстояние.

Ромка посмотрел на дядьку, и испугался. Борода торчком, глаза дикие. Он выскочил вперёд, заслонив дразнящую картинку, и встал с дядькой лицом к лицу. Быстро сказал, глядя, как глаза Толстопупа наливаются кровью:

— Это чудо! — надо было срочно что-то придумать. Что-то такое, что переключит мысли ревнивца в другое русло. — Он узнал в ней свою... свою кормилицу!

Откуда это архаичное слово выскочило на свет, он не знал. Главное, не дать ревнивцу опомниться.

— Он сосал её грудь, даже когда вырос. Поэтому он запомнил, как она выглядит. До трёх лет сосал, уже большой был, а всё титьку просил...

Ромка нёс этот бред, и ужасался. Но мужичок слушал, а это сейчас было самое главное.

— Он ведь сирота, без родителей рос, — жалостливо нёс ерунду Ромка, и уже сам верил себе. — Без отца и без матери. Всё говорил: «как бы мне увидеть свою мать, хоть одним глазком, хоть на минуточку!»

Ромка остановился, чтобы сглотнуть, и перевести дух. Дядька смотрел подозрительно, но глаза его уже приняли осмысленное выражение. Толстопуп вдруг сварливо спросил:

— А ты кто тогда? Тоже сирота?

— Тоже, — немедленно отозвался Ромка. — Мы же... близнецы! Братья, единоутробные.

— Братья, значит, — сказал дядька. — А что ж я вас раньше не видел? Такие, как вы, под кустами не валяются.

— Это почему? — машинально спросил Ромка.

— А потому, — веско ответил Толстопуп. — Не знаете, что у нас с близнецами делают? В речку бросают, и вся недолга.

— Как это — в речку?

— Близнецы рождаются к несчастью, — вдруг подала голос женщина. Она сидела у костра и внимательно слушала, переводя блестящие глаза с одного на другого. — Им не дают даже взять грудь матери, сразу уносят и топят, как котят.

Она вздохнула. Ромка уставился на неё. Он вдруг понял, что казалось ему неправильным всё это время. Всё было неправильным. То неуловимое сочетание мелочей обыденной жизни, которое так привычно, что его не замечаешь, как воздух. Всё было не так в этом лесу, на этой поляне, в этих диких, чужих людях. Чужие. Они совсем чужие. И мир этот совсем

чужой.

Ромка потёр лоб, чтобы не потерять нить разговора от внезапно свалившегося на него прозрения. Он почувствовал себя канатоходцем на проволоке. Один неверный шаг, и он полетит кувырком прямо в жадные лица зрителей. Будь что будет. Пан или пропал. Единственное, чего нельзя делать, стоя на проволоке — это останавливаться на полпути.

— А мы не обычные близнецы, — сказал он, тщательно выговаривая каждое слово. — Наше рождение было угодно судьбе. — Он лихорадочно думал. Казалось, голова сейчас лопнет от напряжения. Люди, дикие люди. Что можно им наплести, чем пронять?

— Наша мать была знатного рода, — была не была. Пропадать, так с музыкой. — Она дочь благородного человека...

— Ага, — вдруг включился в разговор глюк. — И её папаша запер её в комнате без дверей, чтобы она не сбежала. Потому что она забеременела от неизвестного бога! А бог тот явился к ней из прогоревшего очага, когда все спали. Вырос из пепла, как прыщ на зад... как тополь на Плющихе!

Ромка уставился на него. Это было уже чересчур. Глюк поднялся на ноги и вдохновенно взмахнул руками, показывая размеры вылезшего прыща.

— Вот какой был! Мать наша как его увидала, сразу поняла, кто это. А её папаша, наш дедушка, то есть, ей не поверил, и запер навсегда одну. Вместе с верной служанкой. А та служанка всё знала, и ей помогла...

— Так это вы! — вдруг взвизгнула женщина. Поднялась на коленки и протянула дрожащие руки к опешившему глюку: — Это вы!

Дым от жареных потрохов тянулся вверх и растворялся в воздухе. В желудке у глюка заворчал, и малец Мухобой тихонько фыркнул. Он стоял позади всех, жадно вдыхая запах шкворчащей на огне птицы.

Дядька Белоглаз, в накинутаой на плечи шкуре, обмотанной поверху линялой тряпкой, поводил руками над раскалённым треножником. Даже с повязкой, которую накануне у ручья наложила ему жена Толстопупа, и которая закрыла глаз и полголовы, он выглядел торжественно, и скорее походил на почтенного старца, чем на овечьего пастуха.

Белоглаз, бормоча слова ритуала, склонился над чашей, в которой исходили дымом и шипящим жиром ошипанные голуби, погрузил пальцы в поднимающийся над тушкой дым. Густой, ароматный пар потёк между пальцев, завиваясь тугими колечками.

Белоглаз всё бормотал, то совсем тихо, то чуть громче. Дымок, взбитый движением его пальцев, прихотливо клубился, в нём возникали и тут же распадались серые туманные фигурки.

Ромка сглотнул голодную слюну. С тех пор, как он проснулся на вонючей шкуре в шалаше дядьки Толстопупа, прошло от силы пару часов, но эти часы показались ему вечностью.

Когда жена дядьки с криком протянула руки к изумлённому глюку, а сам Толстопуп молча выкатил на них глаза, первой мыслью Ромки было бежать без оглядки с этой поляны.

А потом дядька сказал:

— Кубышка, это правда, что ль?

Женщина отчаянно закивала, мотая головой, прядки густых волос опять распустились и упали ей на лицо.

Дядька Белоглаз, что пришёл вместе с Толстопупом, и стоял всё это время за его спиной, в удивлении крякнул и почесал бровь под окровавленной тряпкой.

Потом дядька ухватил Романа за бицепс и подтащил ближе к костру, так, что тот наступил на угли и задрыгал ногой, зашипев от боли. Их с глюком поворачивали, оглядывали, щупали, как коней на ярмарке. Жена дядьки, со смешным именем Кубышка, шмыгала носом, повторяя: «живые, живые...» и смеялась дробным смешком, глядя, как дядька Белоглаз ощупывает дёргающего обожженной пяткой Ромку.

«Похож» — бормотал дядька Толстопуп с видом знатока. — «Похож. Глаза точно мамкины...» «Нет, это волосы от матери, а глаза от деда» — авторитетно поправлял Белоглаз. — «Уж я-то сколько раз его видел!»

Роман покорно поворачивался, позволяя себя ощупывать. Он всё ждал, что сейчас дядька Толстопуп выхватит свою дубину и скажет: «Ладно, пошутили, и будет. Сейчас я вас, охальники и самозванцы, приласкаю!» И дубина поставит увесистую точку в этой безумной истории.

Потом дядька вскрикнул тонким, надсадным голосом: «А корыто-то! Корыто!» и Ромка вздрогнул и облился холодным потом. Если это безумие, то он останется в психушке до конца своих дней. С такой формой бреда ни один врач его не вылечит. А если нет, то этот мир точно сошёл с ума вместе с ним, Ромкой.

Но брэд всё не рассеивался, а на свет появилось то самое корыто. Дядька Белоглаз принялся ощупывать растрескавшееся дерево сухими, чёрными от загара пальцами, а дядька

Толстопуп бормотал: «Я сразу его приметил. Если бы не Лохмачи, сразу б догадался...»

«Вот!» — торжествующе крикнул он, тыча пальцем в деревяшку. — «Вот они, знаки, что я вырезал!» Ромка пригляделся поверх дядькиного плеча, и увидел следы, оставленные древоточцем на поверхности старого дерева. Никаких знаков там не было, но Толстопуп уверенно тыкал пальцем в корыто, и Белоглаз важно кивал, рассуждая, какие именно буквы пощадила вода.

Потом они вернулись к ручью, где дядька подозвал крутившегося возле овец мальчика Мухобоя, и отдал ему короткий приказ. Малец сорвался с места, раскручивая на ходу свой ремешок, в котором Ромка признал давешнюю пращу. Ремешок был обмотан у мальчика вокруг талии, и поддерживал жалкую набедренную повязку, из-под которой сверкали тощие ягодицы.

Малец исчез в лесу, и вернулся с парой диких голубей, таща их за крылья. Один из голубей ещё слабо трепыхался.

Голубей тут же ощипали. Дядька Белоглаз притащил откуда-то кожаный мешок, развязал тесёмки, и на свет появилась чаша кованого металла. Чаша в форме яйца со срезанной верхушкой покоилась на трёх ножках в виде птичьих лап и была изрядно закопчена снизу. Ободок её был гладким и блестящим, будто поверху её постоянно оглаживали и протирали.

Голуби отправились на дно чаши, а дядька Белоглаз, вдруг став строгим и неприступным, набросил на плечи почти новую шкуру, поверх неё кусок полотна с вышивкой по краю, и велел развести огонь под треножником. Потом он навис над костром, бормоча непонятные слова, а все остальные почтительно застыли вокруг.

— Прими наш дар, о богиня! — выкрикнул Белоглаз, вскинув руки к небу. — Прими наш дар, и благослови эту трапезу!

От крика дядьки с веток слетели испуганные пичуги. С пронзительным писком сорвался с верхушки сосны пёстрый дятел и, сверкнув пёрышками в лучах солнца, полетел в лес.

Запах жарящейся птицы стал гуще, запахло горелым жиром. Треножник сняли с огня, и голубей выложили на принесённую дядькой доску. Ловко разделав тушку, Белоглаз отошёл в сторонку и сел, скрестив ноги, на траву. Толстопуп последовал его примеру.

Они расселись в кружок возле костра, и Кубышка обошла всех по очереди, кладя в руки по куску хлеба, на котором исходил жиром и ароматным паром кусок голубинового мяса. Потом она обошла всех по кругу ещё, выкладывая на траву листья с нарезанным кусками сыром и горстью мелких оливок.

Ромка впился зубами в птичью ножку. Мясо таяло во рту, горелая кожица хрустела, исходя жиром. Ножка мгновенно исчезла, и он опомнился, только когда на зубах захрустела тонкая, полая внутри косточка. Ромка взялся за сыр, сырой, желтоватый, похожий на творог, запихнув в рот сколько смог. Желудок радостно пел. Оливки, мелкие, горькие, были восхитительны, и Ромка сжевал их вместе с косточками.

Появился кожаный бурдючок с вином, и дядька Белоглаз плеснул немного прямо на угли костра. Угли зашипели, дурмящие пары растеклись в воздухе. Потом бурдюк наклонили над широкой расписной чашей, и вино забулькало, разбиваясь о глиняное дно.

Вино щедро разбавили водой, но даже эта слабенькая, кисловатая жидкость ударила голодному, не наевшемуся птичьей ножкой и куском сыра Ромке в голову. В ушах зашумело, в желудке разлилось приятное тепло. Мир показался намного симпатичнее, чем был с утра.

Дядька Белоглаз, блестя уцелевшим оком из-под повязки, хорошенько отхлебнул из чаши, и вновь пустил её по кругу. Мальцу тоже досталось разбавленного вина, и он начал тихо хихикать, развалившись на травке и болтая в воздухе тощими, загорелыми ногами.

— А грудь-то у неё была вот такая! — услышал сквозь шум в ушах Ромка. Раскрасневшийся дядька Белоглаз показывал сидевшему рядом, тоже румяному Толстопупу размер чьей-то груди. — Не у каждой коровы встретишь!

— Правильно, царская дочь, не абы кто, — с видом знатока поддакнул дядька Толстопуп.

— Тот малый что сказал — из очага вырос? Слыхали, слыхали... — продолжал вещать, блестя хмельным глазом, почтенный дядька. Свою церемониальную шкуру он отложил в сторону. Тут же, поверх шкуры, лежала аккуратно свёрнутая вышитая тряпица.

— Вырос, — опять поддакнул Толстопуп. — Большой такой, толстый.

— Ну, ну, — погрозил пальцем дядька. — Ни ты, ни я того не видали! Но чтоб у бога — да не толстый...

Дядька засопел, смутившись, и отхлебнул из чаши. Толстопуп зыркнул в сторону жены, сидевшей неподалёку, и тихонько обгладывающей птичье крылышко с остатками мяса, и тоже отхлебнул вина. Отёр рот рукой и обернулся к Ромке:

— А я ведь тебя вот таким пискуном помню! — он развёл руки и показал размер пискуна. Выходило, Ромка в то время был не больше кошки. — И брата твоего помню.

Толстопуп тяжело вздохнул и помотал головой:

— И как я вас тогда не убил, даже не представляю...

— Ну и где он, этот перелаз? — зло спросил глюк.

Они стояли у поваленной сосны. И так уже еле различимая тропинка здесь ныряла под ствол, и пропадала в траве.

Ромка почесал зудевшую под блохастой шкурой спину. Обед под кисленькое винцо закончился внезапно и отрезвил собравшегося вздремнуть на травке, сонного Ромку.

* * *

Он уже клевал носом, уютно пригревшись рядом с костром, где догорали остатки голубиных потрохов, и струился к небу сизый дымок, когда дядька Толстопуп ткнул его твёрдым пальцем в бок и весело сказал: «Эй, парень! Пора идти!» «Куда?» — пробормотал Роман, с трудом разлепив глаза.

Дядька Белоглаз с достоинством ответил: «Не бойтесь, мы вам путь укажем. Всё как есть обрисуем, до последнего поворота».

А Толстопуп поддакнул: «Мы, небось, не дикари какие. В городе бывали, людей повидали!»

Тут же у костра, на клочке земли, присыпанном золой и приглаженном ладонью, дядька принялся чертить план местности. Ромка сонно таращился в эту импровизированную карту, глядя, как Белоглаз выводит на золе прутиком линии с кружками.

«А как дойдёте до перелаза», — бубнил в бороду дядька, — «так сворачивайте по тропке, что к сосняку ведёт. Она одна такая, не пропустите. Там будет старый пенёк, так вы его обойдите, и прямо от того пня держите солнце над левым ухом, и так идите. А там уже и до горки недалеко...»

Шкуру вместе с трофейной набедренной повязкой пришлось-таки взять, и Ромка под наблюдением дядьки обернулся линиялой тряпкой, которую Кубышка успела отстирать в ручье. Шкуру Толстопуп набросил Ромке на плечи, своими руками любовно закрепил кожаными завязками, и отступил с довольным видом: «Орёл!»

Глюку тоже досталась повязка, сандалии и шкура бурой козы. Напоследок дядька, пригладив ладонью бурые клочки шерсти, и выковыряв оттуда пару репьев, махнул рукой и сказал с хмельной удалью: «Эх, чего там! Отдам, как есть отдам!» — и потащил парней за ручей. Там, в роще лиственных деревьев, росло деревце с прихотливо перекрученным стволом и корявыми ветками, обвязанное поперёк чёрной шерстяной ниткой.

«Для себя растил» — сообщил дядька, оглядывая деревце. Потом перехватил поудобней принесённый с собой топор, и ловко срубил деревце у основания. Сноровисто отделил ветки, и гордо продемонстрировал результат.

В крепкой пятерне дядьки красовалась узловатая, с утолщением наверху, дубинка. Из утолщения, похожего на здоровенный кулак, торчали намертво вросшие, словно вылезшие когти, осколки заострённых камней.

«Пригладишь по руке, отполируешь, и будет дубинка хоть куда» — гордо сказал Толстопуп, вручая оружие глюку. Глюк повертел дубинку в руке, с лёгким испугом разглядывая каменные шипы. «Хорошая вещь, убойная, не сомневайся» — с законной

гордостью за своё изделие сказал Толстопуп, неправильно истолковав заминку.

«Спасибо, дядя Толстопуп» — вежливо сказал наконец двойник, а дядька ловко прикрепил к рукоятке дубины кожаную петельку для руки. «Потом другую поставишь, получше» — добродушно сказал он, — «кожа-то от крови быстро дубеет», и Ромка увидел, как глюк побледнел, глядя на каменные шипы.

* * *

— Ты ещё спроси, что это такое — перелаз! — так же зло ответил Ромка своему двойнику.

Солнце потихоньку поднималось, обещая наступление полуденного пекла. Навязанная дядькой Толстопупом шкура давила плечи. А уж воняло от неё так, что мухи радостно летели за Ромкой от самого костра.

— Ты же у нас умный, — язвительно сказал двойник, яростно скребясь под шкурой. — Тебе и карты в руки.

— Раз уж мы об этом заговорили, сам-то ты кто такой? — спросил Ромка, оглядывая с ног до головы чешущего подмышками глюка. — Давай, колись уже.

— Как это кто, — проворчал глюк, вытащив руку из-под шкуры и пристально разглядывая у себя под ногтями. — Роман Маркович Сильверстов, к вашим услугам. А ты кто?

Ромка задохнулся, хватая ртом воздух и не находя слов.

— Да это я — Роман! Сильверстов! — закричал он, размахивая руками под носом у нахального глюка. — Я! Понятно?

— Понятно, — сварливо ответил глюк, отступив на шаг и морщась от звуковой волны. — Ты только не нервничай. Нервные клетки не восстанавливаются.

— Пошёл ты! — Ромка в ярости отвернулся и уставился невидящим взглядом на ближайшую сосну.

Мало того, что этот тип похож на Ромку как две капли воды, так он ещё и его имя присвоил! Единственное, что у него осталось в этом безумном мире...

— Если ты — Роман Сильверстов, тогда как зовут твоих родителей? — спросил он с тайной надеждой. — А адрес у тебя какой? Быстро отвечай!

— Слушай, лапоть, — мирно ответил двойник. — Не суетись. Ты как сюда попал, помнишь?

— Не помню... — Ромка задумался. Он честно попытался вспомнить, но в глазах стояла только огненная вспышка, ударившая в пяточок озера. А дальше был только бред. Бред помрачённого сознания.

— А я помню, — хмуро сказал двойник. Он повертел перед глазами подаренной дядькой Толстопупом дубиной, и тихо сказал: — Может, это бред помрачённого сознания, но я помню, как меня на атомы размазало. И как земля под нами крутилась, а ты плыл надо мной в таком зеркальном пузыре...

— Заткнись! — крикнул Роман, сжав голову руками и зажмурившись. — Это бред! Не было этого, не было!

— Не было, не было, — ласково проворковал вдруг двойник. Ромка открыл глаза. Глюк улыбался, глядя ему за спину, и он повернулся посмотреть, что там такое.

Там стояла запыхавшаяся Кубышка.

Женщина робко улыбнулась. Глюк глянул на Ромку, сделав страшные глаза. Тот моргнул. Что бы ни было, не стоит вмешивать в это дело посторонних. Это их с двойником дело. Можно сказать, семейное.

— Что тебе нужно, красавица? — спросил глюк, и женщина шагнула ближе. Оглядела их обоих и повернулась к Ромке:

— Я хотела дать вам кое-что на прощанье.

Глаза двойника заблестели, он придвинулся ближе, и попытался взять даму за талию:

— Кое-что?

Игнорируя глюка, Кубышка развязала узелок, что был у неё в руке и аккуратно разложила на траве тряпицу. В тряпице оказался крохотный кувшинчик. Она подняла кувшинчик, ловко вытащила затычку, налила из узкого горлышка себе в ладонь и побрызгала Ромке на голову.

— Что это? — Ромка помотал головой. С чёлки на нос ему капнула белая жидкость. Он скосил глаза. Молоко.

Кубышка в это время уже окропляла волосы глюка. Глюк ухмылялся во весь рот, наклонившись пониже, к едва прикрытым платьем прелестям женщины. Ладонь его воровато скользнула под подол.

— Не лезь! — сквозь зубы бросил ему Ромка.

— А ты что, сам поверил, что это наша кормилица? — ухмыльнулся двойник, оглаживая Кубышку.

— Всё равно не лезь! Репликант блохастый!

— От репликанта слышу!

Кубышка спокойно вытащила руку парня из-под платья и оправила подол.

— Я знаю, что у моей госпожи был мужчина, — сказала она с достоинством, и они умолкли. — Она говорила, что её посетил бог. Когда она родила двойню, её отец запер свою дочь, а детей отдал моему мужу, чтобы тот бросил их в реку. Мой муж отнёс детей к реке, а я покормила их грудью. Они были голодные, а мой ребёнок умер.

Кубышка обвела их глазами, и Ромка увидел, что она плачет.

— Муж не решился бросить детей в воду. Я кормила их. А потом пришли люди хозяина, и мужу пришлось унести детей. Он положил их в корыто и отнёс к реке, чтобы спрятать в кустах. Была весна, река разлилась, и корыто унесло водой. Не знаю, может быть, то были вы.

— А что же твой муж, ведь он поверил, что это мы? — спросил глюк.

— Мой муж поверил, потому что хотел верить. Он до сих пор не может себе простить, что оставил вас на верную смерть у реки.

Кубышка отёрла лицо ладонью, положила кувшинчик, и подняла с платка две шерстяные нитки. Ромка покорно позволил повязать себе на запястье шерстяной браслет. Пусть делает что хочет. Это просто детские шалости по сравнению с тем, что он только что услышал от своей копии. То, что копией мог оказаться он сам, Роман не хотел даже думать.

— Удачи вам, — тихо сказала женщина. — Да пребудет с вами благословение Великой Матери.

Кубышка подняла с земли платок, свернула узелком и ушла по тропинке обратно.

— Ёлки зелёные, — сказал Ромкин двойник. — Как думаешь, тут ещё два таких дурака по лесу бродят, или мы одни такие?

— Вот он, этот пень! — Двойник мотнул головой. На круглой проплешине меж сосёнок торчал огрызок древесного ствола.

Пень был тёмный, гладкий, кора его давно отвалилась и истлела, а годовые кольца забились землёй.

— Старый пень есть, осталось только найти горку, — отдуваясь, сказал Ромка. Солнце пекло даже здесь, под деревьями. Кожа под вонючей шкурой немилосердно зудела, но скинуть её он не решался.

Они потеряли тропинку, которая незаметно сошла на нет, и теперь тащились по лесу, изнемогая от жары. Вода в привешенном к поясу Ромки кувшинчике давно кончилась.

— А вечером полезут волки, — легкомысленно заметил двойник. — Им всё равно, кого жрать. Городских или местных.

— Заткнись. — Ромка невольно прибавил шаг.

Они обогнули пень и пересекли крохотную полянку. Здесь сосны росли редко, и из земли кое-где торчали куски серых камней, прикрытые спутанной травой.

— Глянь, здесь были люди!

Двойник ткнул пальцем и Ромка увидел тряпочку, привязанную к ветке низенькой сосны.

— Тряпка свежая, видно недавно висит, — оценил он, подёргав ленточку ткани, повязанную узлом на ветке.

— Вон ещё одна!

Они торопливо двинулись вдоль отмеченной кусочками ткани, едва различимой в траве дорожке. Дорожка сделала несколько поворотов, обогнула большой валун, поодаль от которого торчали камни поменьше, и пропала в каменистой почве.

Деревья кончились, сменились редкими кустами, и они вышли под выцветшее от полуденного жара небо.

Впереди, за куском голого каменистого пространства виднелась полоса ядовито-зелёной травы и высокого, в рост человека, камыша. Солнце сияло, отражаясь в пятачке круглого озерца. В крохотное озеро впадал полускрытый камышом ручей.

— Идиллия, — хрипло пробормотал глюк и пошлёпал к озерцу. Упал на колени в прибрежную гальку и макнул голову в воду.

Ромка опустился рядом с ним на гладкие, окатанные водой камни и последовал его примеру. Берег озера и дно были густо покрыты серыми, округлыми гольшами, и вода стояла в каменной чаше, как кусок хрустала.

Ромка снял сандалии, зашёл в воду и глубоко вздохнул, чувствуя, как ледяная влага у дна охлаждает горящие ступни. Отвязал от пояса кувшинчик и набрал воды. Двойник рядом жадно хлюпал, с волос его текло, он отдувался и блаженно вздыхал.

— Аа-а-аа!!!

Ромка увидел нависшую над головой, изломанную в разбегающихся кругах воды громадную тень. Рёв дикого зверя ударил в уши. Ни увернуться, ни отскочить он уже не успевал.

Он сделал то единственное, что мог сделать — упал лицом в воду и погрузился как можно глубже, зарывшись пальцами в каменистое дно. Что-то с шумом ударилось о водную

поверхность, его закачало и едва не выбросило наверх. Ромка, царапая пальцами о дно, отполз в сторону и выскочил на поверхность.

Выбравшись из облепившей тело, сделавшейся неподъёмной козьей шкуры, он рванулся к берегу. Звериный вой звенел в ушах, вода плескалась и бурлила. Ромка оглянулся и увидел горбатый, массивный силуэт с неимоверно длинными руками.

Руки взметнулись вверх и опустились, взметнув столб воды. Чудище с плеском, разбрызгивая воду, ступило в глубину, его чёрный, горбатый силуэт вдруг пошатнулся, и огромная масса туловища обрушилась в озеро.

Мелькнули в воздухе кривые, чёрные ноги. Тугой стеклянной короной взметнулась вверх волна, с шумом полетели брызги. Мелькнул и пропал между взметнувшихся тучей каплей тощий силуэт глюка. В воде ворочалось, рыча и размахивая руками, страшное, горбатое звероподобное существо.

Отчаянно вскрикнул такой знакомый, Ромкин голос. Силуэт двойника опять мелькнул и пропал в туче брызг. Роман подобрал на берегу камень побольше и кинулся воду. Размахнулся и с силой запустил камень в мохнатую, чёрную тушу.

Звероподобное существо дёрнулось, брыкнуло кривой ногой. Его огромное тело качнулось, взметнув волну, а из воды показалась голова Ромкиного двойника. Тот, цепляясь за клочья чёрной шкуры, поднялся над водой и судорожно закашлялся, тяжело дыша и отплёвываясь. Волосы облепили ему лицо, руки тряслись, цепляясь за чёрные лохмы качающейся в воде туши.

Ромка кинулся за другим камнем, вернулся, и шмякнул булыжником по мохнатому горбу.

— Стой, — надрывно кашляя, просипел глюк, — хватит!

Двойник откашлялся, сплюнул в воду, оттолкнулся от туши и побрёл к берегу. Ромка пнул существо пяткой. Туша вяло качнулась.

— Оно что, сдохло?

— Сдохло, — не оборачиваясь, буркнул глюк, валясь на гальку. Он лёг на спину и закрыл глаза. У запястья правой руки, натянув кожаный ремешок, сплетённый дядькой Толстопупом, лежала шипастая дубинка.

— Это ты его? — не веря, спросил Ромка. Он опять пнул тушу ногой. Тело больше не шевелилось.

Двойник сел и поднял руку с повисшей дубинкой. Поперёк его запястья наливался багровый рубец.

— Вот ведь дрянь. Когда эта тварь на нас из леса выскочила да на тебя бросилась, я только и успел дубиной махнуть.

Глюк закашлялся и отёр мокрое лицо ладонью. Оглядел опухающее на глазах запястье:

— Никогда никого не бей палкой плашмя, студент. Я его стукнул, а эта дура отлетела и мне прямо в лоб. Ладно, не шипом, а рукояткой попало. Сейчас бы я тоже тут плавал, кверху брюхом.

— А это... этот отчего плавает? — недоверчиво спросил Ромка, косясь на горбящуюся над водой тушу.

— Хорошие дядька петли для дубинок делает, вотпочему. Я рукой махнул, так дубинка птичкой вокруг облетела, — хмуро ответил глюк, не глядя на Ромку. — Как цеп, понял? А тут эта тварь мне прямо в лицо своим рылом сунулась...

Роман кивнул. Он понял. Дубинкой его махать никто никогда не учил. А вот цеп и

прочие экзотические виды оружия ему были хорошо знакомы.

— Чёрт, — сказал двойник, бледнея и сглатывая. — И чего этот урод ко мне полез? Висок подставил. Шипы ведь...

Он согнулся, и его стошнило на гальку.

Ромка сходил к озеру и выловил из воды свою намокшую одежду. С мокрой, потяжелевшей шкуры ручьями текла вода, и он разложил одежду просыхать на берегу. С неё тут же заструились ручейки, впитываясь в гальку.

Глюк поднялся на ноги, сходил к воде и умылся. Потом они вместе вытащили на берег тушу убитого существа. Туша на берегу оказалась неподъёмной, и они выволокли её из воды только по пояс, оставив ноги мокнуть в озере.

Тело перевернули. Шлёпнула о камни тяжёлая мёртвая рука, и на Ромку глянули полузакрытые, тёмные, почти без белков глаза. Низкий лоб в продольных, глубоких морщинах, сросшиеся брови, редкая бородёнка, и оскаленные в последней гримасе зубы. У этого подобия человека была шишковатая голова, поросшая не то бурым волосом, не то шерстью, и тяжёлая челюсть с неправильным прикусом. Туловище его было не мохнатым, а просто обёрнутым в шкуру животного, перевязанную ремешками на боках и груди.

Грудь его, круглая и объёмистая, словно бочка, была перетянута ремнём с пряжкой в виде головы льва. На ремне болталась кожаная фляжка и какой-то вытянутый предмет в меховом футляре.

— И что нам теперь с ним делать? — спросил сам себя Ромка, оглядывая тело.

Солнце стояло прямо над головой, и ощутимо припекало макушку. Если оставить труп у воды, экологическая катастрофа в отдельно взятом озере обеспечена.

— Засунь его в пластиковый пакетик для мусора, — огрызнулся глюк. Он посмотрел в лицо звероподобного человека, скользнул взглядом по ране на виске, и позеленел. Нагнулся над водой и стал плескать себе в лицо.

— Да благословят вас боги, дети мои, — проскрипел голос над головой Ромки. Тот вздрогнул и поднял голову.

На берегу, в двух шагах от убитого ими человека, стоял тощий дед в банной простынке и слезящимися старческими глазами смотрел на труп.

— Да благословят вас боги, — повторил старик.

Он подступил к покойнику поближе, нагнулся и поводил носом над телом, будто принюхиваясь.

— Да вы его совсем убили, — сказал старик, с трудом распрямив спину и подслеповато щурясь на Ромку.

Глюк отряхнул руки и выбрался на берег. Он был ещё зеленовато бледен, с мокрых волос капала вода.

— А как ещё можно убить, дед? — спросил он.

Тот неожиданно сложился пополам и поклонился отшатнувшемуся Ромке и глюку в ноги.

— Избавили нас от злодея, сынки, избавили, благослови вас боги!

— Что ты несёшь, дед? — сурово спросил Ромка, с отвращением глядя на потную, шишковатую лысину старика, которая подобострастно качалась вверх-вниз у его коленок.

— Сколько лет проклятый разбойник тут безобразничал, честных людей убивал и грабил, достойным женщинам проходу не давал, — тянул дед, тычась носом в гальку. — Удостойте чести, посетите мой скромный дом, преломите со мной хлеб...

Ромка оглянулся на своего двойника. Тот смотрел на елозящего у ног деда, и Ромка узнал на его лице собственную, брезгливую гримасу.

— Где твой дом, дедушка? — спросил Роман.

Тот проворно выпрямился.

— Да вон, по тропинке в гору, там у меня пещерка, — старик взмахнул тощими руками, тыча куда-то вбок. — В пещерке живу, беден я совсем, в скудости обретаюсь...

Старик подобрал повыше свою простынку, открыв жилистые ноги в потрёпанных сандалиях, и проворно засеменял прочь от озера. Обернулся и приветливо замахал рукой.

— А этого куда? — Ромка мотнул головой в сторону тела.

Двойник глянул на покойника и отвернулся. Видно было, что возиться с телом ему совсем не хочется.

— Потом уберём. Не убежит.

Дед опять махнул рукой, и они двинулись за ним.

Серая галька сменилась выгоревшей под солнцем, в редких пучках травы, каменистой почвой. Потом трава стала гуще, а дорога ощутимо пошла в гору. Появилась узенькая тропка, она извивалась вверх по склону горы, густо поросшей зарослями ежевики. Ромка с двойником едва поспевали за шустро перебиравшим ногами по тропе дедом.

Солнце пекло отчаянно, но на высоте дул лёгкий ветерок, и Ромка с наслаждением подставил ему горящее лицо. Нагретые полуденными лучами листья ежевики, и заросли фиолетовых и алых цветов вдоль тропинки источали густой аромат, превратив воздух в пьянящий коктейль. Низко гудели толстые пчёлы, и большая стрекоза пронеслась над тропинкой, сверкнув металлически зелёным телом.

Тропинка вильнула несколько раз, и они потеряли деда из виду. Потом он вынырнул из-за куста и поманил их за собой. Ромка отодвинул шуршащие ветки, и вышел на крохотную каменную площадку, посыпанную свежим песком. Здесь камни горы торчали неровными уступами, и, облепленные усами ежевики, нависали козырьком над входом в пещеру. Вход

представлял собой овальную дыру, слегка закопчённую поверху. Должно быть, старик готовил себе на открытом огне.

Дед нырнул в дыру. Роман согнулся почти вдвое, чтобы пролезть вслед за ним. Воздух в пещере был прохладный, камень горы не пускал сюда дневной зной. Сквозь невидимую щель в потолке пробивался солнечный луч и перечёркивал золотой полоской посыпанный песком пол пещеры.

Старик засеменял куда-то в темноту, и вернулся с тощим бурдюком и свёртком из грубой ткани.

— Присаживайтесь, дорогие гости, у очага, отдохните с дороги, — дед встряхнул бурдюком. В глубине кожаного мешка звонко булькнуло. — Глоток вина, хлеб, сыр — вот и вся моя пища. Угощайтесь, не побрезгуйте.

Очаг, сложенный из грубых камней, почерневших от жара, возвышался над полом. По периметру он был выложен плоскими камнями, явно принесёнными от озера.

Старик положил свёрток возле очага и опять скрылся в углу пещеры. Повозился там и принёс несколько глиняных кубков и кувшин с широким горлом.

Дед поставил кувшин на плоский камень. Булькнула вода, выплеснувшись на золу.

Потом старик распрямил спину и неожиданно громко гаркнул, озирая пещеру:

— Козочка!

Ни козы, ни другой животины на зов не явилось, и дед махнул рукой:

— Всё сам, да сам...

Он поворошил угли очага, подложил хворост, и заалевшие угли выпустили язычки огня. Хворост затрещал, разгораясь. Старик развернул тряпицу и выложил по углам импровизированной скатерти плоский хлеб, сыр и пригоршню оливок.

— Мяса нет, дорогие гости, чем богаты, — пробормотал дед, привычным жестом откупорил бурдюк и наклонил его над кувшином.

— Что же вы, дедушка, вино так сильно разбавили, — спросил глюк, тоскливо глядя, как вода в кувшине поглощает живительную влагу. — Это уже не вино будет, а кошачья мо... вода одна!

— Что же мы, дикари, неразбавленное вино пить? — изумился старичок.

Они жадно осушили свои кубки, и старик налил ещё. Кисленькая жидкость хорошо утоляла жажду, и Ромка быстро допил второй кубок.

Плоский, наломанный кусками хлеб с сыром быстро исчезли. Дождёвая последнюю оливку, Ромка благодушно посмотрел на гостеприимного старичка и улыбнулся. Тощий дед с его блестящей лысиной уже не казался ему противным старикашкой.

— Дедушка, спасибо за угощение. Не знаю, чем тебя отблагодарить. Мы сами не местные, у нас нет ничего в подарок...

Старик замахал руками:

— Что вы, гости дорогие, ничего не надо! — он поднялся и посеменял к выходу из пещеры. — Побудьте тут, гостюшки, а мне надо до ветру сходить. Старость, что поделать!

Дед исчез из вида, а Ромка тихо сказал двойнику:

— Надо бы подобрать тебе имя. Не могу же я тебя «эй, ты!» называть?

— Тебе надо, ты и подбирай, — лениво ответил двойник. Слабенькое вино, как видно, ударило ему в голову. Лицо его покраснело, глаза блестели в свете костра. Глюк удобно привалился к стене пещеры и оглядывался вокруг с добродушной улыбкой.

— Нет уж, — возразил Ромка. — Ты ещё предложи нам таблички нацепить: Роман-один

и Роман-два! Давай сделаем, как в телефонной книге. Какая следующая буква после «о»?

— «П»? — лениво предположил глюк.

— Да нет, гласная!

— Тогда «и».

Ромка задумался.

— Это будет Римка. Женское имя! И вообще, это не по порядку.

— По порядку будет «У», — глюк противно захихикал. — Румка! А если дальше, так ещё смешнее — Рюмка! Сам бери себе такое имя.

— Ну почему, — обидевшись, сказал Ромка. — Там ещё «Э» есть. Рэмка.

— Собачье имя, — прокомментировал двойник.

— Тогда я буду звать тебя Чипполино, — злорадно заявил Роман. — Простенько и со вкусом!

— Чёрт с тобой, — согласился двойник. — Пользуйся моей добротой. Рэмка так Рэмка. Помнится, у старика Адольфа был соратник по имени Рэм. Так что не обижайся, если я тебя по ошибке фюрером обзову.

— Ага, — ехидно ответил Роман. — Рём. Он ещё очень плохо кончил. Учи историю, студент!

Новоявленный Рэмка махнул рукой и засмеялся. Ромка тоже фыркнул, и они оба покатались со смеху.

— А вот и я, гости дорогие! — пропел нырнувший в пещеру старик. Он положил на пол свёрток, в котором Ромка с удивлением узнал мохнатую шкуру убитого ими громилы. — Вот, принёс вашу добычу. Не пропадать же добру.

Рэм развернул свёрток. Внутри оказался свёрнутый ремешок с прицепленной к нему кожаной фляжкой и длинный предмет в меховом чехле. Двойник развязал тесёмки чехла и вытянул на свет странного вида дудку.

Дудка была длиной в локоть взрослого мужчины, имела неширокий раструб на конце и несколько отверстий. Рэмка повертел дудку в руках и тихонько подул в неё, вызвав свистящий звук.

— Да это свирель, — он опять приложил её к губам и сыграл несколько нот.

— Ты умеешь играть на свирели? — спросил старик, жадно взглянув на дудку. Он облизнул губы и уставился на Рэма блестящими, выпуклыми глазами.

— Когда-то умел, — нехотя ответил двойник, бросив быстрый взгляд на Ромку.

Музыкальная школа была одним из нерадостных воспоминаний детства. Гобой, от которого болели усердно раздуваемые щёки, и фортепиано, за которое Ромку усаживали с рёвом, сменились домрой и аккордеоном, и через несколько лет мучений благополучно ушли в небытие. Зато умелая игра на гитаре снискала Роману заслуженную славу у девчонок.

— Сыграй что-нибудь, — попросил дед, не отрывая глаз от держащего дудку Рэма. — Порадуй старика!

Рэмка пожал плечами, на пробу вывел несколько дрожащих тактов. Пожевал губами, приложил свирель к губам и заиграл. Вначале мелодия не давалась ему, но вскоре Ромка узнал песню и подпел в такт:

— О, мамы, о, мамы мамы блю, о, мамы блю...

— Что это вы поёте? — беспокойно спросил старик, заёрзав на песке.

— Да ты слушай, дед! — бесшабашно махнул рукой Ромка. Ему стало весело. Дед уже вызывал у него умиление своими тощими ногами и загорелой лысиной. Ему захотелось

сделать что-нибудь приятное всему миру. Двойник играл, и Роман затащил тенорком:

— Я дом покинул в двадцать лет
И потеряла ты мой след
Вернувшись, с грустью я узнал —
Тебя уж нет... [1]

Старичок внимательно слушал, переводя блестящие глаза с играющего на свирели гостя на певца. Голова его мерно кивала в такт песне.

Ромка закончил петь и жадно отпил разбавленное вино прямо из кувшина.

— Как хорошо ты поёшь, славный гость, — выговорил старик, подхватив бурдюк и торопливо долив вина в кувшин. — Спой ещё!

Ромка откашлялся. Что же, надо отплатить деду за гостеприимство. Он сделал хороший глоток из кувшина, и кивнул двойнику. Тот проиграл несколько тактов.

— Выпей — может, выйдет толк
Обретёшь своё добро
Был волчонок — станет волк
Ветер, кровь и серебро... [2]

Старик слушал, тощая нога его непроизвольно постукивала по полу пещеры в такт Ромкиной песне. Обхватив руками коленки, дед покачивался, шмыгал покрасневшим носом и помаргивал увлажнившимися глазами. Потом он неожиданно вскочил, просеменил вглубь пещеры и вернулся с музыкальным инструментом, похожим на арфу. Поставил его перед собой, уселся, скрестив ноги калачиком, и проворно забегал пальцами по струнам. К удивлению Ромки, дед сразу попал в мелодию, и песня обрела дивную красоту.

— Не ходи ко мне, желанная
Не стремись развлечь беду
Я обманут ночью пьяною
До рассвета не дойду...

— напевал Ромка, и голос его, хриплый от волнения и выпитого вина, разносился по пещере, отражаясь диковинным эхом.

— Пряный запах темноты
Леса горькая купель
Медвежонок звался ты
Вырос — вышел лютый зверь...

Тени, отбрасываемые Ромкой от костра, качались вместе с ним, то вырастая, то уменьшаясь. Дым от потрескивающих веток поднимался к потолку пещеры и уползал прочь

серым волчьим хвостом.

— Выпей — может, выйдет толк
Обретёшь своё добро
Был волчонок — станет волк
Ветер, кровь и серебро...

— последние слова песни Роман то ли пропел, то ли прошептал. Музыка свирели смолкла, и только арфа бренчала, затихая, позванивая всеми семью струнами.

Он вдруг увидел себя со стороны, сидящего на песке у догорающего очага. Этот Ромка сонно покачивал головой, упираясь в пол руками. Глаза его неестественно блестели под набухшими веками.

Он видел и своего двойника, тот полулежал, привалившись к стене пещеры, раскинув руки по сторонам. Выпавшая из вялых пальцев свирель лежала на песке.

Затуманенным взглядом Ромка еще успел заметить, как старик деловито отставляет в сторону свою арфу и поднимается на ноги. Как разматывает обёрнутый вокруг пояса узкий длинный ремешок и подходит к лежащему у стены Рэму. Как, сложив ему руки на животе, проворно связывает ремешком двойнику запястья, и затягивает двойным узлом.

Ромка услышал звон и открыл глаза. Возле щеки покрутился и замер осколок разбитого глиняного кувшина. Несколько капель воды попали на лицо и скатились в песок.

Должно быть, он выпал из реальности всего на несколько минут. Костёр ещё дымил. Потрескивали, догорая, последние обугленные ветки, осыпаясь сизой золой на камни очага.

Блестящие глаза, обведённые каймой угольно-чёрных ресниц, смотрели на него сверху. Тонкие пальцы отвели с его лба прядки волос, пробежали по щеке, скользнули по шее, словно нащупывая невидимую жилку.

— Козочка! — прокаркал голос старика.

Угольные глаза пропали, пальчики соскользнули с Ромкиной груди, и он увидел тонкий силуэт, метнувшийся в сторону.

Роман повернул голову. Возле дымящего очага сидела на корточках и подбирала осколки разбитого кувшина худенькая, темноволосая девушка. Неопределённого цвета тряпка, свисающая с угловатых плеч и закреплённая на талии ремешком, не скрывала загорелых коленок. Коленки тоже были тощие, в свежих царапинах, какие получают, когда лазаешь по зарослям ежевики.

Его двойник лежал на боку, возле закопчённой стены пещеры, и старик стягивал с него сандалии. Снял одну, покрутил перед глазами, дальнозорко щурясь, и положил на песок. Кряхтя, принялся стаскивать вторую.

Ромка попытался крикнуть. Сухие губы с трудом разлепились, из горла вырвался хриплый звук. Старик обернулся и хихикнул.

— Славная добыча, — сказал, дробно смеясь и покачиваясь на корточках.

Рэм шевельнулся, и дед придавил его коленом.

— Сразу два петушка попались в силки. Два сытых, беленьких петушка, — старик приподнял Рэму край набедренной повязки и звонко похлопал того по бедру. — Вот пожива, так пожива!

Роман попробовал встать. Тело было как деревянное. Должно быть, старик что-то подмешал в вино. Он с трудом дёрнул руками, и ремешок, стягивающий запястья, врезался в кожу. Ноги тоже оказались связаны.

Девочка подобрала осколки кувшина и отнесла их в угол. Вернулась и присела на корточки возле очага. Ромка повернул голову и с мольбой посмотрел на неё. Молоденькие девочки должны испытывать сочувствие к симпатичным парням, а не к облезлым старикашкам. Хотя бы теоретически.

— Помоги, — сказал он одними губами.

Старик закатился визгливым смехом.

— Не надейся, мальчик. Козочка тебе не поможет. Ведь это её отца вы убили там, у озера. Моего друга. Сколько мы с ним людишек наловили в этом лесу...

Дед сощурил слезящиеся глаза и мечтательно покачал головой:

— Сколько людишек... А вы его прикончили! Как нам теперь жить? Нам... — он бросил взгляд на девочку: — с Козочкой?

Девочка сверкнула глазами на старика и опустила голову. Волосы её, забранные сзади в пышный хвост лентой из той же ткани, что и платье, окружали узкое личико тёмным, курчавым облаком.

Ромка подвигал руками. От страха или от злости, но кровь по жилам побежала быстрее, и непослушное тело стало оживать. Ноги потеплели и уже не казались холодными деревяшками. Руки. Надо освободить руки.

Узкий ремешок скользил по коже, стоило ему попытаться высвободить хоть одно запястье. Ромка затих, глубоко дыша. Успокойся. Только зверь, попавший в капкан, отгрызает себе ногу от безысходности.

Он вспомнил, как однажды на спор высвободился из наручников. Была вечеринка, на них смотрели девчонки, и отступить он не мог. Ромка тогда приёмом, описанным в книжках и многократно обыгранным в шпионских фильмах, вывернул себе из сустава большой палец руки и стянул наручник под восхищённый визг девушек и свист парней.

Если бывместо скользкого ремня была железка... Ромка зажмурился, стараясь максимально расслабить ладони, и сосредоточиться. Перед глазами плавала темнота, разбавленная медленно растекающимися цветовыми пятнами. И почему-то возникло в темноте лицо Кубышки. По круглым щекам её катились слёзы, как тогда, при расставании на лесной дорожке. Она улыбнулась Ромке, и подняла руку. На запястье у неё была точно такая же шерстяная нитка-амулет, которую она повязала им обоим.

Нитка. Он вспомнил, как его мать не могла снять с распухшего пальца кольцо, и кто-то посоветовал намотать нитку на палец.

Ромка затаил дыхание, плавно потянул руку, обмякшую, словно лишённую костей. Ремень слегка сдвинулся, толстая шерстяная нитка амулета провернулась, как ролик, на коже.

Не дыша, Роман пальцами другой руки дёрнул сустав большого пальца, и, не обращая внимания на вспыхнувшие в глазах искры, вытянул запястье из ременной петли.

Вспышка боли вбросила в кровь дозу адреналина. Он приподнялся и принялся распутывать связанные ноги.

— Ах ты, сын пещерной ящерицы! — визгливо вскрикнул старик, заметив движение Ромки.

Дед с неожиданным проворством вскочил на ноги и кинулся к пленнику.

Роман судорожно дёрнул ремень на ногах. Узел был затянут плотно и никак не поддавался. Он поднял глаза и увидел в руке у деда нож с широким прямым лезвием. Жилистая, коричневая пятерня старика сжимала рукоятку с уверенностью опытного живореза.

Ромка зачерпнул горсть песка и бросил деду в лицо. Тот на мгновение замешкался, отвернув лицо. Но только на мгновение. Проморгавшись, старик взмахнул ножом... и внезапно, дрыгнув ногами, упал на спину. Это спутанный, как колбаска, Рэм, с трудом извернувшись, пнул его сзади и свалил на песок.

Обрадовавшийся было Роман охнул. Дед, разъярённый падением, приподнялся и, не вставая с колен, ухватил Рэма за горло жилистой пятернёй. Перехватил нож, глядя парню в глаза, и медленно вдавил острие клинка ему в шею. Под остриём выступила кровь. Красная клякса стала расти, и первая капля скатилась по шее двойника.

— Зарежу, — душевно пообещал дед.

Ромка застыл. По шее Рэма скатилась вторая капля.

— Дедушка! — пропел тонкий, звенящий, как флейта, голосок. Жилистая рука деда с зажатым в ней ножом слегка дрогнула. Из-под острия потекла тонкая струйка крови. Старик обернулся.

Метнулась размытая, тонкая тень. Девочка выбросила вперёд и вверх худые ручонки с зажатыми в пальцах осколками кувшина. С точностью и уверенностью охотника, бьющего в воде ручья скользкую, юркую рыбу.

С диким криком старик выронил нож, ухватился за глаза и опрокинулся на спину. Перекатился на бок, подогнул колени к животу и застонал. Девочка шагнула к нему. Дед корчился на полу пещеры, глухо стелая. Из-под ладоней его сочились что-то липкое, багровое, пузырящееся и впитывалось в песок.

Девочка пнула его ногой в бок. Старик отнял руки от лица, и Ромка с содроганием увидел его окровавленные глазницы.

Старик нащупал стену пещеры, поднялся и, переступая дрожащими ногами и пошатываясь, двинулся к выходу. На мгновение заслонил солнечный луч, пересекающий пещеру надвое, нащупал овальную дыру выхода, и вывалился наружу. Зашуршали кусты ежевики, с глухим стуком прокатился камень.

Ромка принялся лихорадочно распутывать ремень. Вспотевшие пальцы дрожали и не слушались. Снаружи опять зашуршало, раздался короткий, пронзительный крик. Ромка, ободрав кожу на ноге, сорвал ремень со щиколотки. Припадая на одну ногу, поковылял к выходу.

Горячее солнце ударило в лицо. Шелест шуршащих под ветром листьев, перекличка птиц в зарослях, аромат цветов — он словно вынырнул из дурного сна. Роман глубоко вдохнул пьянящий воздух высоты и огляделся. Над ним ярко-синим атласом раскинулось бескрайнее небо. Густая зелень покрывала склоны холма, и далеко внизу серебряной монеткой отражало свет солнца крохотное озеро.

Посыпанная свежим песком площадка у входа в пещеру была покрыта следами ног. Следы вели от выхода, вниз по склону, увитому побегами ежевики, в направлении тропинки. Ромка шагнул туда, и увидел, что дальше следы уходят в сторону, словно человек потерял направление. Там углом торчали камни, выпирая из-под спутанной травы.

Склон здесь был отвесным, редкие кусты торчали в трещинах между камнями. Ветви одного из таких кустов были поломаны, и трепыхался под ветром, словно живой, белый лоскут. Больше ничего Роман разглядеть не смог.

— Что, сбежал? — выдохнул над ухом двойник.

Рэм положил Ромке руку на плечо и взгляделся в заросли далеко внизу.

— Сорвался, — сдавленно ответил Роман. Ему стало жаль старика. Никто не заслуживает такого конца.

— А с девкой что делать будем? — спросил Рэм, не снимая руки с плеча Ромки.

Они посмотрели друг другу в глаза.

— А что с ней? — нехотя сказал Роман. Голова гудела от выпитого и избытка впечатлений.

— Как что? Она своего дедку, считай, прикончила. Пошли, решим, что с ней делать.

Ромка обернулся. Овальный вход в пещеру ухмылялся беззубым ртом.

— Ладно. Пошли.

В пещере исходил последним дымом очаг. Ромка огляделся. Козочки он не увидел. Только несколько тёмных пятен на песке, где на пол падал солнечный луч, осколки кувшина, скомканная козья шкура у почерневших камней очага — всё остальное скрывала густая тень.

Он шагнул к очагу и поворошил золу. Угли рассыпались, заалев на изломах последними крохами огня, и Ромка заметил, как у стены блеснул изогнутый бок стариковой арфы.

Он поднял инструмент и оглядел его. Это была скорее кифара, из тех, что Ромка видел на картинках, но никогда не держал в руках. Он провёл пальцами по струнам, и инструмент мелодично забренчал.

Ромка поставил кифару и прошёлся вдоль стены пещеры. Ему страшно хотелось пить. У старика, наверное, были какие-то припасы. Хотя бы давешний бурдюк с вином.

В тёмном углу, у которого суетился совсем недавно, принимая гостей, старик, были выбиты прямо в камне неглубокие ниши. Очевидно, они заменяли обитателям пещеры шкаф. На верхней полке что-то тускло светилось, Ромка взял это в руки, и, охнув, уронил себе под ноги.

С глухим стуком упал на песок гладкий человеческий череп и откатился к стене. Качнувшись, застыл, и на Ромку слепо глянули провалы глазниц. Роман попятился. Пить ему расхотелось.

— Что, сбежала девка? — деловито спросил Рэм. Он уже подобрал с пола свои сандалии и теперь надевал их на ноги.

— Сбежала.

Рэм потопал обутыми ногами, покрутил на запястье дубинку:

— Дедок-то, не будь дурак, дубину мою первым делом припрятал. Еле нашёл. Пошли, надо с трупом что-то делать.

— С которым из них? — рассеянно спросил Ромка, глядя на череп. Череп слепо ухмылялся.

— С папашей нашей Козочки. — Рэм фыркнул. — Надо же, у страшилища такая симпатичная дочка получилась. Пойду, поищу.

Ромка посмотрел на своего двойника. Неужели у него, когда он думает о девчонках, такой же глупый вид? А глаза блестят, как намащенные.

— Девчонке, между прочим, пятнадцати нет, — зло сказал Роман. — Не лезь к малолеткам!

— Я вот думаю, — промурлыкал Рэм, оглянувшись на Ромку от входа в пещеру, — когда мы с тобой под раздачу попали, тебе чего-то не досталось. И это точно не мозги.

— Зато тебе легко — один сквозняк в башке!

Рэмка опять фыркнул и исчез. Зашуршал песок возле пещеры и Роман услышал, как его двойник топает вниз по тропинке, окликавая девочку по имени.

Ромка ещё прошёлся по пещере, подобрал брошенную на песок шкуру, которую дал им в дорогу дядька Тослстопуп. Повертел и бросил. Шкура была тяжёлая, сырая после купания в озере, и неприятно пахла. Зато он подобрал кусок ткани, на которой они обедали, и завернул в неё дедову арфу. Старик у неё уже не нужна, а оставлять хороший инструмент Ромка не хотел.

Он в последний раз оглядел пещеру и двинулся к выходу.

— Хороши гости, — проворчал, выбираясь наружу. — Хозяев убили, квартиру обчистили. Да ещё хозяйскую дочку того и гляди... оприходуют.

Ромка перехватил поудобней свёрток с арфой и двинулся вниз по тропинке вслед за ушедшим искать Козочку двойником.

Тропинка давно опустела. Томились под солнцем заросли ежевики. Даже пчёлы не гудели над цветами и притихли от дневной жары. Над зелёным ковром леса, с тонкими полосками ручейков и острыми вершинами холмов дрожало марево горячего воздуха.

Возле одного из таких холмов, что казался куском белого камня под беспощадным солнцем, дымка дрожащего воздуха казалась гуще. Белёсые клубы поднимались над верхушками деревьев, образуя дымный купол, у которого кружились потревоженные птицы.

— А ведь это не марево, — пробормотал Ромка, глядя, как птицы кружатся над деревьями. — Горит что-то.

Он торопливо заскакал по тропинке, поднимая пыль и оскальзываясь на поворотах. Уже внизу запнулся о камень, и последние метры проехал на спине.

Впереди, за поросшим пучками жёсткой травы участком каменистой почвы, блестел краешек озера. Ромка пробежал трусцой до берега. Озеро светилось овальным зеркалом. По поверхности его бежали тонкие круги от рассекающих гладкую поверхность водомерок.

На гальке, наполовину вытащенный из воды, лежал труп отца Козочки. Старик, должно быть, перевернул его, когда снимал одежду. Шкуры уже не было на теле, и под солнцем бесстыдно белели ягодицы. Торчали над водой огромные, шершавые пятки. На трупе сидела ворона и задумчиво долбила покойника в макушку.

Ромка крикнул, ворона оттолкнулась от мёртвого тела, взмахнула крыльями и лениво отлетела в сторону. Ни Рэма, ни девочки у озера не было, и Роман пошёл вдоль берега. Противоположная сторона озера заросла камышом, берег там был влажный, илистый и жирно чавкал под ногами, норовя засосать сандалии.

— Рэм!

Испуганно застрекотала сорока. С тихим шлепком прыгнула в воду лягушка и поплыла, торопливо подгребая лапками. Чавкнула, зачерпнув ил, сандалия. Ромка чертыхнулся, дёрнул ногой и застыл, глядя на глубокие отпечатки чужих следов.

Следы были большие, глубокие, залитые водой, как будто кто-то заходил в озеро. Метёлки камыша кое-где были согнуты. Судя по количеству следов, здесь топталось не менее трёх человек, если только кто-то неведомый не бегал по берегу кругами.

— Рэм! — тише, чем хотелось бы, крикнул Ромка. Ему стало страшно.

Следы уходили к лесу. Ромка прошёл по ним и добрался до зарослей орешника. Там явно кто-то вытирал ноги о траву. Под кустом трава была примята, и лежали ошметки жирного озёрного ила.

Ветерок пробежал по веткам, зашумели листья, и он почувал запах гари.

— Рэм! Козочка! — хрипло позвал Ромка, раздвинув ветки орешника. Надо найти Рэмку. Он не мог далеко уйти.

Сзади зашуршало, и тихий голосок сказал:

— Не кричи.

Это была Козочка. Мокрая тряпка, которая служила ей платьем, прилипла к тощему телу, с волос ручейками стекала вода. Девочка провела ладошками по лицу и отряхнулась. С пальцев полетели брызги.

— А где Рэм? — спросил Ромка, таращась на неё. Под мокрой тряпкой была только

сама девчонка. Никакого белья. Наверное, у него сейчас глупый вид, как недавно у двойника.

— Говори тише. — Козочка пугливо осмотрелась. — Твоего брата забрали. Будешь кричать, они вернутся.

— Кто забрал?

— Люди Громкоголоса.

— Кого?

— Ты не знаешь Громкоголоса? Откуда ты взялся?

— Хватит болтать! Куда они пошли? — зашипел Ромка.

— Наверное, ты очень храбрый, — заметила Козочка. Она принялась деловито отжимать мокрые волосы. — Громкоголос здесь самый важный человек. Он даже с Животряса собирал дань, а Животряс не каждому стал бы платить.

— Час от часу не легче! Какой ещё Животряс?

— Животряс сегодня упал с обрыва и разбился насмерть, — сухо сказала девочка. Она ловким движением повязала волосы неведомо откуда взявшейся ленточкой и отбросила получившийся хвост за спину. — Вы ещё песни с ним распевали, под отравленное вино.

— Хорошее имечко, — мрачно проворчал Ромка. — Ты видела, куда они пошли?

— Они пошли жечь деревню, — буднично ответила Козочка.

— А мой брат им зачем? — с отчаянием спросил Роман.

— Что значит — зачем? Твой брат дорого стоит. За него можно получить хорошие деньги.

Козочка вздохнула, наклонилась и стала выжимать подол своего жалкого платяца:

— За меня они бы много не получили. Вот и не стали долго искать. Я в камышах сидела, когда они уводили твоего брата.

— Так что же, — сказал потрясённый Ромка, глядя на мокрую Козочку. — У вас тут продают людей?

— Продают и покупают, — спокойно подтвердила девочка.

Ромка в ужасе оглядел шелестящие под ветром кусты орешника. Овал озера безмятежно отражал верхушки деревьев, а по глади воды, гоня мелкую рябь, бежали невидимые водомерки.

Ромка ещё раз прошёлся по берегу и осмотрел следы. Козочка шла за ним.

Потом он перехватил поудобнее под мышкой кифару и двинулся в лес. Следы уводили от озера, и были хорошо видны. Очевидно, похитители никого не боялись, и шли, топчя траву и ломая ветки.

Он трусцой пробежал по заметному следу, и вскоре впереди показался просвет между деревьями. Ромка устремился туда. Деревья расступились, он вылетел между двумя сосёнками на свет и остановился. Козочка, которая спешила за ним, уткнулась ему в спину.

Солнце горело в пыли дороги, кажущейся белой после темноты леса. Дорога плоской змеёй извивалась между стволов огромных сосен, а на её обочине, поросшей спутанной травой с мелкими глазками цветов, виднелись следы обутых ног и копыт лошадей.

Должно быть, недавно прошёл мелкий дождик. Он только слегка смочил дорожную пыль, но следы хорошо отпечатались во влажной почве. Серая утоптанная полоса исчезала за деревьями, и следы уходили по ней в ту сторону, откуда всё сильнее тянуло гарью.

— Сколько может стоять человек? — глухо спросил Ромка, разглядывая дорогу.

Если в банде Громкоголоса больше двух человек, да ещё конные, а это наверняка так, драться с ними бесполезно.

— По-разному, — ничуть не удивившись, ответила Козочка. — За меня дали бы две дойные козы. А за твоего брата могут дать трёх коров. Или больше. Он хороший музыкант. Наверное, и быка дадут в придачу...

— Трёх коров?! — рявкнул Ромка. — Трёх коров и быка за человека?

— Ну да, — пробормотала, словно оправдываясь, Козочка. — Золото дают только купцы, а Громкоголос не всегда ходит к морю...

— К морю, — тихо сказал Роман.

Здесь есть море. Куда же их занесло? Если, конечно, не думать, что всё это бред помрачённого рассудка.

— Мне жаль, что мы убили твоего отца, Козочка. Мы не хотели, просто так вышло.

— Ничего, — равнодушно сказала девочка. — Он был плохой человек. Убивал людей вместе с Животрясом.

— А деньги? — спросил Ромка, отведя глаза. — Где они прятали награбленное?

Козочка пожалала тонкими плечиками:

— Животряс всегда сам закапывал добычу. А где, никому не показывал.

Ромка тоскливо огляделся. Дикий лес тихо шелестел листьями. Свистнула и смолкла мелкая птица.

Денег нет, и выкупить Рэма нет возможности. Разве что раздобыть трёх коров и быка. Только коровы просто так по лесу не бродят. Но зато у него есть знакомый пастух. Дядька Толстоуп. Даже если у него нет своих коров, он, может быть, посоветует, где их взять.

Он посмотрел на кифару. В крайнем случае, можно продать инструмент. Купить козу, поменять козу на свинью, потом свинью обменять на корову... Старая сказка, читанная в детстве, заставила его хмыкнуть, несмотря на отчаяние. Утопающий хватается за соломинку. Ему надо вернуться к ручью, где бегают овцы, а дядька Белоглаз, чуть что, разводит жертвенный огонь под треножником. Это самое разумное, что Ромка может сделать.

Он глянул вверх, на ослепительный кружок солнца. Пастбище недалеко. Можно

добраться к вечеру. Ромка решительно вышел на дорогу и рысцой побежал в сторону, откуда они с Рэмом недавно пришли. Почему дядька Толстопуп сразу не вывел их на этот путь? Решил, что срезать по тропинке будет короче?

Сзади легко топотала Козочка.

Дорога виляла между сосен, потом пошли лиственные деревья, их широкие кроны трепетали под лёгким ветерком, заслоняя солнце. В тени деревьев бежать стало легче. Ромка остановился у поворота, где торчал из травы старый пенёк, облепленный чешуйчатыми блюдцами древесных грибов, и перевёл дух. Инструмент, который он так и тащил в руках, казалось, потяжелел вдвое.

Роман присел на обочину, чувствуя, как горят набитые о твёрдый грунт пятки. Развернул кифару, сложил ткань, в которую она была завернута, и соорудил подобие перевязи. Потом повесил перевязь через плечо, и тщательно приладил инструмент себе за спину. Попрыгал на месте. Кифара оттягивала плечо, но так хотя бы будут свободны руки.

За поворотом дорога раздваивалась. Одна её полоса уходила куда-то в лес и скрывалась среди деревьев. Другая, более узкая, сворачивала туда, где, по расчётам Ромки, должны были пасти овец дядька Толстопуп с Белоглазом. Он потрусил по узкой дороге. Солнца здесь почти не было видно, кроны деревьев смыкались наверху, но духота стояла такая, что Ромка совсем взмок, и только радовался, что не взял с собой тяжёлую козью шкуру. Нога, ободранная ремешком, начала гореть в том месте, где на ссадину попал пот.

Дорога сузилась, превратилась в хорошо утоптанную тропу. Ромка увидел знакомый поворот, где лежало поваленное дерево, а над большим пнём топорщился куст, усыпанный красными ягодами. Через это дерево они с Рэмкой, тогда ещё просто глюком, перескочили, торопясь вслед за Кубышкой.

Роман шагнул к дереву и замер. Здесь, в густой тени, под самыми деревьями, земля была мягкой, и возле полосы нежной курчавой молодой травы хорошо были видны следы подошв. На одном из следов отпечатался вырезанный на подошве, и отразившийся в почве символический глаз. Вытянутый овал и кружок посередине. Ромка вздохнул. Точно такой, грубо начерченный символ глаза, он видел на дороге у озера.

Чувствуя, как стынет на лбу пот, Роман перебрался через поваленный ствол. Ноги вдруг ослабели, и он, шаркая сандалиями, двинулся через лес к пастбищу. Вот блеснул луч солнца, зацекотал обгоревшую кожу на лице, вот впереди зашумел ручей, переливаясь через невидимые отсюда камни в крохотный водоём.

Низко висящее солнце, уже задевшее своим круглым, бронзовым боком верхушки деревьев, заливало неярким светом утоптанную овечьими копытцами площадку у воды. Предметы, разбросанные по мелкому гравию возле водоёма и на густой траве вдоль ручья, отбрасывали длинные чёрные тени.

Роман на неверных ногах подошёл ближе. Уже зная, что это, он наклонился над длинным, чёрным, похожим на выброшенный волнами корявый древесный ствол, предметом. В лицо ему глянули незрячие глаза дядьки Белоглаза. Повязка слетела снего, и на Ромку смотрели выкаченными белками глаза дядьки — один кроваво-карий, другой белёсый, в плотной плёнке бельма.

Рот Белоглаза был широко открыт, словно дядька заходился в немом крике. Серая козья шкура на груди намокла и стала бурой, а прямо против сердца в ней чернел аккуратный прямой разрез. Земля под телом была влажной от впитавшейся крови.

Ромка огляделся. На траве, чуть поодаль, валялся пустой бурдюк, похожий на

сплющенное тело овцы, и какие-то обломки, в которых он признал разбитую глиняную чашу.

Он пошёл вдоль ручья, наклоняясь и разглядывая разбросанные предметы. Вот сломанный пополам посох с закруглённым концом, которым дядька Белоглаз подгонял овец. Вот рассыпанные угли костра, затоптанные ногами, превратившиеся в чёрную кашу. Вот кусок ткани, которая заменяла платье Кубышке...

Ромка застыл над скомканной тряпкой. В животе вспух холодный ком. Он наклонился, не в силах шагнуть дальше, боясь увидеть под тряпкой тело женщины. Но это была всего лишь крашенная в коричневый цвет тряпица, рядом с которой валялась скомканная белая шкура с завязками шнурков.

Он поднял тряпицу и повернул её к свету. Платье было разорвано, запачкано землёй, но крови на нём не было видно. Ромка прошёл ещё по берегу, вглядываясь в воду. Ручей игриво журчал, переливаясь через каменный порог, вода в свете заходящего солнца переливалась всеми оттенками розового и лилового. Возле берега было хорошо видно дно с россыпью мелкой цветной гальки. Никого не было ни возле ручья, ни в воде. Ни живого, ни мёртвого.

Слабый, дрожащий звук заставил его вздрогнуть. Тихий стон доносился из кустов, что росли на краю леса. Ромка побежал к кустам. Раздвинул гибкие ветки и шагнул в самую гущу зарослей. Шершавые листья лезли в глаза, липли к потной коже, а лицо сразу облепила тонкая сетка паутины.

В середине ветки были обломаны, словно тут изрядно потопталась пара медведей. Сорванные листья усыпали утопанный пятачок, где лежало скорчившееся тело женщины. Ромка присел над женщиной, которая съёжилась на земле, поджав колени к животу, и осторожно отвёл с её лица спутанные волосы. Лицо было почти неузнаваемо. Распухшее, с синяком во всю щёку, а шея покрыта странными багровыми пятнами, словно женщину пытались душить. Кубышка тихо застонала, шевельнула распухшими губами и открыла глаза.

Над Ромкиным плечом судорожно вздохнула Козочка. Роман и не заметил, как она подошла и стала рядом. Кубышка разлепила губы и взглянула на них. Из горла её вырвался прерывистый хрип.

Роман пошарил на поясе, отвязал кувшинчик с водой, висящий в ремённой петле. Старик в пещере не успел снять его. Вытянул пробку и поднёс кувшинчик к губам женщины. Вода смочила ей рот, Кубышка жадно глотнула и закашлялась. Отпила ещё и перевела дыхание.

— Это вы... — слабо произнесла она, и голос её прервался.

— Кто это был? — прокаркал Роман. Он старательно отводил глаза от синяков на теле женщины, особенно явно проступавших на груди и округлых бёдрах.

— Громкоголос, — тихо ответила Кубышка.

Она жадно глянула на кувшинчик с водой, и Ромка опять приложил узкое горлышко к её губам.

Потом подвесил опустевшую посудину к себе на пояс, и попытался приподнять женщину. Она скрипнула зубами и вцепилась ему в плечи. Роман с трудом поднял тяжёлое тело на руки и вынес из кустов.

— Оставь меня, — тихо попросила Кубышка, и он молча, зло помотал головой.

Козочка шла за ним, шурша по траве подобранной белой шкурой.

— Я отнесу тебя в шалаш. — Выдохнул Ромка, перехватив женщину повыше. Живот свело от тяжести обмякшего на руках тела. Горячие ладони Кубышки обхватили ему шею, волосы лезли в рот, мешая дышать.

— Они убили Белоглаза, — шепнула ему в ухо Кубышка и тихо заплакала.

— А твой...

— Мой муж сумел спастись. Он побежал в деревню, предупредить остальных...

Ромка услышал, как вздохнула за его спиной Козочка, бросил на девчонку суровый взгляд, но не успел её остановить.

— А деревню-то уже зажгли, — брякнула дурная девчонка.

Кубышка глухо охнула и обмякла на руках у Романа.

Ромка опустил женщину на торопливо собранные Козочкой ветки и перевёл дух. Руки ныли, а мышцы пресса словно завязали узлом. Он донёс Кубышку до шалаша и теперь стоял рядом, глядя, как суетится возле неё Козочка. Пот ел глаза, он скатывался по вискам и даже капал с кончика носа.

— Оставайтесь здесь, а мне надо бежать в деревню. Выручать брата.

— Скоро вечер, — сухо сказала девчонка. — И ты не знаешь дороги.

— Так покажи.

— Сначала мне нужно набрать воды. Поможешь мне донести кувшин?

Ромка взглянул на Кубышку. Та лежала на подстилке из веток, и молча смотрела на него из-под спутанных волос, в которых застряли сухая трава и клочья паутины. Да, помыться ей точно не помешает.

— Ладно, помогу.

Козочка пошептала с женщиной, потом забралась в шалаш, проворно вытащила оттуда плоский бурдюк и кувшин с узким горлом. Сунула бурдюк под мышку и зашагала в лес. Кубышка слабо сказала:

— Иди. Со мной ничего не случится.

Ромка с Козочкой вышли к ручью, когда огромное малиновое солнце уже наполовину ушло за деревья, и водоём накрыла тень. Вода звонко журчала в камнях. Роман посмотрел на труп дядьки Белоглаза и вздрогнул. Надо бы похоронить его.

Козочка присела на берегу и погрузила кувшин в воду. Набрала воды, и ловко перелила её из кувшина в раскрытое горло бурдюка. Потом она повторяла эту операцию до тех пор, пока бурдюк не стал похож на упитанного тюленя.

Девчонка умело закрутила бурдюку горловину, и посмотрела на Романа. Тот обречённо вздохнул. Что в этом мире, что в том, который он так неожиданно покинул, все женщины используют мужчин для поднятия и переноски тяжестей.

Он вскинул бурдюк на плечо. Холодный бок надувшегося, как сытый питон, кожаного мешка приятно остудил потную шею. Козочка с кувшином пошла впереди, легко ступая тонкими, загорелыми ножками по траве. Казалось, она ничуть не устала. Ромка топал за ней, глядя, как шевелится на худой девичьей спине пушистый курчавый хвостик волос, перетянутый тряпичной ленточкой.

Вот впереди показалась поляна с шалашом и кругом от прогоревшего костра. Возле шалаша на подстилке из веток лежала, подложив под щёку ладонь, Кубышка. Козочка остановилась, и Ромка наткнулся на неё.

— Она спит, — тихо сказала Козочка.

— Так чего стоим? — Ромка поправил на плечехолодный бурдюк. — Нам ещё в деревню бежать.

В полутьме леса лицо девчонки казалось белым овалом, окружённым чёрным курчавым облаком. Она взглянула на Ромку, и глаза её блеснули:

— Я не хочу идти в ночь. Разве что ты уговоришь меня.

Она шагнула к нему и, встав на цыпочки, ухватила Ромку за шею. Не дав ему опомниться, Козочка подпрыгнула и уцепилась за него, как за дерево. Бурдюк с глухим стуком упал на землю. Звонко брякнул выпавший из тонких пальчиков глиняный кувшин.

Оглушительно стрекотали цикады. Прошелестел в ветках деревьев ночной ветерок и затих. Ромка, глубоко дыша, провёл ладонями по лицу. Вот так малолетка.

Он посмотрел вверх. На фоне тёмного неба едва виднелись древесные кроны. В почти не отличимом от деревьев кусочке неба сиял серебром ковш медведицы. Мигнула ледяным глазом полярная звезда.

— Идём на поляну, — тихо сказала Козочка. Она положила голову ему на плечо и тоже посмотрела вверх. — Уже поздно.

— Поздно, — пробормотал Роман.

Поздно бежать в деревню. Поздно искать Рэма. Поздно... Всё поздно.

На поляне он скинул бурдюк с плеча возле костра и сел, обхватив голову руками. Кубышка спала, мерно дыша. Спутанные волосы, упавшие ей на лицо, подрагивали от тихого дыхания. Ромка посмотрел на Козочку, присевшую у бурдюка, на спящую женщину, поднял глаза к сияющей ночной звезде и высказал всё, что думает об этом проклятом мире и его обитателях.

Потом он встал и полез в шалаш. Сухие ветки подстилки кололи бок, но он заснул, едва успев закрыть глаза.

— Да свершится!

Ромка вздрогнул. Над ним колыхалось неясное в полутьме шалаша, расплывчатое пятно. Пятно дрогнуло, раскрыло тёмный провал рта и произнесло:

— Да свершится!

Роман присел на подстилке из веток, и уставился на маячившее перед ним лицо. Призрак закружился, потемнел и уплотнился изнутри. Он стал увеличиваться, как будто надували резиновый шарик, и постепенно принял очертания плечистой мужской фигуры с неестественно развитыми плечами. Ромка оглядел его и решил, что тот похож на джинна из мультика про Алладина. Только этот джинн был совсем не смешной, а скорее страшный.

— Трепещи, смертный! — гулко провозгласил, кривя тёмный овал рта, призрак. Глаза его блеснули красными огоньками.

Ромка поднял руку и перекрестил видение. Одновременно он сильно ущипнул себя за ногу другой рукой. Что-то из этого должно было помочь.

По ноге побежали мурашки, а боли он не ощутил. Ромка ущипнул себя сильнее. Ну конечно, он же отлежал её.

Призрак придвинулся ближе, и Ромка, пятясь задом, торопливо выполз из шалаша. Стояла глубокая ночь. На поляне ярко горел костёр. Дрова трещали, выстреливая в небо фейерверки огненных искр.

Оранжевая в бликах пламени, фигура человека возле костра взмахнула руками-крыльями, произнесла:

— Да свершится неизбежное!

Из костра полетели искры, затрещали, лопаясь, толстые, охваченные огнём, ветки.

Заклубился дым, расползаясь по поляне. Призрак за спиной Ромки загудел, заухал, надвинулся тёмной волной. Дым над костром, повисший над пятачком поляны, как диковинный гриб, застыл на мгновение, клубясь и переливаясь всеми оттенками огня. А потом принялся концентрироваться над трепещущими языками костра, сгущаясь на глазах.

Вскоре в воздухе повис, переливаясь дымными клубами, ещё один призрак. Он висел над пылающим костром, покачивая округлыми плечами. У этого призрака была неправдоподобно тонкая талия и глаза, сияющие, как два солнца. Призрак открыл огненный рот и сказал, посверкивая искрами зрачков:

— Трепещите, смертные!

Фигура у костра опять взмахнула руками и произнесла скороговоркой несколько непонятных слов. Женоподобный призрак зашипел, выстрелил из похожего на огненную пещеру рта пучком искр, и повернул светящееся лицо к Ромке:

— Чего ты хочешь?

Тёмный джинн из-за спины Ромки низко загудел, надвинулся, тень его, дымная, клубящаяся, упала на поляну, превратив освещённый оранжевым светом пятачок земли в странно искажённый символ «инь-ян».

— Чего ты хочешь? — прошипел в ответ джинн, и Ромка понял, что спрашивали не его.

У костра опять шевельнулась фигура, махнула рукой, что-то подсыпав в огонь. Языки пламени взлетели вверх, дымный призрак за клубился гуще и закачался над костром.

— Здесь я хозяин! — плюнул дымом джинн над головой Ромки. Его тёмные бока раздулись, и Ромке показалось, что на плечи ему легла влажная рука.

Дымный призрак засмеялся, глаза его засияли, превратились в два маленьких солнца. Талия его, и так узкая, истончилась до осиной. Призрак вытянулся вверх, покачивая округлыми плечами. Впереди у него обозначились дымные полукружья грудей с торчащими точками сосков. Ромка разинул рот. Если бы сквозь женскую фигуру, слепленную из клубов дыма, не просвечивали языки огня и очертания веток деревьев, он бы даже залюбовался соблазнительным видением.

Что-то словно осыпало его ноги колючим порошком, в спину повеяло холодом, и джинн захохотал в ответ женщине-призраку:

— Здесь я хозяин!

Ромка откашлялся. Очевидно, ему снится сон. И эти призраки будут бодаться до бесконечности, выясняя, кто тут главнее. А может быть, гуще и объёмнее, или что там у них считается признаком крутизны.

— Граждане привидения...

Дымные фигуры покачивались в воздухе, глядя друг на друга.

— Говори! — гулко произнесла женщина-джинн.

— Спрашивай! — низким гулом отозвался джинн-мужчина.

Роман шагнул к костру. Почему-то пламя, извивающееся над очагом и стреляющее ослепительными искрами, совсем не грело.

— Как мне спасти своего... брата?

Призраки дружно захохотали, покачиваясь в воздухе, один — высоким, мелодичным смехом, другой — раскатистым басом.

— Ха-ха-ха, своего брата... брата...

— Спасти... спасти... ха-ха-ха...

Ромка шагнул совсем близко к костру, так, что язык огня облизал ему колено.

Грибовидным облачком взметнулась и рассыпалась в воздухе белёсая пыль золы.

— Говорите или проваливайте! Это мой сон!

Призраки резко смолкли, и теперь смотрели на парня, легонько покачиваясь над поляной. Стало так тихо, что Роман услышал, как шумит кровь у него в ушах.

— Говори! — прошипел призрак с осиной талией. — Задавай свой вопросс...

— Где мой брат и как его спасти?

— У тебя нет брата, — прогудел плечистый призрак. — Ты тратишь своё время.

Ромка задумался. Видно, эти джинны знали всё. Надо спросить по-другому.

— Что мне сделать, чтобы найти своего двойника и освободить его? Как мне одолеть

Громкоголоса и спасти деревню?

— Пустой вопрос, — прошептала дымная женщина. — Пусстой...

— Тогда... как мне вернуться домой? — в отчаянии крикнул Ромка. — Что мне сделать, чтобы вернуться?

Призраки стали бледнеть. Их дымные тела закружились, расползаясь над поляной. Костёр догорал, потрескивая и выпуская последние язычки пламени.

— Ты должен убить. — Разнёсся гулким эхом голос призрака-мужчины. — Убить.

Тогда ты получишь то, чего хочешь...

— Ты должен умереть, — в унисон пропел голос призрачной женщины. — Умереть.

Тогда ты обретёшь желаемое...

Последние клубы дыма рассеялись, голоса умолкли. Ромка сильно вздрогнул и открыл глаза.

Сизый дым расплзлся по траве, мокрой от росы. Тихо шипели в круге из почерневших камней багровые угли. Ромка понял, что лежит, поджав ноги, на земле возле костра. Козочка, с веником из веток, побрызгала из кувшина на золу, и угли опять зашипели.

Он огляделся. Слова призраков ещё гудели в голове. Ромка поднялся на ноги. Кубышка, сидя напротив Ромки, мерными движениями расчёсывала волосы. Она была совершенно обнажена. Рядом с ней на земле у костра лежала, раскинув широкие рукава, полотняная рубаха. Подол рубахи и края рукавов были выпачканы в золе.

Козочка опять окунула ветки тощего веничка в кувшин и махнула мокрыми ветками над костром. Угли зашипели.

— Давай, веди меня в деревню, — хрипло сказал Ромка.

Козочка зыркнула на него чёрным глазом.

— Не ходи, — сказала Кубышка. — Не надо. Мы ночью молились богине. Тебя ждёт смерть.

Козочка кивнула, прижимая кувшин к худенькой груди. Кудрявое облачко волос упало ей на лицо.

— Мне надо идти, — отрезал Ромка. На женщину он старался не смотреть. — Если не покажете мне дорогу, я найду сам.

Козочка оглянулась, глаза её испуганно метнулись по сторонам. Она судорожно сжала в пальцах кувшин. Кубышка тоже взглянула Ромке за спину, и побледнела. Он обернулся.

Закачались ветки, из куста орешника вылетели напуганные птицы. На поляну неторопливо выехал всадник на серой лошади. За всадником трусцой поспевал пеший — крепкий мужчина с коротким копьём в руке.

Всадник навис над Ромкой, а тот смотрел на него. В этом мире он ещё не встречал вооружённых людей. Лохмачи с ножами и дубинками не в счёт. Сама лошадь, серая, со светлыми хвостом и гривой, не производила впечатления боевого коня. Это было миниатюрное, крепкое животное, скорее похожее на пони-переростка. На хвосте и мохнатых бабках висели гроздь сухих репьев. А копыта, как машинально отметил Ромка, не были подкованы.

Зато человек, восседавший на спине своего «Буцефала», смотрел с уверенностью кота, завидевшего полудохлую мышь. Широкую грудь всадника обтягивала кожаная безрукавка, надетая поверх полотняной фуфайки с рукавами-разлетаиками. Волосатые икры оплетали ремешки сандалий с толстой подошвой грубой кожи. На голове сидел плоский кожаный шлем, закрывавший лоб до широких, сросшихся бровей.

На бедре всадника висел короткий, широкий меч в ножнах. Хотя «коротким» меч мог считаться только технически, по сравнению с теми орудиями убийства, которые можно увидеть на средневековых рыцарях в доспехах. Вблизи же клинок производил впечатление оружия, которым давно и неоднократно пользовались при всяком удобном случае.

Пехотинец, крепкий коренастый мужичок, остановился рядом с всадником, и поставил лёгкое копьё у ноги. Он тоже был в хороших, новых сандалиях с ремешками, высоко оплетавшими голень, носил набедренную повязку и безрукавку из толстого, стёганого полотна.

— У презренного раба и жена — кусок навоза, — сказал всадник, глядя на Кубышку и

рубаху возле неё, испачканную в золе. — Где твой муж, самка волка?

Кубышка молча помотала головой.

— Ты пойдёшь со мной. — Всадник перевёл взгляд на Козочку — И ты.

— Я не рабыня! — пискнула Козочка.

— Вы занимались здесь колдовством! Шевелите ногами, жалкие твари, не то я потащу вас на верёвке, как овец!

Всадник перевёл взгляд на Ромку.

— Чей ты раб, мальчишка?

Ромка обвёл его взглядом. Ничего общего не было в этом мордатом, с чёрными гусеницами бровей и накачанными бицепсами, мужике и Альбертике, пухлом, прыщавом студенте из параллельной группы. Только презрительный тон и выражение глаз. Именно так смотрел на ничтожеств, не имеющих ни крутой машины, ни богатого папаши, Альберт. И так же, гнусаво растягивая слова, он разговаривал, брезгливо глядя из окошка своей новенькой тачки на Ромку, когда тот забирался в отцовскую «старушку».

Он хотел ответить, но горло сдавило от внезапно накотившей ярости. Только в голове крутились слова, которые любил, хлебнув водки, приговаривать вечно пьяный сосед, столетний старик Федотыч: «мы не рабы, рабы не мы».

— А ты сам кто такой? — вырвалось у Ромки.

Голос его прозвучал неожиданно твёрдо и резко.

Всадник выкатил глаза. Кубышка томно пропела, поднявшись с земли:

— Он просто путник. Мы не знаем его...

Оба пришельца, конный и пеший, уставились на обнажённую женщину. Гладкая, упругая грудь её и округлые бёдра мягко светились в лучах утреннего солнца. А Ромка вдруг совершенно отчётливо понял, что это конец. Сейчас его возьмут на аркан, как последнего раба, и вместе с женщинами поведут за хвостом лошади на рынок.

В глазах его потемнело. Всадник сказал, смотря масляными глазами на Кубышку:

— Тебе мало вчерашнего, самка? Давай...

Он не успел договорить. Ромка сам не знал, как он это сделал. Просто двое вооружённых людей в один миг стали пустыми фигурами, плоскими и немыми, как на постере. Он увидел их словно со стороны, и вся схема движений, единственно верных, загорелась в мозгу и привела в действие Романа. Ни единой мысли не прозвучало в голове, когда он, как автомат, взялся за чужое копьё, взметнул его вверх и ткнул остриём под кадык конному, одновременно нанеся удар ногой в пах копыеносцу. Он почувствовал, а не услышал, как хрустнули под глубоко вошедшим в горло наконечником шейные позвонки всадника. Отстранённо отметил, как точно воткнулись в тело пехотинцу пальцы ноги, гарантированно нанеся тому серьёзную травму.

Лошадь под всадником испуганно шарахнулась, мотая мордой, а Ромка, выдернув копьё, крутанул древко в руке и одним коротким тычком добил скорчившегося на земле пехотинца.

Женщины молча смотрели, как Роман наклонился над свалившимся с лошади всадником и стащил с него перевязь с мечом. Отложил меч в сторону, и принялся раздевать покойника. С трудом сняв с него кожаную безрукавку, принялся надевать на себя.

Безрукавка оказалась велика и тёрла плечи. Тогда Ромка с отвращением натянул на себя пропахшую чужим потом фуфайку, и надел кожаный доспех поверх неё. Сбоку оказались ремешки, и он затянул их по фигуре. Доспех топорщился в плечах, но Ромка всё равно почувствовал себя гораздо лучше. До этого ему всё время казалось, что он разгуливает

голышом по улицам.

Потом он поднял перевязь с мечом и нацепил на себя. Бледная, дрожащая Козочка подошла к нему, и помогла затянуть ремень. Оправила на нём ножны и заглянула Ромке в глаза. Он отвернулся. В горле стоял горький, ледяной ком, желудок выворачивало наизнанку, и Роману казалось, что если он сейчас откроет рот и скажет хоть слово, его стошнит.

Испуганная лошадь топталась на краю поляны, запутавшись поводьями в кустах. Кубышка, ласково чмокая губами и что-то приговаривая, подозвала её и взяла за повод. Приникла к лошадиному уху и зашептала тихонько, поглаживая животное по гладкой шее.

Ромка поднял шлем всадника и покрутил в руках. Толстая кожа внутри была проложена металлической полоской, и могла защитить голову от удара дубины. Он натянул шлем на голову и взглянул, наконец, на Козочку:

— Я ухожу в деревню.

Голос прозвучал сдавленно, но желудок понемногу утих. Главное, не смотреть на трупы.

— Я провожу тебя, — пискнула девчонка.

Губы её дрожали, но она попыталась улыбнуться.

Кубышка подвела Роману лошадь и протянула ему поводья. Козочка проворно стащила с покойников остатки одежды, сложила всё в мешок и перебросила через лошадиную холку. Подняла и протянула Ромке оброненное копьё.

— Не надо, — резко сказал он. Тошнота вновь подкатила к горлу.

— Добыча, взятая в бою, священна, — тихо сказала Кубышка. — Нельзя её оставлять. Продай эти вещи, если хочешь, но не оставляй лежать на земле.

Козочка упрямо протягивала копьё, древко дрожало в её тонких ручках. Ромка вздохнул и взял добычу. Спорить с женщинами у него не было ни сил, ни желания.

Лошадь заупрячилась было, почуяв незнакомого всадника, но потом успокоилась, и Ромке удалось вывести её на тропинку. Козочка, проворно перебирая ножками, побежала впереди, указывая дорогу.

* * *

Ехать без седла было страшно неудобно, но в конце концов Ромка угнездился на широкой спине серой лошадки, и смог оглядеться по сторонам. Солнце ещё не поднялось над краем леса, и тропинка влажно темнела среди густой травы, покрытой утренней росой. Воздух, ещё не прогретый зноем, был упоительно свеж, и Роман в который раз подивился дикой чистоте здешних лесов. В городе даже клочок земли, огороженный низенькой оградой, где торчали из клумбы неизменные агавы в окружении красной герани, считался зелёным уголком.

Они миновали знакомую развилку и свернули на дорогу. Вдоль дороги стояли сосны, стояли плотно, и во множестве топорщились из травы багряные цветочные головки. По стволу прошуршала белка, гулко пробарабанил невидимый с дороги дятел.

Козочка неутомимо бежала впереди, мелькая загорелыми ножками. Ромка, глядя, как болтается на тонких плечах её белое платье, вспомнил, как она повисла у него на шее прошлой ночью, и смутился. Возможно, здесь она не считается малолеткой, и для Козочки он явно не первый. Но, глядя на тощие девичьи ножки, мелькающие впереди, Ромка чувствовал себя взрослым злодеем-соблазнителем вопреки всякой логике.

Они миновали поворот, и дорога изогнулась к солнцу. Сосны здесь росли реже, выпустив к дороге заросли орешника. Под копытами лошадки за клубилась тонкая белёная пыль, оседая на обочине, а загорелые пятки Козочки посветлели.

Лошадь внезапно забеспокоилась и тонко заржала, вздёнув голову и раздувая ноздри. Ромка прижал пятками круглые серые бока и огляделся. Придорожные кусты тихо шелестели под ветром. Дорога была пуста. Козочка оглянулась и помахала рукой. Он пристукнул пятками.

Ему показалось, что сбоку что-то мелькнуло, даже услышал неясный звук, похожий на свист. Потом раздался глухой стук, небо над головой сделало балетный пируэт, а лошадь внезапно вывернулась из-под Ромки.

— Клянусь бородой владыки Ада! Это наш Ром!

— Не Ром, а Роман, — пробормотал Ромка и приоткрыл один глаз. Почему-то так казалось безопаснее.

Над ним нависло чёрное, сверкающее белками глаз лицо. Ключьями торчала короткая, тоже чёрная, борода.

— Толстопуп, — пробормотал Ромка.

— Очнулся, — радостно сказали над ним, и Романа подняли, усадив спиной к древесному стволу.

Он огляделся. В глазах плыло, свет казался неестественно резким, а когда он притронулся к виску, голову прострелило, и Ромка сморщился от боли.

— Ты, паршивый выкормыш лесной свиньи, не мог камень полегче найти? — прогудел над ухом голос дядьки Толстопупа, и Ромка услышал звук затрешины. — Едва не убил нашего гостя!

— Я не нарочно! — проныл мальчишеский голос. Это был Мухобой-младший.

Малец топтался рядом, пряча за спиной свою ременную пращу. Толстопуп стоял на коленях возле Ромки, и глядел на него. Лицо его было покрыто сажей, которую исчертили бороздки пота. От бороды пахло палёным волосом.

Держась за дерево, Роман поднялся на ноги. Ощупал голову. На виске пульсировала свежая шишка. Дядька подал ему шлем. На шлеме сбоку оказалась вмятина, и Ромка машинально поковырял её пальцем. Если бы не эта кожаная, подбитая металлом шапка, быть бы ему покойником.

— Мы думали, это хозяйский пёс едет обратно в деревню, — извиняясь, сказал Толстопуп.

Ромка поднял руку и показал себе растопыренные пальцы. Поморгал, и убедил сам себя, что пальцев пять.

— Где мой брат?

Ему не ответили, и Ромка гаркнул:

— Где Рэм?

Малец Мухобой шмыгнул носом. Дядька почесал обгорелую бороду:

— Мы видели, как его вели на верёвке.

— Куда его увели?

Из-задеревьев показался худой, загорелый дочерна человек. Он вёл за повод серую лошадь. На другой руке его висела, вцепившись зубами в предплечье диковинным терьером, Козочка.

Мужчина тряхнул рукой, девчонка свалилась на траву.

— Это твоя женщина? — спросил Толстопуп Ромку.

Козочка сверкнула глазами на притаившего её человека, отвернулась и жалостно взглянула на Романа. Шмыгнув носом, одёрнула на коленках платице. Тот вздохнул и ответил:

— Моя.

Дочерна загорелый человек, держа лошадь за повод, посмотрел на Ромку и удивлённо сказал:

— Его же недавно увели на верёвке?

Роман твёрдо сказал:

— Все вопросы потом. Сколько вас здесь?

Толстопуп воззрился на него:

— Я, вот Кривонос, да малец. А Белоглаз...

— Я знаю про Белоглаза, — оборвал Ромка. — Это всё?

— Ещё сын старосты. Мы оставили его у поворота, следить за дорогой.

— А деревня?

Кривонос хрипло ответил:

— Они сожгли дома, увели весь скот. Там только женщины, да и те... — он закашлялся.

— Они ещё там? Люди Громкоголоса?

— Да. Но...

— Сколько их?

Мужчина помялся и поднял ладонь с растопыренными пальцами. Подумал, и согнул один.

— Четверо? — переспросил Роман. Они удивлённо переглянулись, и он понял, что спрашивать бесполезно.

— Хорошо. — Ромка взглянул на Толстопупа:

— У меня есть копьё. Ты можешь взять его. Кривоносу можно сделать пращу. Таковую же, как у Мухобоя.

Кривонос моргнул и взглянул на Толстопупа. Тот почесал бороду:

— Разве можем мы драться с ними? Они вооружены, а мы просто рабы.

— Рабы? — Роман слышал это слово в адрес дядьки уже не раз. Но каждый раз ему казалось, что это если не шутка, то оборот речи. «У раба и жена — кусок навоза» — вспомнил он слова убитого им всадника. Так это правда.

— Почему они сожгли деревню? — резко спросил он.

— Обычное дело, — нехотя сказал дядька. — Лохмачи — люди Громкоголоса. Они пытались увести скот нашего хозяина. Мы их прогнали, и убили одного. Теперь они в отместку напали на нас...

— И скольких уже убили? — Ромке хотелось кричать от бессильной злости.

Если бы они с Рэмом тогда не вмешались. Если бы не побежали пастухам на выручку. Может быть, тот человек, со смешным именем Последыш, остался жив, и ничего бы не было.

— И сколько женщин... оскорбили? Ты знаешь, где твоя жена, Толстопуп?

— Там был этот пёс, — ответил дядька. Лицо его побагровело. — Я ничего не мог сделать, только предупредить остальных!

— Я убил его. — Коротко бросил Роман. — Женщин надо уважать.

Толстопуп обвёл взглядом кожаную безрукавку и меч на поясе у Ромки. Дрожащей ладонью отёр лицо, размазав копоть по щекам.

— Лучше дай своё копьё Кривоносу. Он когда-то был воином. Я сделаю себе пращу.

— Если раб убьёт свободного, ему отрежут уши, выжгут клеймо на лбу, и принесут в жертву богу Ада, — хрипло сказал Кривонос. — Я больше не воин.

— Воины бывшими не бывают, — твёрдо сказал Роман. — Я освобождаю вас и беру ответственность за это на себя.

— На себя? А кто ты такой? — Кривонос посмотрел на Ромку, и тот увидел его глаза. В них светилась дикая надежда.

— Я тот, кто я есть. За свои грехи я отвечу перед нашим отцом.

Роман содрогнулся в душе. Умение сказать всё, не говоря при этом ничего, он постиг на курсах. Очередных курсах по самосовершенствованию, которых было так много, что он потерял им счёт. Обмануть, ни разу не солгав. Вот искусство настоящей рекламы.

— Ночью мне было видение, — он вспомнил слова «джиннов». Убить или умереть. Или убить, и умереть? — Боги на нашей стороне. Мы пойдём в деревню, и отомстим за скот и наших женщин. Покажем, как дерутся свободные люди.

— У них мечи, — коротко сказал Кривонос, сжав в руке короткое копьё.

— А нам нечего терять, — ответил Роман. — Зато мы можем приобрести всё.

* * *

У поворота к деревне они прихватили с собой сына старосты, мальчишку-подростка со свежим ожогом в пол-лица. Мальчишка кривил дрожащие губы, что-то бормоча о сторевшем амбаре и зарезанных свиньях. Выслушав Кривоноса, он проворно соорудил себе пращу из поясного ремня, и затрусил возле Ромки, жадно поглядывая на его меч.

Ромка опять распаковал трофейные пожитки и вытащил стёганую безрукавку пехотинца. Безрукавка оказалась в пору Толстопупу, и тот надел её.

Козочка тащилась в арьергарде, ведя за повод серую лошадку. Попытки отправить её восвояси ни к чему не привели.

Деревня оказалась крохотной, в десяток домов, рассеявшихся на каменистом клочке земли. На краю поселения виднелась круглая «башенка» колодца. На счастье жителей, дома были сделаны из камня, судя по всему, взятого с гор неподалёку. Неровные, серые глыбы стен только почернели от лизавшего их накануне огня. За обуглившимися оградами огородов торчали пучки сморщившейся от жара капусты.

Малец Мухобой сбегал на разведку, вернулся и доложил:

— Они в доме старосты, пьют вино. Один за колодцем, развлекается.

— Заветный бурдюк для гостей... Чтоб их вспучило! — пробормотал сын старосты.

— Колодец видно из дома? — спросил Ромка.

— Нет.

Они подобралась к колодцу. Кривонос, легко перескочив обгоревшую ограду, в несколько шагов подобрался к круглому, сложенному из серых плоских камней, сооружению. Ромка обогнул колодец с другой стороны. Там была грубая скамья, сделанная из гладкого, потемневшего от времени древесного ствола, уложенного на два камня. На скамье возились двое, мужчина и женщина. Рядом валялся кувшин для воды. Женщина брыкалась, мужчина пьяно смеялся.

Роман, тихо ступая, приблизился к парочке и посмотрел на женщину. Её длинные, блестящие под солнцем волосы отливали золотом, тонкие, загорелые руки беспомощно упирались в плечи насильника. Она подняла глаза и увидела Ромку.

— Ку-ку, — почему-то пропел тот, глядя на мужчину. Лишь бы не смотреть на женщину, не видеть её раскосых глаз, оказавшихся так удивительно похожими на русалочьи глаза Ангелины.

Мужчина вздрогнул и приподнялся, таращась на пришельцев. Рука его метнулась к поясу. Женщина вцепилась в его руку, а Ромка мягко подпрыгнул и вlepил тому пяткой в

лоб. Хотя лобная кость и не кирпич красной глины, из тех, что привык подкладывать Ромкин тренер своим ученикам, но удар достиг цели. Голова мужчины откинулась назад, и он молча кувыркнулся со скамьи.

Кривонос так же молча подступил с другой стороны и ткнул копьём. Мужчина захрипел и заскрёб пятками по земле.

— Погоди, — Роман наклонился над поверженным противником. Тот дёргал ногами, в пыли под ним расплывалась багровая лужа. — Ты убил его!

— Ты сказал, мы идём воевать, — ответил Кривонос.

— Я хотел взять языка!

— Тебе нужен его язык? — с удивлением спросил Кривонос. — Если хочешь, я могу его выре...

— Нет! — Нужно осторожнее подбирать слова. А то отрезанным языком не обойдётся. — Я хотел допросить его.

Ромка взглянул на женщину. Та сидела на скамье, прикусив зубами кулачок, и с ужасом смотрела на пришельцев.

— Ты пойдёшь с нами и выманишь их из дома.

В доме старосты было шумно. И оттуда тянуло жареным мясом. Совсем как на даче, когда шашлык шипит на углях и роняет капли жира в золу.

Они пробрались вдоль огородов с увядшей капустой и обошли дом с двух сторон. С одной стороны, где торчали остатки навеса, и топорщились обгоревшие кустики рассады, заняли позицию Кривонос с Мухобоем. Ромка с Толстопупом и сыном старосты спрятались в густой тени, отбрасываемой каменной стеной дома. Девушка, которую они привели с собой от колодца, съёжилась рядом, уткнувшись лицом в колени.

— Мне нужен хотя бы один для допроса, — прошептал Ромка. Толстопуп, притаившийся рядом с ним у каменной ограды, молча кивнул.

Ромка осторожно высунулся из-за угла, осмотрел пустой двор, залитый ярким солнцем. Аромат жареного мяса расплывался в воздухе. Было тихо, только посвистывали птицы, да шелестел ветерок в иссохших листьях рассады.

— Наша свинья, — шептал сын старосты, наматывая на кулак ремешок пращи. По щекам его катились слёзы. — Свинья Красотка... Кабанчик Денежка... Поросята...

— Тихо, — сквозь зубы сказал Роман.

Из двери выбрался, задев плечом за косяк, здоровый парень. Сыто отдуваясь, поглядел на солнце, почесал живот, скрытый под матерчатой безрукавкой, и направился за угол дома. Послышалось журчание. Потом раздался глухой звук, будто от удара, невнятная возня, и из-за дома выглянул Кривонос. Показал поднятый вверх палец и скрылся.

— Один есть, — шепнул Толстопуп.

Ромка сжал пальцы на плече девушки.

— Иди. Помни — если они не поверят, с тобой случится несчастье.

Девушка кивнула, её волосы мотнулись по плечам и защекотали ему лицо. Она сидела так близко, что он слышал её дыхание и чувствовал, как она дрожит. И от неё пахло страхом.

— Вперёд! — Ромка подтолкнул девушку. Она встала и неуверенно двинулась к дому. «Женщины и дети как приманка — это военная хитрость, а не подлость», — сказал он себе, глядя, как девушка подходит к двери. Живот сводило от волнения, и ему вдруг мучительно захотелось сбегать в ближайшие кусты.

Девица заглянула в дом, что-то сказала, на мгновение скрывшись из вида, а Ромка мгновенно вспотел. Ничто не мешало ей сейчас предупредить тех, кто сидел внутри. Он представил, как из дверей выбегает группа вооружённых мечами громил, и ему стало тошно.

Но вот она показалась вновь, торопливо сделав несколько шагов назад. Из дома вслед за ней вывалился ещё один здоровяк, почти близнец того, что скрылся за углом.

Здоровяк попытался ухватить её за руку, девушка увернулась.

— Лови её! — крикнул от порога ещё один, постарше. Он остановился у косяка, отирая мокрое от пота, красное лицо. Кожаная безрукавка его свободно болталась на плечах, ремешки по бокам были распущены для удобства. — Да тащи сюда!

— Я просто спросила, не надо ли вам воды! — взвизгнула девушка.

Краснолицый захохотал, глядя, как здоровенный парень ухватил девушку за волосы и потянул к себе.

— Тащи её в дом!

Ромка сложил ладони у рта и тихо побрякал. Кричать по-утиному научил его отец,

заядлый охотник. Тот почему-то не признавал специальных манков, и на охоте приманивал охочих до самок селезней, сидя в камышах напротив болтающейся на волнах подсадной утки-обманки, и крикая в ладонь.

Одновременно, с неуловимой разницей, с двух сторон тихо просвистели ремешки пращ. Краснолицый дёрнулся, разинул рот, показав щербатую пасть, схватился за грудь и рухнул на колени.

Здоровяк отпустил волосы девушки, крутанулся волчком и отлетел к стене. Дрыгнув ногами и приложился спиной о косяк. С крыши посыпалась труха, с глухим стуком упал почерневший от огня старый кувшин, брякнул о землю и разбился на куски.

Ромка выскочил из-за угла и бросился во двор. Краснолицый скорчился на ступенях крыльца, держась обеими руками за грудь, и надсадно хрипел. Ромка осторожно ткнул его носком сандалии, и тот завалился на бок.

— Мухобой, одним словом, — сказал Толстопуп, шумно дыша за спиной у Ромки. — Прямо в кость угодил.

Истерически взвизгнула девушка, они обернулись. Здоровый парень, который только что кувыркнулся к стене, поднялся на ноги, и, держась одной рукой за голову и пошатываясь, ринулся через двор. В руке его блеснул меч.

Ромка отступил на шаг и наступил на ногу Толстопупу. Тот уткнулся спиной в стену и сдавленно охнул. Широкое лезвие меча в руке парня блеснуло, пустив солнечный зайчик в глаза Роману. Отступать было некуда, и тот шагнул вперёд.

Здоровяк хоть и пошатывался, но меч держал уверенно. Он легко взмахнул рукой, тяжёлое лезвие порхнуло ласточкой, со свистом вспоров воздух над головой Ромки. Тот едва успел пригнуться, кувырком перекатился вперёд и вбок и вскочил на ноги позади противника.

Тот развернулся вслед за увёртливым врагом. Ромка скакнул вбок, встав спиной к солнцу, но парень тут же перескочил вслед за ним, тесня его в угол двора. Лезвие меча описывало свистящие восьмёрки.

Здоровяк обманчиво медленно шагнул влево, потом вправо, и вдруг одним лёгким прыжком подскочил к Ромке и сделал выпад.

Роман отшагнул, взялся за толстое, волосатое запястье, вывернул чужую руку с зажатым в ней оружием, легко повернулся и одним движением вынул рукоятку из пальцев противника. Никогда он не имел дела с боевым оружием. Ножи и прочие вещи, что давали им на тренировках, были лёгкими и тупыми. Сейчас он только ощутил, что этот меч гораздо тяжелее учебного макета, а противник очень силён.

Здоровяк пролетел мимо и тяжело шлёпнулся в пыль. Роман, словно в замедленной съёмке, видел, как тот рушится на землю, как тычется лбом, а вокруг головы его взлетает облачко пыли. Как открывается полоска голой, ничем не защищённой кожи на шее, над ключицей, куда так удобно ткнуть остриём меча.

Парень приподнялся, мотая головой. Глаза его с тупым изумлением уставились на Романа. Он увидел свой меч в чужой руке и втянул голову в плечи.

— Ты не хочешь добить его? — хрипло спросил Кривонос.

Он стоял позади, сжимая в руке короткое копьё. Металл наконечника в виде древесного листа блестел на солнце. Здоровяк взглянул на копьё в руке бывшего раба и тихо завыл, скребя землю пальцами.

— На что мне его жизнь? — ровно ответил Роман, глядя в безумные от ужаса глаза

парня. — Разве что для жертвоприношения сгодится.

Слова о жертве вырвались машинально, но он понял, что попал в точку. Кривонос понимающе кивнул — Ромка увидел, как качнула головой его тень. Хрипло кашлянул у стены и тоже кивнул Толстопуп.

— Нет, не надо! — взвизгнул здоровяк. — Я вам пригожусь живым, не надо!

— Какой от тебя толк, если ты даже с девкой справишься не можешь? — фыркнул Роман.

— Я сильный, возьмите меня к себе, я всё умею! С девками воевать не мужское дело, я солдат!

— Что это за солдат, который изменяет своим? — ледяным голосом сказал Кривонос. — Меня взяли в бою, и продали в рабство. А ты на что годен?

— Он, он... — здоровяк указал на Романа. — Он просто взял у меня меч, как у ребёнка! Это дела богов!

Роман сжал зубы. Сейчас или никогда. Или он просто ловкий парень с хитрыми приёмчиками, и всё, что ему светит — слава крутого бойца за жалкую деревню, или... или он любимчик богов и друг местных джиннов. Давай, Ромка, выбор за тобой.

— Быть иль не быть, вот в чём вопрос, — тихо пробормотал он, чувствуя, как горит в потной ладони рукоять меча. — Достоин ль смиряться под ударами судьбы иль надо оказать сопротивление? [\[3\]](#)

Он взглянул на недавнего врага. Поднял руку с мечом и вытянул вперёд. Парень вздрогнул, но не двинулся с места, заморожено глядя на остриё клинка.

— Клянись богами, в которых веришь. Поклянись, что идёшь к нам с чистым сердцем и открытой душой, или не говори ничего.

— Клянусь. Клянусь богом Ада и богом войны.

— Если ты нарушишь слово, да пожрут тебя богини зла и сбросят твои останки в Ад.

— Клянусь, — сказал парень, не поднимаясь с земли, и глядя на Романа. По лицу его текли струйки пота. — Да пожрут меня гарпии, если я лгу.

— Хорошо, — Роман опустил меч. — Встань, новобранец. И отвечай — где Громкоголос, и куда он увёл моего брата?

— Он ушёл в город, — новобранец поднялся на ноги, опасливо глядя на меч в руке Ромки. — Они увели всех рабов в город. Твой брат был с ними.

Ромка скрипнул зубами. «Увели всех рабов»...

— Что делать с этим? — спросил Кривонос. Он вытащили из-за угла дома второго солдата, что так неудачно сходил облегчиться. Тот мотал головой, очевидно оглушённый ударом, и таращил глаза на происходящее. Руки у него были связаны за спиной.

Этот второй, выслушав торопливую речь своего товарища, поглядел на поверженного начальника у крыльца, хрипящего на ступеньках, на Романа с мечом в руке, на недавних рабов Толстопупа с Кривоносом и глаза его приняли совсем уже дикое выражение.

Наконец, подталкиваемый товарищем, он проворчал:

— Ладно, я дам клятву. Руки развяжите.

Кривонос в нерешительности взглянул на Ромку. Тот кивнул. Бывший раб неохотно освободил дюжему парню руки. Меч солдата вместе с хорошим кожаным ремнём уже висел на поясе у Кривоноса.

Солдат поморгал на яркое солнце, словно у него слезились глаза. Отёр лицо ладонью, и посмотрел на Романа. Тот уже знакомым движением поднял меч, вытянул его перед собой, и произнёс те же слова:

— Клянись богами, в которых веришь...

Солдат нагнул голову, шевеля губами, словно повторяя про себя слова клятвы. Ромка не успел уловить его движения, когда тот одним рывком выхватил из ножен на поясе Кривоноса собственный меч, и прыгнул вперёд.

Солдат не стал выводить восьмёрки и совершать обманные движения. Прыжок был таким быстрым, что Роман, никогда не фехтовавший на таких мечах, успел только заслониться своим клинком. Лязгнул металл, от удара заныла рука, Ромку отбросило назад, а солдат тут же ударил снова.

Ромка успел развернуться, пальцы свободной руки едва успели сжать запястье противника, когда жгучая боль пересекла живот ударом кнута. Задохнувшись, он свалился на землю.

Удар о вытопанную площадку двора вышиб воздух из лёгких, и только многочисленные тренировки, когда его бросали на татами без всякой жалости, помогли Ромке. Солдат, мигом усевшись на нём, перехватил меч для короткого, добивающего удара. Другая рука его твёрдыми, будто железными пальцами ухватила Ромку за горло, чтобы тот не мог уклониться от клинка.

Солдат не имел понятия о самбо, а борьба в партере если и была ему знакома, то только в «классическом» варианте. Лезвие блеснуло в занесённой для удара руке, и пошло вниз, когда Ромка, изогнувшись и едва не закричав от опоясавшей живот боли, провёл удушающий приём. Меч брякнул о землю, солдат выкатил глаза, задыхаясь и потея.

Возможность сдаться, похлопать ладонью по земле была ему неведома. Ромка не услышал хлопка, который заставил бы его машинально ослабить хватку. Он продолжал сжимать шею противника, слыша, как хрипит и клоочет его горло. Желание уничтожить врага, желавшего ему смерти, было таким сильным, что у него потемнело в глазах.

«Не надо. Оставь его», — мелодично пропел в голове голос женщины-джинна. Тьма,

застилавшая глаза, немного рассеялась. Ромка увидел склонившееся над ним бородатое лицо Толстопупа. Тот что-то кричал ему. По щекам дядьки текли струйки пота.

Он с трудом отпустил хват. Судорожно сжатые мышцы неохотно расслабились. Тело солдата перекаатилось, стукнув затылком о землю, и застыло. Роман взглянул на свой живот, где жгучим огнём полыхала боль, и увидел, как по краю полотняной фуфайки, торчащей из-под кожного нагрудника, расплывается кровавое пятно.

Толстопуп принялся торопливо распускать ремешки на боках безрукавки, а Кривонос присел над солдатом и прижал пальцы к жилке на его шее.

— Он жив? — хрипло спросил Роман.

Из горла вырвалось глухое карканье, но Кривонос его понял. Он перевернул солдата на спину и принялся хлопать его по щекам. Тот судорожно дёрнулся и со свистом втянул в лёгкие воздух.

— Жив. — Коротко ответил бывший раб, подняв с земли меч и приставив к горлу приведённого в чувство врага. — Как раз для жертвы.

Солдат бессильно заворочался, елозя затылком по земле. Остриё меча предупреждающе впилося ему в горло.

Толстопуп наконец распустил ремешки и распахнул безрукавку. Задрал фуфайку, пропитанную кровью, и Ромка глянул вниз. Удар меча пришёлся в область паха и скользнул вбок. Не развернись Роман в последний момент, его прошило бы насквозь. Кожу вспорол на длину ладони, и из разреза обильно сочилась кровь.

Гадая, как глубоко проникло лезвие, Роман трясущимися пальцами попытался прозондировать рану. Вспыхнувшая боль сделала руки ватными. Он смог только наложить ладонь на рану, и застыл, глубоко дыша. Переждал, пока рассеются искры, плавающие перед глазами, и попытался соединить края разреза.

«Умереть. Убить и умереть» — на грани слуха хрустальным колокольчиком пропел голос в голове и рассыпался дробным эхом. Живот обдало ледяным холодом, тут же накатила волна кипятка. Что-то изменилось. Роман застыл, не в силах вдохнуть. Его в крохотные доли секунды словно тысячу раз вывернуло наизнанку. Последняя ледяная волна накатила и ушла, оставив ломоту в костях, которая медленно растворялась, истаивая в памяти мышц, скрученных судорогой.

— Надо наложить повязку, — ласково сказал Толстопуп, отведя руку Ромки от живота. — Давай-ка я...

Дядька выронил кусок ткани, в которой Роман узнал набедренную повязку, и вытаращил глаза. Кровь уже не текла. Рана побледнела, а края разреза сморщились и стянулись, смыкаясь на глазах.

— Боги Ада! — хрипло сказал Толстопуп. — Что это?

Ромка глубоко вздохнул. Кровь сворачивалась, потемневшие сгустки бесформенными слизняками скатывались по коже и шлёпались на землю. Он отвёл глаза и медленно осмотрел двор, застывших возле него людей, синее небо над головой.

Нереальность происходящего вновь принялась терзать его. Надо за что-то зацепиться, увидеть что-то простое, незыблемое, настоящее. Вот разбитый глиняный горшок у порога. Вот крыльцо, сложенное из грубых камней. Вот малец Мухобой, сидит на корточках у стены, наматывая на руку ремешок пращи.

Вот солдат, на шее которого темнеет багровый след недавнего удушения, привстал на колени и смотрит на зажившую рану, открыв рот. Рядом с ним Кривонос, меч в его руке

опущен, и он тоже смотрит на Ромку, забыв о недавнем враге.

Хрипло дышит рядом, сжав в руке ненужную повязку, Толстопуп. Лоб его собрался морщинами, и топорщится обгорелыми клочьями короткая борода.

Роман одёрнул фуфайку и встал на ноги. Его повело в сторону, он пошатнулся, но удержал равновесие. Бок тупо ныл, кожа вокруг раны невыносимо чесалась. Скатился по коже и с тихим шлепком упал в пыль последний подсохший сгусток.

— Ты был прав, брат, — сипло прошептал дюжий солдат, зачарованно глядя на Романа. — Это правда дело богов. А я-то сперва не поверил.

— Белоглаз, покойник, когда голубя резал, гадал на кишках, — медленно произнёс Толстопуп, комкая в руке повязку. — У птицы было два сердца. Это знак.

— Я принесу клятву, — решительно сказал солдат. — Это воля богов, я клянусь идти с вами.

— Не надо, — пробормотал Ромка. — Я верю тебе.

Но дюжий парень уже подступил к нему, протянул руку в странном жесте, раскрыв ладонь и повернув её вниз, и громко сказал:

— Клянусь богом Ада и богом войны. Клянусь духами предков. Я пойду за тобой с чистым сердцем, и пусть меня сожрут гарпии, если я изменю тебе.

Сказав это, он повернулся к Кривоносу, и бывший раб неохотно отдал ему меч.

— Оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут. — Роман едва сдержался, чтобы не расхохотаться в лицо стоящим вокруг людям. Ну конечно, это бред. Если раньше и были сомнения, то теперь это очевидно. Потому что такого просто не может быть.

Они вышли со двора, перед этим собрав в доме и кладовой всё, что не взяли враги. Сын старосты только шмыгнул носом, когда Кривонос подхватил со стола недопитый, изрядно похудевший бурдюк с вином «для гостей».

С зашибленного камнем из пращи, и впавшего в беспамятство краснолицего солдата бывшие рабы сняли одежду и оружие, и распределили между собой. Ромка посмотрел на посиневшие губы этого человека и ему стало не по себе. Пусть это только иллюзия. Даже если не оказание помощи раненому не нарушает здешних законов, зато оно разрушает душу. Это он знал точно.

— Отнесите раненого в дом, — сказал Роман, и его послушались.

Он обвёл взглядом собравшихся поодаль тесной кучкой испуганных женщин. Их было немного. Несколько старух, которые, очевидно, не приглянулись захватчикам, и трое молоденьких девиц, что остались по другой причине. Нашёл среди них ту, с золотистыми волосами. Глядя в раскосые, прекрасные глаза Ангелины на чужом, незнакомом лице, попросил:

— Присмотрите за раненым. Если он умрёт, похороните его.

Лицо девушки, испуганно следившей за чужаками, разгладилось. Она робко улыбнулась и кивнула.

Ромка, во главе своей разношёрстной команды, двинулся со двора. На поясе его висел меч, и тяжёлый, широкий ремень прижимал рану, которая продолжала зудеть, как от укусов стаи здоровенных комаров.

За своим предводителем шли Кривонос с Толстопупом, один с мечом, взятым у оставленного умирать солдата, другой с копьём и пращей. Кривонос надел на себя защитную безрукавку, которая пришлась ему почти впору, и удивительно преобразился. Спина бывшего

раба выпрямилась, а лицо обрело суровое и гордое выражение, так непохожее на прежнее, что Ромка едва узнал его.

Два дюжих солдата замыкали шествие. Они шагали позади бежавших вприпрыжку, с пращами на поясах мальцов, Мухобоя и сына старосты.

Ромка отошёл от дома и взглянул на своё маленькое войско. Полуденное солнце ярко освещало улицу деревни, по которой его люди шли за ним, такие разные, что он поёжился. Неожиданная мысль, полузабытое воспоминание из прочитанной книги вспыхнуло в его мозгу, и Ромка тихо сказал, щурясь от ослепительного блеска солнца:

— Семеро против Фив. А в конце похода их ждал пушистый северный зверь. Нас семеро... Осталось только найти эти Фивы.

— Одрогоий баран — тоже баран, — солдат-новобранец облизал пальцы. Лицо его блестело от пота и горячего жира.

— Война — это такое дело, — сказал Кривонос, обгладывая косточку. — Сегодня ты наелся до отвала, а завтра тебя самого прирежут, как барана.

— Такая наша доля, — рассудительно ответил солдат, и потянулся за новым куском. — Тут главное — выбрать хорошего вождя.

Он искоса взглянул на своего предводителя, и тихо спросил Кривоноса:

— Это правда, что он сын бога?

— Правда, — отозвался бывший раб, бросив кость на землю и облизывая жирные пальцы. — Мать нашего Рома, дочь царя, понесла его от неведомого бога, когда тот явился к ней ночью.

— Это как? — с любопытством спросил новобранец.

— А так. Царь свою дочку запер под замок, и поставил служанку её сторожить. А ночью из пепла очага вырос этот самый бог, и царская дочка с ним зачала ребёнка. Когда папаша заметил, что она на сносях, он велел отобрать у дочки детей, как родит, и бросить их в воду.

— И что, бросили?

— А как же. Только река их не приняла, а вынесла на берег в корыте. Близнецов-то.

— Так их двое было, детей?

— Ну да. Наш Ром брата своего сейчас спасать идёт, дурья твоя голова. Иль не помнишь?

— Помню, помню. Ты это, меня дураком не чести, — хмуро сказал солдат. — Ты хоть и друг нашего вождя, а я с тобой гусей не пас.

— Не пас, твоя правда, — примирительно отозвался Кривонос. — Я уже не раб, а говорю всё ещё по-простому.

— Ладно, забыли. Так что там дальше-то?

— Дальше младенцы эти в корыте на берегу лежали, голодные. Тут их отец, тот самый бог, послал им самку волка, для пропитания. Чтоб молока поели, значит. Ну, птички всякие тоже прилетали, гусениц им в рот кидали, опять же.

— Гусениц-то зачем? — недоверчиво спросил солдат.

— А это мне сам Ром рассказал, как он гусениц ел, когда голодный у реки сидел, — невозмутимо ответил Кривонос. — Видать, уже большой был, запомнил. Как его дятлы кормили.

* * *

Ромка посмотрел в глаза барану. Жареная голова на большом листе лопуха смотрела в упор запёкшимися, выкаченными глазами. Предводителю — лучший кусок.

Изо рта животного торчали веточка базилика и пучок петрушки. Глупо даже спрашивать, есть ли здесь кетчуп.

Он оглянулся на Козочку. Та скромно сидела позади, сложив тонкие ручки на коленках. Перед ней лежал пустой листок лопуха с пучком петрушки.

— Почему ты не ешь?

— Я буду есть то, что мой господин мне оставит по доброте своей, — ответила Козочка, жадно глядя на жареную голову.

— Господин?

— Ты сам сказал, что я твоя женщина, — с достоинством отозвалась девчонка. В животе у неё заурчало, и она прижала его ладошками.

Ромка взялся за жаркое и решительно выковырял запёкшиеся глазки из бараньей головы. Господин? Ну что ж, сама напросилась.

— На, ешь.

Козочка радостно ухватила в ладошки оба глаза и вывалила на свой листок лопуха.

— Спасибо, Ром! Как ты догадался, что я их хочу?

Ромка отвернулся, не в силах смотреть на чавкающую Козочку. Пусть ест, если нравится.

Сегодня их маленькое войско выросло вдвое.

* * *

Они бодрым маршем вышли из разорённой деревни, прошагали по дороге до развилки, и свернули к северу. Когда солнце миновало высшую точку в небе, Ромкин отряд из семи человек, за которым трусила на лошадке Козочка, вышел к реке. Река бурлила, переливаясь через камни у берега и брызгая мутной водой. Через русло был перекинут навесной мост, и его дощатые планки намокли от брызг. «Весна» — сказал Толстопуп. — «Река разлилась».

На другой стороне реки паслись козы, и босоногие мальчишки бегали вдоль берега, кидая камушки в мутную воду.

Отряд перебрался через мост. Мальчишки, увидев вооружённых людей, с криками погнались коз в сторону леса.

Они пошли по дороге, поднимая пыль. Солнце пекло головы, жара стала невыносимой, и мальчишки с пращами уже еле плелись вслед за взрослыми, шаркая ногами. Наконец Ромка остановил свою лошадь и усадил мальцов рядом с Козочкой.

Дорога поворачивала к холмам, густо поросшим низкорослыми сосёнками, они прибавили шагу, стремясь поскорее попасть в тень леса, и тут далеко впереди увидели повозку. Это было нечто вроде грубой телеги, которую тянула пара волов.

Ромкин отряд упорно шагал вслед за повозкой, но нагнал её только возле поворота. Возница щёлкнул языком, прикрикнул на волов, и громоздкая телега свернула с основной дороги. Грохоча и поскрипывая, повозка покатила от развилки через жиденский лес к утоптанной площадке, где толпились люди, и стоял десяток домов из грубого камня.

Волами правил парень в простом кожаном шлеме и такой же безрукавке с нашитыми на груди металлическими пластинками. Кожа безрукавки изрядно выцвела, а пластины имели потёртый вид.

Возле повозки, на упитанном мерине обливался потом толстяк в белой фуфайке, расшитой по краю цветной нитью. Поверх фуфайки у толстяка красовался коричневый плащ тонкого сукна. Плащ был сколот у горла блестящей пряжкой с синим камушком.

Толстяк тяжело дышал и обливался потом. Он то и дело отирал ладонью покрасневшую лысину и круглое лицо с мясистым носом.

— Погоняй волов, парень! — неожиданно зычным голосом гаркнул он, когда маленький Ромкин отряд догнал телегу. — Я уже испёкся, как на вертеле, клянусь грудями богини!

Он оглядел нагнавший их отряд, и положил руку на пояс, где висел меч в новеньких ножнах. Парень в повозке выпрямился, посмотрел на Ромкиных спутников, и насмешливо выкрикнул:

— Эй, Губотряс! Куда добычу тащишь?

Ещё один вояка, с другой стороны повозки, что сидел, свесив ноги, захохотал:

— После нас объедки подобрали? Два мальчика и девка?

Один из солдат Ромкиного отряда молча помахал рукой в ответ.

А Роман похолодел, глядя на людей, которые теснились в повозке. Несколько молодых мужчин и женщин сидели, опустив головы, под палящим солнцем. Шею каждого обхватывала верёвочная петля. Руки их тоже были связаны верёвкой.

Ожидая и боясь увидеть Рэма, Ромка взгляделся в сидящих на жёстких досках людей. В глазах у него потемнело от волнения, он моргнул, смахнув ладонью пот. Никого, хоть немного похожего на его двойника, не было видно.

Волы тем временем подкатали свой груз прямо к площади, и повозка остановилась. Из собравшейся толпы вышел старик в белой простынке, перетянутой по поясу плетёным ремнём. На плечах, поверх белого одеяния, у старика была накинута шкура волка.

— Что ищете, добрые люди? — спросил старик.

— Вы меня знаете, — громко ответил толстяк, остановив своего мерина напротив старика. — Я приезжал к вам зимой по поручению моего господина. Сейчас я ищу беглых рабов. Каждый, кто видел беглецов, должен сообщить мне. А если у вас есть люди, желающие продать моему господину своих детей или работников, они могут сделать это сейчас.

— У нас праздник, — ответил старик. — День плодородия. Сегодня мы приносим жертвы богине, и не можем совершать сделок. Если хотите, оставайтесь, и почтите с нами богиню плодородия. Мы будем веселиться до утра. А о делах поговорим завтра.

Толстяк кинул взгляд на повозку, где была его добыча. Связанные люди уныло сидели, повесив головы, под присмотром дюжих парней. На площади тем временем уже установили длинный стол, возле которого суетились женщины в праздничных одеждах. У столба блеяли жертвенные бараны. Несколько молодых мужчин тащили бурдюки с вином.

— Мы останемся, чтобы почтить богиню, — сказал толстяк. — Наша добыча не протухнет.

Он засмеялся, хлопая себя по упитанным бокам. Его зычный смех прокатился по площади, и с крыши ближайшего дома вспорхнули испуганные птицы.

* * *

— Это он, Громкоголос, — шепнул Ромке на ухо Толстопуп.

— Где мой брат?

— Не знаю.

Толстяк в сопровождении старика в волчьей шкуре и нескольких седобородых мужчин прошли к столу и уселись, заняв почётную середину.

— Нужно узнать, куда увели Рэма, — тихо сказал Ромка, оглядывая площадь.

Где праздник, там выпивка. Где вино, там пьяные. А где есть пьяное веселье, там всё может случиться.

* * *

Им отвели место на самом краю площадки. Ромка, остерегаясь смотреть в лицо Громкоголосу, надвинул шлем на самые глаза, и тихо сидел над листком, где лежал кусок мяса, сыр, ломоть лепёшки и неизменные оливки. Если этот жирный хозяйский прихвостень запомнил Рэма в лицо, весь план может пойти насмарку.

Над площадью пронёсся дребезжащий, унылый звон, и Роман поднял голову. На большой плоский камень, что лежал посредине утоптанной площадки, взобрался человек в потёртой простынке, которую местные жители считали одеждой. Уселся на складной стул, который ему заботливо поднёс какой-то мальчишка, и провёл пальцами по струнам кифары.

— Сейчас нас порадует своим искусством сам великолепный Газелий, любимец муз и знаток поэзии! — объявил старик в волчьей шкуре, и зрители приветственно завопили.

— Напоминаем, что победителю состязания певцов, которое состоится на нашем празднике, будет вручен жирный баран! Тот же, кто победит в состязании самого Газелия, великолепного поэта и философа, будет увенчан венком из листьев нашего священного лавра и получит лучшую козу! Кроме того, он сможет купить у нас рабов по самой выгодной цене!

Толстяк Грокогоголос хлопнул ладонью по столу и гаркнул на всю площадь:

— Мы тоже примем участие в благородном состязании! От себя добавлю, что тому, кто победит, я лично отдам своего лучшего раба!

— Мы рады твоему участию, Громкогоголос, — ответил старик в волчьей шкуре, подняв руку, и шум на площади немного утих. — Прошу тебя вывести сюда свой приз, чтобы участники состязания могли увидеть, за что им предстоит бороться.

— Я отправил его под охраной в город, — ухмыльнулся толстяк. — Но могу описать его вам. Это молодой, здоровый парень, красивый и сильный. У него белая, гладкая кожа и целы все зубы. Он стоит хороших денег.

— Мы верим тебе, Громкогоголос, — с сомнением ответил старик. — Но покупать kota в мешке...

— Вы тоже обещали выгодную цену, — со смехом ответил толстяк. — Но мне её пока не назвали!

— Да будет так, — согласился старик, и отступил в сторону.

Человек на камне посреди площади опять провёл по струнам кифары. Стало тихо. Зрители вытянули шеи и затаили дыхание, слушая, как местный бард напевает под звон струн. Роман взял за руку Толстопупа и оттащил его в сторонку:

— Где здесь можно достать грецкие орехи?

— Какие орехи? — изумился Толстопуп.

— У которых ядра похожи на мозги, — нетерпеливо зашептал Ромка. — Их соком можно окрасить кожу в смуглый цвет. Ты видишь, у меня лицо светлое по сравнению с остальными. Если я вылезу на камень, и Громкогоголос меня узнает...

— А, эти орехи. Ты что, хочешь петь?

— Я хочу выиграть своего брата. Толстяк сам отдаст его мне!

— Ты не сможешь выиграть, — усомнился дядька. — Здесь сам Газелий.

— Попытка не пытка, — прошипел Ромка. — Неси краску для лица. Я буду петь.

— Смертные жёны, для вас пример указуют богини:
Не отвечайте же «нет» жадным желаньям мужским!
Страшно обмана? Зачем? Все ваше останется с вами:
Не убывает оно, сколько его ни бери.
Сточится сталь сошника, обкатаются камни о камни,
Но не иссякнет одно — то, чем дается любовь.
Разве кто запретит огню от огня зажигаться
Или возьмет под замок воду в пучинах морей?
Так почему же твердит красавица другу: «Не надо»?
Надо ли воду жалеть, ежели вдоволь воды?
Я не к тому ведь зову, чтобы всем уступать без разбора,
Я лишь твержу: не скупись! Твой безубыточен дар... [4]

Одобрительный крик прокатился по площади, зрители засвистели, затопали ногами. Толстяк Громкоголос вытер пот со лба и широко улыбнулся, показав кривые зубы. Его соперники — Газелий и ещё несколько мужчин с кифарами и флейтами, — нехотя похлопали. Лица соперников выражали уныние.

— Громкоголос, как всегда, неподражаем! — объявил старик в волчьей шкуре. — Найдётся ли певец, кроме великолепного Газелия, способный бросить ему вызов?

— Ну как? — Ромка торопливо размазал по лицу остатки краски.

Толстоуп одобрительно кивнул:

— Теперь тебя родная мать не узнает.

— Если больше нет желающих взойти на священный камень, и спеть в честь богини, наши судьи приступят к обсуждению участников! — старик указал на скамью, где сидел седой, подслеповатый старичок. По обе стороны от старичка сидели двое поэтов помоложе, в белых простынках и с тщательно расчёсанными бородами.

— Есть желающий! — крикнул Роман. — Я буду петь.

— Как твоё имя, юноша? — спросил старик.

— Меня зовут Ром. Я прибыл издалека, и хочу померяться силами с местными певцами, — громко ответил Ромка.

Он взобрался на камень. Вот и пригодилась кифара убитого разбойника, отца Козочки. Ромка уселся на складной стул и поставил кифару на колени. Провёл пальцами по струнам.

— Выступает гость от далёкого племени черноногов, славный поэт Ром! — торжественно объявил старик в манере бывалого конференсье.

Гадая, почему старик обозвал его членом племени черноногих, Ромка взял первый аккорд.

— Эней был парубок задорный
И хлопец — хоть куда казак,
И в мордобитии проворный,
И выпить тоже не дурак.

Когда ж пиндосы, взявши Троию,
Её свели на кучу гною,
Эней с войсками тягу дал:
Собравши сотни три троянцев,
Отборных гопников-поганцев,
Куда глаза глядят, удрал.

Зрители радостно зашумели, женщины захихикали, но тут же смолкли под строгим взглядом старика в волчьей шкуре. Ромка наконец поймал мелодию, и склонился над кифарой:

— «Да я его прикончу, гада! —
Вскричал растроганный Эол,
— Да вот помощников мне надо,
А от меня весь штат ушёл:
Борей страдает от похмелья,
А Нот уехал на веселье —
У нимф сейчас корпоратив;
Зефир отправился туда же,
А Эвр валяется на пляже:
Я распустил весь коллектив!»

Поэты на скамье судей зашептались. Старик-распорядитель в волчьей шкуре покачал головой и ухмыльнулся в бороду.

— Всю ночь отчаянно страдая,
Дидона бродит по двору.
Судьбину больше не гадая,
Решает вверить жизнь костру.
Схватив каминное кресало
И для растопки два журнала,
Она идёт на задний двор,
Идёт полночною порою
Средь карфагенского покоя —
Себе свершает приговор.

Ромка увидел краем глаза, как багровеет лицо толстяка. Газелий, стоя рядом с Громкоголосом, накручивал на палец кончик бороды и отбивал ногой такт.

— Одежду царскую сняла,
В костёр одежду положила
Поверх неё сама легла;
До неба тотчас пламя встало,

Покойницы не видно стало,
Пошёл от ней лишь дым и чад.
Энея так она любила,
Что от любви себя спалила —
Послала душу к чёрту в ад. [5]

Разошедшийся Ромка поднялся со стула и, перехватив кифару, сыграл на витых струнах бессмертную тему «Дыма над водой».

На мгновение площадь затихла, слушая затихающий звон струн. Потом зрители восторженно закричали, а в Ромку полетели пучки петрушки, бутоны цветов и прочая зелень. Женщины хлопали в ладоши, мальчишки свистели, мужчины топали ногами. Седобородые судьи склонили головы над столом и принялись совещаться.

— В соревновании певцов, исполнивших песни собственного сочинения, победил Ром, гость из далёкого племени черноогов! — объявил старик-распорядитель.

— Ничего, — проворчал толстяк Громкоголос, бросив косой взгляд на Ромку. — Это ничего не значит. Главный приз дают за поэму.

Они переглянулись с Газелием, и поэт согласно кивнул.

Ромка слез со «сцены» и присоединился к собравшимся в кучку участникам состязания. Те молча потеснились. На камень опять выбрался великолепный Газелий, и принялся декламировать, поводя руками и воздевая их к небу.

— Нет, Газелий уже не тот, — авторитетно заявил один из соперников, тощий, с жиденькой бородкой поэт рядом с Ромкой. — Видно, стар стал Газелий.

Его собрат по поэзии кивнул, теребя бороду. Ромка слушал. Его очередь была после всех.

Громкоголос декламировал так, что распугал последних птиц в округе. Взмахивая руками и трагически взрыкивая, он поведал зрителям о войне двух племён, о победах и поражениях. Каждое убийство героя и способ умерщвления перечислялись в кровавых подробностях. Зрители ахали и визжали.

— Это уже было, — скептически заметил один поэт-соперник другому.

— И не раз, — отозвался тот, презрительно фыркнув.

Громкоголос слез с камня под одобрительные крики зрителей.

Ромка взобрался на его место. Поэма. Ему нужна поэма. Он зажмурился, вызывая в памяти заученные наизусть строки. Глубоко вдохнул и начал:

— Муза, скажи нам о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел...

Он видел, что зрители затихли на своих местах, слушая слова старика Гомера. Газелий и толстяк Громкоголос тихо шептались, не глядя на «сцену». Подслеповатый старичок-судья выпрямился и вытянул шею, вслушиваясь в Ромкину речь.

Тихо было на площади, когда Роман закончил первую «песню» о хитроумном Одиссее. Потом старый судья поднялся со скамьи и поднял сухую, бледную ладонь:

— Скажи, юноша, где ты мог слышать эти слова? Откуда ты взял свою поэму?

Ромка замялся. Он был уверен, что никто здесь не может знать этих стихов.

— Мне кажется, я знал их всю жизнь. Сейчас он вдруг возникли в моём сердце и попросились на свет.

Обмануть, ни разу не солгав. Сказать правду и не сказать ничего. Ему нужно спасти Рэма.

Старик-судья выбрался из-за скамьи и подошёл к камню, на котором застыл растерявшийся Ромка.

— Воистину это чудо, юноша. Я написал эти стихи и спрятал, желая похоронить их вместе со своим старым, бранным телом, когда придёт мой час. Не хотел отдавать их своему сыну, чтобы тот зарабатывал моим трудом, потешая публику на базарной площади, за кусок мяса и медную монету. Теперь я вижу, что рассердил богов. Они хотят, чтобы поэму слышали все. И люди её слышали. Должно быть, богиня вложила эти строки в твои уста, юный поэт Ром.

Ромка покраснел до ушей, а старик взобрался на камень, снял с себя венок из засохших листьев лавра и водрузил парню на голову.

— Вот победитель состязания поэтов! — провозгласил судья, и зрители радостно завопили.

— Неправильно! — крикнул Громкоголос. — Он читал чужие стихи! Это запрещено!

— Действительно... — пробормотал Газелий. — Это не по правилам.

Зрители засвистели, затопали ногами. Один из стоявших с края площади парней крикнул:

— А ты чьи стихи читаешь, толстяк? Неужто сам сочинял?

— Ага, сам! — крикнули с другого конца площади. — Ночами не спал, старался!

— Аж упрел весь!

— Молчать! — налившись кровью, крикнул Громкоголос. — Свои стихи я пишу сам!

— Ну да, по ночам, — насмешливо выкрикнула какая-то женщина. — С Газелием на пару!

Глаза толстяка выкатились, казалось, ещё немного, и он лопнет от ярости.

— Докажите, что я лгу! — зарычал он. — Овцекрады! Думаете, я не знаю, что вы увели стадо моего господина в прошлое новолуние!

— Вор у вора украл! — выкрикнули с площади. — Твой хозяин отнял трон у своего брата! Дочку его в темнице заморил!

— Не вам судить, грязные козопасы! — крикнул Громкоголос. — Мой господин законно занял трон!

Не обращая внимания на поднявшийся на площади крик, толстяк взобрался на камень, на котором застыл растерянный Ромка, и протянул руку к лавровому венку.

— Снимай его, мальчишка!

— Опомнитесь, люди, не гневите богиню! — надрывался старик-распорядитель, стуча посохом. — Уймись, Громкоголос. Венок вручен победителю состязания в честь богини, ты не смеешь его снимать.

— Сейчас посмотрим, как я не посмею, — с этими словами толстяк дёрнул венки. Посыпались сухие лавровые листья.

Ромка потряс головой. Сухой листок прилип к потной, липкой от краски щеке, и он отёр её ладонью. Громкоголос отшатнулся, окончательно став похожим на варёного омара:

— Ты? Я же отправил тебя в город!

Ромка широко улыбнулся, глядя в налитые кровью глаза. Почему-то ему стало весело. Толстяк Громкоголос, с его круглыми, трясущимися от жира боками и потным лбом, был смешон и жалок.

— Пишете стишки вдвоём с Газелием? — насмешливо спросил он, скалясь в улыбке. Как там сказал этот работороговец: «целы все зубы?» — Интересная у вас жизнь пол... поэтическая.

— Держи его! — взвизгнул толстяк. — Солдаты, ко мне! Хватайте этого раба!

— Ты сам раб, — сказал Ромка, ткнув толстяка пальцем в грудь, на которой болталась цепочка с камнем в блестящей оправе. — Цепной пёс своего господина.

— Вяжи его! — прохрипел Громкоголос, озираясь в поисках своих людей. К нему уже бежали двое солдат, бросив повозку с пленниками.

Люди на площади засвистели. Парень, что кричал с края площади, бросился к телеге, где сидели связанные рабы. Взобрался на повозку и принялся распутывать верёвки.

Толстяк схватился за пояс, где должен был висеть меч. Всё оружие участников осталось

возле стола, где сидели судьи. Его отобрали заранее, сложив горкой на козьей шкуре.

— Я отрежу тебе язык, наглый раб! — прохрипел Громкоголос, шаря по поясу в напрасных поисках меча.

— Люди, уймись, не гневите богиню! — надрывался в крике старик-распорядитель.

Парень возле повозки освободил одного, сидящего с края, человека, и взялся за второго.

— Стой, сын болотной крысы! — взревел толстяк, заметив, что его добыча вот-вот разбежится. — Солдаты, охраняйте груз!

Уже почти добежавшие до своего начальника солдаты завертелись на месте.

— Сам ты сын горного козла! — выкрикнули из толпы. — Явились к нам в долину, отобрали лучшие пастбища, да ещё корчат из себя поэтов!

— Убирайся к своему хозяину-вору, — поддержал другой. — Пускай свой трон стережёт!

Громкоголос не ответил на выкрики из толпы. Проворно двигая жирными пальцами, он расстегнул пояс на животе и намотал конец ремня на ладонь:

— Я возьму тебя и без меча, мальчишка.

Гибкий кожаный ремень с пряжкой со свистом рассёк воздух. Ромка ощутил мгновенную режущую боль, когда узкий пояс захлестнул ему ноги. Ремень сейчас же рванули, и Роман повалился на спину. Толстяк с неожиданной ловкостью подскочил, навалился сверху. Его локоть угодил парню в голову, и Ромка едва успел увернуться, чтобы не получить прямо в глаз.

Увесистая туша вышибла воздух из лёгких, и он тщетно попытался вздохнуть. Это нечестно. Весовая категория Громкоголоса явно зашкаливала. Сумоисты в Японии приняли бы того с распростёртыми объятиями.

Толстяк опять ударил локтем, Ромка увернулся, избежав удара, который наверняка отправил бы его в нокаут. С усилием высвободив кисть руки из-под туши противника, парень ткнул толстяку пальцами в рёбра. Громкоголос всхрипнул, но хватку не ослабил. Вместо этого он боднул Ромку прямо в лоб.

В голове вспыхнули и поплыли искры. Роман отчаянно извернулся, и снова ткнул в жирный бок. Неожиданно хватка ослабла, и он смог высвободить всю руку. Ничего не видя от плавающих перед глазами огненных кругов, Ромка оттолкнул противника, и приподнялся, жадно вдыхая воздух. Ременная петля на щиколотках врезалась в кожу.

Взъерошенный дядька Толстопуп, оскалив зубы, тянул его жирного противника за ногу. Громкоголос яростно брыкался, не желая отпустить почти задохнувшегося Ромку.

Тот наконец стряхнул ремень и вскочил на ноги. Не обращая внимания на звон в ушах, от души пнул толстяка в печень. Громкоголос хрюкнул и скорчился, зажав бок руками.

Старик-распорядитель метался рядом, заламывая руки и призывая богиню. Женщины визжали, взобравшись с ногами на столы и подобрав юбки. Ромка мельком глянул на ряд дамских ножек, подхватил пояс толстяка, и быстро, пока тот не опомнился, скрутил ему руки. Затянул ремень на жирных запястьях, закрепил узел. Громкоголос сипел, мотая головой. С отвислых щёк его капал пот.

Солдаты, подбежавшие было к повозке с рабами, увидели жалкое положение предводителя, и кинулись к нему на выручку. Парень из толпы, уже освободивший одного пленника, сделав неприличный жест им вслед, презрительно засвистел.

— Ну-ка, развяжи его, — скомандовал подбежавший первым вояка, направив меч на Ромку.

— Убери меч, Поплавок, — отозвался голос рядом с ним, и в глаза вояке блеснуло лезвие меча Губотряса, Ромкиного новобранца.

Поплавок, дюжий парень в кожаной безрукавке с металлическими пластинками на груди, вытаращил глаза:

— Ты что, Губотряс? Это же раб.

— Я сказал — опусти меч, парень, — ровно ответил солдат. — Это мой командир.

— Твой командир? — изумился Поплавок. — Да он же мальчишка!

— За этого мальчишку я отрублю ноги любому, — так же невозмутимо сказал Губотряс.

Его товарищ-новобранец подошёл, и стал рядом. Установилось хрупкое равновесие сил. Стоящий неподалёку оскаленный, всклокоченный дядька Толстопуп мрачно наматывал на руку ремень пращи.

— Убейте его! — просипел отдышавшийся от Ромкиного удара толстяк. — Он оскорбил меня.

— А ты оскорбил богов! — громко произнёс Роман.

Он вскочил на камень, с которого они с Громкоголосом свалились в пылу борьбы, и поднял вверх руки. Толпа на площади зашумела и стала затихать. Зрители, с интересом наблюдавшие за борьбой, не спешили прийти на помощь ни одной из сторон, очевидно, ожидая результата схватки. Сейчас они с любопытством вытянули шеи и прислушались.

— Жители долин и лесов, благородные обитатели этого места! — начал Ромка. — Я обращаюсь к вам. Мы явились сюда, и хотели почтить богиню плодородия своим скромным искусством. Не наша вина, что этот человек нарушил ваш праздник. Но он виновен ещё в одном: этот человек похитил моего брата Рэма, и насильно увёз его в город. Вы даровали мне венок за победу в состязании. Я горжусь этой наградой. Но ещё больше я хочу освободить своего брата. Поэтому не нужно мне обещанного приза. Позвольте забрать этого человека — Громкоголоса. Я обменяю его на брата.

Оправляя свои белые одеяния и придав лицам торжественность, к камню приблизились судьи. Вперед выбрался старый судья, вручивший Ромке свой венок. Он опирался на руку распорядителя в волчьей шкуре. Стало видно, что он уже очень стар. Редкие волосы пушком одуванчика обрамляли сухое, тёмное лицо. Глаза, в сетке глубоких морщин, смотрели рассеянно, должно быть, старый поэт различал лишь смутные силуэты людей.

Старик шепнул что-то распорядителю на ухо, и тот торжественно объявил:

— Братья! Победитель состязания певцов и поэтов заслуженно получил свой венок. Поэма, которую он прочёл нам, вложена в его уста богами, и будет считаться нашим общим достоянием. Со своей стороны, мы выполним обещание, данное перед началом состязания, и вручим победителю жирного барана. Соперник поэта Рома, Громкоголос, опозорил себя в наших глазах и оскорбил богиню. Поэтому мы лишаем его права принимать участие в состязаниях в этом году. Но он — свободный человек и слуга царя. Пусть Ром выясняет с ним отношения, как хочет, это его дело. Нас оно не касается.

— Трусы! — выкрикнул от повозки парень, который распутывал верёвки на рабах. — Боитесь царского пса!

— Замолчи! — с достоинством ответил распорядитель в волчьей шкуре. — Ты ещё молод, чтобы учить стариков, что им делать.

— Вот он, связанный, как баран, перед вами! — крикнул парень. — А вы его даже сейчас боитесь. Жалкие трусы.

Он протолкался к камню, и взглянул на Ромку:

— Возьми меня с собой, храбрый поэт Ром. Мне надоело пасти коз, которые смелее их хозяев.

Ромка посмотрел на него. Парень стоял перед ним и восторженно глазел на него, на лавровый венок на Ромкиных волосах, на связанного, сидящего возле его ног толстяка Громкоголоса. Парень вблизи оказался огненно-рыжим. То, что Роман издали принял за шапочку растамана, изрядно поношенную, оказалось шапкой красных кудряшек, больше приличных для пуделя, чем для человека. На лице парня, загорелом, с орлиным носом, блестели серые узкие глаза.

— Я собираюсь отнять своего брата Рэма у самого царя, — медленно сказал Ромка. Он только сейчас понял, что Громкоголос — слуга того самого человека, который отнял трон у своего брата, и сел на него незаконно. И этот человек, очевидно, запер дочь в темницу, велел бросить её сыновей-близнецов в реку. Его дед.

— Подарок царю! — тонким голосом пропел пухлый раб в богато расшитой набедренной повязке.

Над повязкой колыхался тщательно выбритый розовый живот. В руке раба блестел новенький меч с широким лезвием. В лезвие можно было смотреться, как в зеркало. Очевидно, в других целях его не использовали. В другой руке была зажата верёвка. Конец верёвки тугой петлёй обвивал шею Рэма.

— Стой, где стоишь, — дворцовый стражник стукнул копьём в мраморный пол. Металл на конце древка внушительно брякнул о камень.

Из-за колонн, окружавших дворик с бассейном, показался тощий, носатый человек в нарядной простынке и золочёных сандалиях. Пухлый раб дёрнул верёвку, заставив Рэма подойти ближе.

Нарядный человек оглядел пленника:

— Наш господин уже отдыхает с новой наложницей. Но я скажу ему о вашем подарке.

Человек ещё раз обвёл взглядом Рэма, и ушёл, смешно семеня ногами в расшитых туфлях.

Рэм остался стоять на мраморных плитах возле пухлого раба. Верёвка давила шею, ноги в потрёпанных сандалиях горели огнём.

Всю дорогу до города он тащился за хвостом пегой лошади, на которой восседал доверенный раб Громкоголоса. Следом шагал здоровенный вояка в шлеме и кожаном доспехе, подталкивая пленника копьём в спину, если тот начинал загребать ногами и поднимать пыль.

Солнце над дорогой палило немилосердно, лошадка трусила с ленцой откормленного животного, которого никогда не били ничем, кроме хворостины. Так что когда впереди показались первые дома, солдат уже сам поднимал сандалиями пыль, опираясь на копьё, как на палку, и только костерил вполголоса ленивого раба, не уточняя, кого именно. Жирный всадник дремал, надвинув на глаза шапочку из белой ткани, и не обращал внимания на брань вояки.

Город оказался большой деревней, с выстроенными как попало домами из серого камня, рыночной площадью, храмом с колоннами и царским дворцом. Такой дворец в родном городе Ромки в лучшем случае сгодился бы под особняк, построенный свихнувшимся на античности архитектором. Но по сравнению с домиками горожан, больше похожими на гаражи, здание, и правда, выглядело внушительно.

Из-за колонны опять вынырнул человек в ярких туфлях:

— Мой господин желает видеть свой подарок. Проходите!

Пухлый раб дёрнул верёвку и последовал за человеком. Рэм пошёл за ним. Упитанное, как у тюленя, тело его поводяря колыхалось совсем рядом, подрагивая складками кожи при каждом шаге. Рэм представил, с каким сочным звуком эта туша шлёпнется на каменный пол. Всю дорогу до города его мучил соблазн отнять копьё у стражника и ткнуть жирного раба мордой в пыль.

Но руки были связаны, и рисковать попусту Рэм не хотел. Тем более они двигались туда, куда ему самому хотелось попасть — в город, о котором им с Ромкой прожужжали все уши. «Это не они меня ведут, — решил Рэм, сделав вид, что не заметил очередного тычка копьём

в зад. — Это я позволяю им меня вести».

— Идите за мной, — человек повёл их вдоль бассейна.

Бассейн, квадратный, с разноцветной плиткой на дне, украшали четыре статуи по углам. Статуи были сделаны из светлого, полированного камня, и изображали девиц разной степени стыдливости. В воде резвились настоящие девушки, Рэм только мельком глянул на них, и едва не свалился с мокрого края бассейна.

— Нимфы отдыхают, — пробормотал Рэм, с трудом восстановив равновесие.

Жирный раб, заметив его взгляд, фыркнул:

— Знаешь, почему тебя повели этим путём, мальчишка?

— Так короче? — предположил Рэм, косясь на одну из девиц, подплывшую поближе, и высунувшуюся из воды по пояс. Девица посмотрела на него и хихикнула. По её мокрой шее и груди стекала вода.

— Потому что сделать ты всё равно ничего не успеешь, — хихикнул в тон девице толстяк. — Здесь живут только евнухи.

Жирный раб фыркнул, сделав пальцами недвусмысленный жест, будто щёлкал ножницами. Рэм демонстративно покосился на его набедренную повязку и тоже фыркнул. Толстяк порозовел и дёрнул верёвку:

— Пошевеливайся!

Они миновали бассейн и прошли в комнату без потолка. Солнечный свет очерчивал золотистый прямоугольник на каменном полу, и сиял искрами на пятнистой шкуре неведомого животного, расстеленной посередине.

Тощий провожатый в нарядной простынке, кряхтя, опустился на колени и стукнул лбом в пол. Жирный раб последовал его примеру, дёрнув за верёвку. Рэм едва успел упасть коленками на мраморный пол, чтобы избежать удушения.

Человек, возлежавший на пятнистой шкуре, лениво перекатился на бок и взглянул на коленопреклонённую троицу. На Рэма смотрели узкие глаза на заросшем курчавой бородой лице. Глаза эти, в кровянистых прожилках, окружённые припухшими веками, вызвали в памяти Рэма старый анекдот: «Где ты хранишь свои сбережения? В мешках. А где мешки? Да вот, под глазами!»

Царь пошарил возле себя, нашёл кубок и протянул, не глядя. Из угла комнаты выступил упитанный раб и налил в кубок вина. Господин медленно выпил, двигая кадыком на волосатой шее, отбросил кубок и хрипло сказал:

— Что за подарок Громкоголос прислал мне сегодня? Этот мальчик грязен, как свинья!

— Мой господин торопился обрадовать своего царя, и велел нам привести юношу как можно скорее, — затараторил пухлый раб, не поднимаясь с колен. — Мы не осмелились перечить, и сразу отправились во дворец...

— Надо было окунуть его по дороге в бассейн, — хмыкнул царь, вновь принимаясь шарить рукой по ковру в поисках кубка. — А то я под пылью не вижу его лица.

Раб не ответил, уткнувшись лбом в каменный пол. В освещённом солнцем квадрате мелькнула девичья рука, подобрала откатившийся кубок и подвинула ближе к шарящим по пятнистой шкуре пальцам царя. Царь неожиданно ловко поймал робкую ладонь и притянул к себе. Девица пискнула.

— Мой господин, — негромко сказали из темноты. — Я всё ещё здесь.

— Клянусь бородой бога, ты ещё здесь, Ястреб! — царь оттолкнул девицу. — Почему ты всегда не вовремя?

— Я жду ваших распоряжений, господин, — ровно ответил голос.

Рэм взгляделся в тень у стены. Там стоял, сложив руки на груди, человек в длинном плаще, перетянута широком поясом. У пояса висел короткий меч.

— Напомни, с чем ты пришёл, — поморщился господин, потеряв морщинистый лоб. Покрасневшие глаза его совсем утонули в набухших веках.

«Склеротические изменения сосудов головного мозга, — холодно отметил про себя Рэм. — Алкоголизм, со всеми вытекающими».

— Мой господин, — ответил человек, названный Ястребом. — Ваш брат опять жалуется на произвол Громкоголоса. Ваш царственный брат говорит, что люди этого достойного человека разграбили и сожгли его деревню, и увели овец вместе с пастухами. Он требует извинений и компенсации ущерба.

Царь тихо засмеялся. Отёр заслезившиеся глаза, осушил кубок и швырнул его в угол комнаты.

— Клянусь ляжками богини, это неслыханно! Разве люди брата не убили моих пастухов совсем недавно? Это был наш ответ на разбойное нападение!

— Боюсь, ваш брат считает этот ответ слишком резким, мой господин, — невозмутимо заметил Ястреб.

— Хорошо, — царь махнул рукой. — Компенсация, говоришь?

Он повёл глазами по комнате и остановился взглядом на Рэме:

— Отдай моему брату этого мальчишку.

Ястреб оглядел Рэма:

— Всего один юноша, мой господин? Ваш брат будет недоволен.

— Это дар Громкоголоса. Он стоит стада овец, мальчишка достаточно хорош для этого.

А если мой царственный брат опять будет недоволен, скажи ему, что царь здесь я, а не он.

Господин сипло засмеялся, притянул к себе девицу и повалил на шкуру. Человек по имени Ястреб минуту молча смотрел на своего царя, потом отвернулся. Обогнул комнату, стараясь не наступать на янтарный прямоугольник солнечного света, приблизился к стоящим на коленях людям. Взглянул на пухлого раба:

— Сними верёвку с юноши, раб.

Толстяк торопливо ослабил петлю на шее Рэма.

— Развяжи ему руки.

Раб суетливо развязал руки Рэма, пальцы его дрожали.

— Господин, — проблеял толстяк, держа в руках ненужную верёвку. — Не надо было снимать путы. Этот мальчишка опасен. Он может напасть на вас!

— Молчать, — тихо сказал господин. — Я отрежу тебе язык, трусливая скотина. Как смеешь ты говорить мне об опасности?

Толстяк уткнулся лбом в пол.

— Встань с колен, мальчик, — не глядя на раба, сказал Ястреб. — Ты идёшь со мной.

Ястреб, не глядя, отвесил короткий поклон в сторону пятнистой шкуры. Царь уже забыл своего советника и занялся новой наложницей. Со шкуры доносились повизгивание девицы и пьяное бормотание.

Ястреб развернулся и вышел из царской опочивальни. Широким шагом миновал бассейн с плещущимися наядами.

Рэм шёл за ним. Радость от снятой с шеи верёвки на время заглушила прочие мысли. Они пошли длинным коридором, где на стене, освещённой прорезями окон, красовались мозаики со сценами сражений. Почти на каждой мозаичной картине мускулистый чернобородый человек на коне, подозрительно похожий на царя, в одиночку поражал толпы тщедушных врагов. Под копытами боевого скакуна лежали рядами фигурки уже убитых человечков.

В коридоре Рэм огляделся. Радость немного утихла, и он всерьёз прикинул возможность побега. Ястреб шёл впереди, словно не сомневаясь, что пленник следует за ним. Рэм окинул взглядом его высокую фигуру, перетянутую в талии ремнём. На бедре покачивался короткий меч в ножнах. Если заломить руку этому царскому прихвостню, быстро выхватить у него меч из ножен, и заставить незаметно вывести себя из дворца... Но что-то в походке идущего впереди человека явно сказало Рэму, что с тем не стоит связываться.

Большинство встреченных им с Ромкой людей в этом странном мире казались типичными дикарями, но выглядели при этом так, словно непрерывно занимались всеми видами спорта сразу. Ястреб со спины напоминал какого-то известного спортсмена, и Рэм с полминуты пытался вспомнить, кого именно. Коридор с мозаикой на стенах закончился, Ястреб обернулся, взглянув на своего пленника, и тот вспомнил. Ну конечно, чемпион страны по фехтованию на саблях. Фамилия ещё такая... кровожадная, что ли. Нет, с таким лучше не связываться.

Они прошли под арочным сводом во двор, и Рэм окончательно оставил мысли о побеге. На залитом солнечным светом прямоугольнике, ограждённом каменными стенами, стоял десяток человек, ожидавших своего господина. Двое, самые рослые, были в обшитых металлическими бляшками кожаных доспехах и с мечами на боку.

Здесь же, под присмотром раба, стоял рыжий конь в нарядной сбруе. Завидев Ястреба, жеребец повернул изящную голову с белой полоской на лбу и тонко заржал, приветствуя хозяина. Тот взобрался на коня, продемонстрировав ловкость, завидную для немолодого человека — по виду Ястребу было никак не меньше сорока — и тронул рыжие бока пятками.

Четверо из сопровождения побежали впереди, остальные пристроились по бокам и сзади. Двое дюжих парней в кожаных безрукавках зажали Рэма с обеих сторон, и повели за хозяином.

Дорога, у самого дворца мощёная каменной плиткой, мельчавшей по мере удаления от царского жилища, вывела небольшой отряд к городскому рынку. Вокруг рынка теснились домики местных жителей, больше похожие на сараи. Над домиками, у противоположного края площади возвышалось здание серого камня с конической крышей и массивными стенами.

Здание было восьмиугольной формы и имело единственный вход в виде арки. К входу вели три широкие ступени. Ступени были пусты, ни одного человека не поднималось и не

спускалось по ним, словно здание окружал невидимый барьер.

Посредине заполненной народом рыночной площади возвышался деревянный помост, на котором стояло несколько человек под присмотром надсмотрщика с кнутом. Вокруг помоста прохаживались покупатели, разглядывая живой товар. На площади шла бойкая торговля.

Резкий запах рыбы, гниющих овощей и чего-то пряного ударил Рэму в нос. Шум стоял оглушительный, продавцы и покупатели торговались с упоением, истошно вопя, размахивая руками и призывая в свидетели богов и богинь.

Рыжий жеребец Ястреба нетерпеливо пританцовывал, порываясь прибавить шагу, пока рабы прокладывали дорогу своему господину через толпу. Рэм, зажатый между дюжими стражами, ничего не видел, кроме конского хвоста, да каменных плит под ногами. Они поравнялись с деревянным помостом и снова остановились.

— Кому нужен хозяин? — зычным голосом выкрикнули над ухом Рэма, и он взглянул вверх.

По краю помоста прохаживался крепкий, загорелый мужичок в потрёпанной набедренной повязке и босиком. Коричневая его лысина, обрамлённая редкими кудряшками, лоснилась от пота. Мужичок остановился и ткнул пальцем в толпу:

— Вот ты, почтенный. Тебе точно нужен хозяин!

«Почтенный», бородач в богато расшитом плаще с узорчатым поясом на пухлом животе, остановился и воззрился на лысого.

— А что ты умеешь делать, раб?

— Я умею руководить людьми, — живо отозвался загорелый мужичок. Он уселся на край помоста напротив покупателя, свесив босые ноги. — Кто возьмёт меня к себе в дом, не прогадает!

Надсмотрщик рядом усмехнулся, помахивая кнутом.

— Что ты ещё можешь, кроме болтовни? — спросил пухлый бородач. Он приподнялся на цыпочки, разглядывая мужичка. — Ну-ка, повернись кругом, я посмотрю на тебя!

— На прилавке как не лежи, всё равно купят, — резонно ответил раб, почёсывая лысину. — Зачем тебе на меня смотреть? Ты меня лучше послушай! Не рыбу ведь покупаешь.

Надсмотрщик подошёл, щёлкнул кнутом, мужичок взвизгнул и резво поднялся на ноги. В толпе засмеялись.

— Ты читать-то хоть умеешь, болтун? — спросил пузатый покупатель. Его с двух сторон поддерживали под локти мальчишки-рабы, и ещё двое крепких рабов стояли позади, оберегая хозяина от случайных толчков.

— Читать? — возмущённо воскликнул мужичок. — Я поэт, философ, читаю на языке благородных ахтеев и туруша, пишу книги и учу риторике! Он ещё спрашивает, умею ли я читать!

— Тогда покажи, что ты умеешь! — сказал бородач. — За тебя просят хорошую цену. Я должен убедиться.

— Ладно, я докажу, — неожиданно мирно согласился философ. — Вот тебе вопрос: если у тебя с головы упал один волосок, ты стал от этого лысым?

— Нет, — удивлённо ответил бородач.

— А два волоска?

— Тоже нет.

— Тогда если ты лысеешь по волоску, откуда берётся лысина?

Покупатель пожал плечами:

— Это загадка для детей.

— Ладно, тогда спрошу так: вот лежит бобовое зерно, — мужичок выудил из складок набедренной повязки зёрнышко, положил на ладонь и показал толпе. — Маленькое зёрнышко. Если к нему прибавить ещё одно, будет ли это кучкой?

— Нет, не будет.

— Тогда, если маленькое зерно ничего не значит, сколько нужно, чтобы они стали кучей?

Народ на площади, собравшийся поглазеть на развлечение, засмеялся. Бородач запустил руку в волосы и стал чесаться.

— Рубль кучка, в кучке три штучки, — фыркнул Рэм.

Бородатый покупатель зло покосился на него и громко сказал:

— Спроси что-нибудь поумнее, раб. А то я решу, что ты годишься только в педагоги.

— Хорошо, невежда! — лысый философ топнул ногой. Над помостом поднялось облачко пыли. — Вот тебе поумнее: все люди лгут. Стало быть, и я лгу. Правду я сейчас сказал, или нет?

— Нет, конечно, — уверенно ответил бородач.

— Стало быть, я сейчас не солгал, и все люди говорят правду?

Зрители засмеялись. Бородач покраснел, мучительно отыскивая ответ.

— Я жду ответа на поставленный мной вопрос! — победно сказал лысый мужичок, раздувшись от гордости. — Солнце ещё высоко.

— Не мучайтесь, этот вопрос не имеет ответа, — сказал Рэм, глядя, как бородач дёргает себя за волосы с риском облысеть. — И он это знает.

— Помолчи, мальчишка! — крикнул с помоста философ. — Человеку даны два уха и один рот, чтобы молчать и слушать!

Надсмотрщик хлестнул кнутом по доскам рядом с босыми пятками философа. Тот подпрыгнул, толпа засвистела. Бородач щёлкнул пальцами, подзывая раба с мешком:

— Я покупаю тебя, учёный муж. Моим детям нужен учитель философии.

— Ты сделал правильный выбор, — отозвался лысый, подбоченившись и гордо озирая толпу.

Пузатый бородач отсчитал деньги торговцу. Философ торопливо слез с помоста и пристроился возле нового хозяина. Тот задумчиво взвесил в руке мешочек с монетами, и повернулся к Ястребу, который придержал коня, ожидая вместе с остальными, чем закончится торг:

— Скажи, почтенный муж, что за благородный юноша рядом с тобой? Он умён и хорош собой...

— Мальчик не продаётся, — ответил Ястреб.

Он ударил коня пятками, жеребец заплясал, зеваки шарахнулись в стороны.

— Жаль, — бородач обвёл Рэма внимательным взглядом. — Я бы купил.

Рыжий конь тронул с места, толпа раздалась, освободив дорогу. Маленький отряд, в хвосте которого плёлся Рэм, пересёк площадь.

У края площади, за которым начинался поросший кудрявой травой луг, Ястреб соскочил с коня и бросил поводья рабу. Решительно двинулся к массивному зданию серого камня, что одиноко возвышалось над низкими домишками горожан. Оправил плащ, ладонью пригладил волосы, и неторопливо поднялся к арочному входу. Охранники, что вели Рэма, втащили

парня по ступеням вверх и подтолкнули его вслед за хозяином.

От каменной арки входа тянуло холодом, ни одного огня не горело внутри здания, и Рэму вдруг стало зябко. Высокая фигура царского советника уже скрылась в темноте, стражник толкнул парня в спину, и тот ступил под арку.

Холод плит пола леденил ноги сквозь тонкие подошвы сандалий, в лицо тянуло сквозняком. Ястреб уверенно шагал впереди, словно проделывал этот путь не раз. Коридор внезапно повернул, и Рэм заторопился вслед советнику, ориентируясь на звук шагов в густой темноте. Кто знает, какие тут ловушки расставлены для незваных гостей? Не зря же вокруг здания никого не ходит. Охраны нет, а на ступенях никто не сидит, и рядом ни одного человека, хотя рынок так и кишит народом.

Коридор опять повернул. Должно быть, они шли вокруг здания.

— Это лабиринт, что ли? — тихо спросил Рэм. Голос его прозвучал гулко, отразившись в невидимых нишах.

— Молчи, — отозвался Ястреб. — Это священное место.

— Ага, — пробормотал себе под нос Рэм. — С Минотавром. Ему ещё детей скармливали.

— Каким Минотавром? — спросил Ястреб. — Тем, что был отцом бабушки нашей царицы, или тем, который разбил аборигенов в прошлом году?

— Мать твоя царица, — парень споткнулся на ровном месте, и машинально ухватился за стену. Руку обожгло холодом. — Как это в прошлом году?

— Минотавр никогда не ел детей, — строго сказал Ястреб. Он остановился, и Рэм наткнулся на него в темноте. — Он приносил их в жертву.

Жёсткая рука советника напарила плечо Рэма и сжала его:

— Мы пришли. Молчи, и делай то, что тебе скажут, мальчик. Сейчас ты увидишь своего хозяина.

Ястреб потянул пленника за собой. Они повернули вправо, и в раме крошечной тьмы перед ними вдруг засиял огненный овал. Свет мигал и переливался всеми оттенками пламени. Рэм заморгал, ослеплённый внезапным блеском, но царский советник не дал ему времени, чтобы протереть глаза, и потащил вперёд.

Прозревший после непроглядной тьмы коридора Рэм увидел, что Ястреб идёт с закрытыми глазами. Очевидно, путь в каменном лабиринте был знаком советнику до мелочей.

Вблизи светлое пятно приобрело форму арки — это был сводчатый проём в стене. Они шагнули, пригнувшись под низким сводом, и очутились в просторном зале. Стены зала терялись в темноте, ярко освещён был только участок напротив входа. Посверкивали огоньками крапинки слюды в каменных плитах пола, блестел, как облитый маслом, прямоугольник алтаря.

Алтарная плита, уложенная на поперечины гранёных столбиков высотой до пояса среднего человека, была пуста. Столбики восьмиугольной формы слегка утолщались в середине, что создавало эффект напряжённости от тяжести руки. По сторонам плиты возвышались металлические стойки, напомнившие Рэму вешалки для шляп. Витой металл стержней завершался коническими чашами — одной посередине, и несколькими поменьше, по краям.

В каждой чаше горел фитиль, пропитанный маслом. Трепещущий свет их огоньков отражался в полированном металле.

Ястреб остановился, не дойдя нескольких шагов до алтаря. Отпустил плечо Рэма и склонил голову:

— Господин.

Что-то прошелестело. Позади алтаря шевельнулась тень. Качнулись огоньки в светильниках, и тень увеличилась, распластавшись по полу диковинной птицей.

— С чем ты пришёл ко мне, Ястреб? — спросил хриловатый, низкий голос.

Рэм, который не собирался кланяться, увидел, как из полумрака выступил силуэт крылатого существа. Странная фигура подступила ближе, качнулась вперёд, взмахнула крыльями. В сиянии масляных ламп она казалась снежно-белой, в глубоких складках её одежды багровела тьма, и Рэм вдруг понял, что это просто человек, закутанный в белый плащ. Руки человека были воздеты вверх и в стороны, а красные полосы на ткани рукавов-крыльев казались маховыми перьями большой хищной птицы.

— Ваш венценосный брат прислал ответ, господин, — произнёс Ястреб.

— Говори.

— Мне велели передать вам этого юношу, — советник указал на стоящего рядом Рэма. — Вот он.

Человек в белом одеянии двинулся вокруг алтаря. Длинный плащ скрадывал движения, и казалось, что тот плывёт над полом.

— Всего один мальчик? — человек откинул капюшон, и Рэм увидел лицо старика. Узкие, в складках тяжёлых век, глаза смотрели рассеянно, словно человек плохо видел. — Это всё, что мой брат пожелал мне дать?

— Ваш брат сказал, что этот мальчик стоит стада овец.

— Ты верный раб своего господина, Ястреб, — человек в плаще посмотрел на Рэма. — Подойди ко мне, юноша.

Рэм шагнул вперёд. Фитили в полированных светильниках еле слышно потрескивали. Тёплый воздух дрожал над алтарём, оранжевый свет переливался вслед колебаниям воздуха, и каменная плита казалась живой. Душный запах ароматических масел щекотал горло и оседал на языке приторно-горькой плёнкой.

Теперь алтарь стал виден во всех подробностях. Плита, уложенная на гранёные столбики, не была идеально гладкой. Посередине и ближе к краю её покрывали царапины разной длины, а по периметру плиту обегала глубокая канавка. Канавка прерывалась с одного угла, и хвостик её сбегал вниз, где в полу чернела дыра, очевидно, сток для жидкости.

— Посмотри на меня, юноша, — глухо сказал человек-птица.

Рэм оторвал взгляд от канавки. Такая же штука, только в десятки раз меньше имелась на кухне его матери. Или то была мать Ромки? Разделочная доска с точно такой же каёмкой по краю. Даже царапины, вроде тех, от кухонного ножа, которым мать резала кур, исчертили гладкую каменную поверхность.

Он поднял глаза, с трудом оторвав взгляд от шрамов на камне, и увидел то, что до этого скрывалось в тени: из стены позади алтаря торчали штыри, расположенные через равные промежутки. Некоторые были пусты, а на трёх, прямо над головой старика в плаще, висели страшно оскаленные маски. Лица людей, с разинутыми или скорбно сжатыми ртами. Вокруг застывших в вечной гримасе масок клочьями нечёсаной пакли топорщились волосы.

— Кто это? — едва выговорил Рэм. Вместо голоса из перехваченного горла вырвалось воронье карканье, но старик его понял.

— Это жертвы. Добыча бога.

— Вы приносите богу добычу? Как охотничий пёс?

Человек в белом плаще обернулся и посмотрел на стену, где висели маски:

— Я всего лишь служитель. Боги сами выбирают свою добычу.

— Они сами вам об этом сказали? — зло спросил Рэм. В аромате медленно сгорающего лампового масла он чувствовал теперь сладкий запах разложения.

— Бог говорит со мной, — старик шагнул вплотную и заглянул в глаза пленнику. — Он приходит ко мне ночью и говорит мне разные вещи. Тогда я просыпаюсь, и начинаю гадать, что это значит.

Он указал на сморщенные головы:

— Иногда без гадания на внутренностях не обойтись. Если сон сулит войну или смерть, я должен прибегнуть к высшей жертве.

Рэм теперь видел глаза старика так близко, что его отражение в расширенных зрачках стало чётким, как на картинке. Должно быть, дед давно свихнулся в своём лабиринте, среди отрезанных голов и дымящих масляных ламп. Что он туда подмешивает?

— Вы и мне собираетесь выпустить кишки? — голова от аромата масляных ламп стала пустой и звонкой. Каждое слово эхом отдавалось в ушах.

— Не знаю, — жрец неведомого бога моргнул, склонил голову набок, разглядывая пленника. — Я ещё не решил.

— Вскрытие покажет, — проворчал Рэм. — И молодая не узнает, какой танкиста был конец. Эх, мать моя женщина...

— Какая мать? — растерянно спросил старик. — Что ты говоришь, мальчик? Твои слова мне непонятны.

— Это слова бога, — злорадно сообщил Рэм. — Их без жертвы не понять.

— С тобой говорит бог? — жрец отшатнулся.

— Если любопытно, можешь выпустить мне кишки на алтаре, — хмыкнул Рэм.

Страх куда-то ушёл, в опустевшей голове стоял лёгкий звон. Рэм подвигал плечами. Тело казалось невесомым, как во сне. Сейчас он мог бы взять меч у стоящего рядом Ястреба так же легко, как отобрать конфету у ребёнка.

— Но тогда я уже ничего не смогу тебе рассказать. О моей матери, о боге, который нас сюда послал. Эх, и как далеко послал-то...

Рэм опять ухмыльнулся. Зрение странно расширилось, и сейчас он видел весь зал целиком. От ярко освещённого алтаря до укрытых во тьме углов, где притаились мохнатые пауки. Фигуры жреца в белом плаще и замершего сзади и чуть сбоку Ястреба отделились, и Рэм наблюдал их со стороны, словно парил над ними в воздухе.

— Говори, — потребовал жрец. — Расскажи мне о боге.

Рука его нырнула в складки широкого плаща и вернулась со странно изогнутым жезлом. Это была изогнутая буквой «S» палка толщиной в запястье ребёнка. На одном, удлинённом конце буквы блестел металлический наконечник, заострённый до игольной остроты. Металл иглы серебристо блестел, и видно было, что его часто и тщательно полировали.

— Бог явился моей матери из пепла прогоревшего очага. Он не назвал её своего имени, но она приняла его, как мужа.

Рэм услышал, как рядом судорожно вздохнул Ястреб. Старик в белом плаще поднял руку с изогнутым жезлом, и Рэм приготовился отобрать у жреца его оружие. Игольчатое жало глянуло ему в глаза, металл острия блеснул серебром.

— Когда моя мать родила, её отец велел забрать у неё родившихся близнецов, и бросить их в реку...

— Подожди, — слабым голосом прервал Рэма жрец. Рука его, прижавшая жезл к груди, дрожала. — Ты сказал, вас велели бросить в реку?

— Да. Нас положили в корыто и отнесли к реке. Но мы не утонули. Нас вынесло на берег, и мы лежали там одни.

— Как же вы не умерли? Ведь брошенные младенцы обречены на смерть, — глухо спросил Ястреб.

— К нам прибежала волчица, и согрела нас. Она была мягкая и пушистая, — Рэм вспомнил Альму, как она забиралась к нему на одеяло, когда думала, что он спит, и прижималась мохматым боком к его ногам. — Она кормила нас своим молоком. Потом ещё дятлы всякие летали, гусениц приносили.

Он даже не соврал, ведь Ромка вправду ел гусениц. И, может быть, её выронил с высоты какой-нибудь зазевавшийся дятел.

— Вас воспитала волчица? — старик, не отрываясь, смотрел в глаза пленника. Лицо жреца стало похожим на засушенную маску, что висела у него за спиной на стене.

— Я помню, как мы бегали по лесу и искали пристанища, — честно ответил Рэм. — Мы убили разбойника, который грабил людей, и разогнали грабителей, которые хотели отнять овец у хозяина.

— Подожди, — глаза жреца расширились от удивления. — Так это вы убили людей Громкоголоса, когда они пытались увести стадо?

Рэм пожал плечами:

— Они начали первыми. Я не хотел никого убивать.

— Как звали вашу мать? — Ястреб обошёл своего пленника и заглянул ему в лицо. — Как её имя?

Старик кивнул, жадно глядя на Рэма. Рука его, сжимавшая жезл, побелела.

— Мы не знаем. Нам никто этого не сказал. Ведь её отец до сих пор хочет нашей смерти. Если он найдёт нас, то убьёт.

Ястреб положил ладонь на пояс. Пальцы его охватили рукоять меча. Рэм увидел, как зрачки советника расширились, и тут же сузились до чёрной точки.

Старый жрец поднял руку с жезлом и медленно описал в воздухе круг. Всмотрелся в центр получившейся фигуры, в которой оказалось лицо Рэма:

— Он уже нашёл вас.

— Этого не может быть, — хрипло произнёс Ястреб, не отрывая взгляд от пленника. — Прошло столько лет...

— Дай я посмотрю на тебя, мальчик, — старый жрец взял Рэма за руку и повернул к свету. — Ты не похож на мать.

— Глаза, — тихо подсказал советник. — Фиалка, ваша дочь...

— Да, — жрец сглотнул, складчатая кожа на его тощей шее задвигалась. — У Фиалки глаза, как у покойной матери. Этот юноша высок и силён. Он может быть сыном бога. В его взгляде виден ум.

Старик выпустил руку Рэма и отвернулся. Шагнув к алтарю, опёрся ладонями на каменную плиту и опустил голову. Ястреб молча смотрел на него, пальцы его на рукояти меча сжимались и разжимались.

— Разве такая великолепная жертва не угодна богам? — спросил в темноту жрец. — Разве не приносим мы ему в дар самое лучшее, что у нас есть?

— Это подарок, — ответил Ястреб. — Подарок вашего брата.

Старик хрипло засмеялся. Его тень, бесформенная от накрученного на плечи широкого плаща, качалась вместе с ним. Светильники испускали едкий дым, фитили догорели почти до конца.

— Дары моего брата бесподобны. Разве не оставил он мне самый ценный дар — мою жизнь?

— Это может быть сын Фиалки, — настойчиво сказал советник. — Вы хотите зарезать его на алтаре?

— Служба царю помутила твой разум, Ястреб, — со смешком ответил старик. — Ты видишь только тело, но не душу. Откуда мне знать, что внутри этого мальчика? Может быть, он не имеет души, и прах его развеется по ветру, как зола? Он просто красивое животное, которым мы выпускаем кровь на этой плите в радость богам.

— Вот папа огорчится, — проворчал Рэм. Внутри у него всё завязалось узлом. Дедуля-то, оказывается, вовсе не рад увидеть внука. Совсем обкурился в своём склепе.

— Огорчится? — машинально повторил за ним советник, не снимая руки с меча.

Рэм не смотрел на его руку, чтобы не насторожить Ястреба раньше времени. Пусте думает, что мальчишка обомлел со страха и ни на что не способен.

— Конечно. Сначала богу принесла жертву наша мать, отдав ему свою... своё девство, — Рэм решил выразиться повычурней. Может быть, так до них лучше дойдёт. — Потом её жизнь принесли в жертву, посадив под замок, как преступницу. — Он увидел, что лицо советника, до этого суровое и гордое, свела судорога. — А теперь и детей...

— Такова жизнь, — отозвался жрец. Он поднял взгляд к засушенным головам: — Вот лицо человека, что висит прямо надо мной. Он был моим предшественником. Когда я пришёл сюда, чтобы занять его место, он смеялся надо мной. Гордость сгубила его. Он решил, что знает мысли бога.

— И что с ним стало? — спросил Рэм, сделав шаг к Ястребу. Теперь останется только протянуть руку, и дело в шляпе. Вернее, меч.

— Я доказал, что он просто червяк в пыли. Боги отвернулись от него. Он больше не смеялся.

— Зато как посмеётся ваш брат. — Старик дёрнулся, и Рэм понял, что ткнул в больное место. — Да ему уже смешно.

— Смешно?

— Ну да. Когда меня привели к нему с верёвкой на шее, он кувыркался с какой-то девчонкой. — Жрец помрачнел, и Рэм развил успех: — Отдай, говорит, моему братцу мальчишку. Ему и этого хватит. Царь-то, говорит, здесь я.

Старик несколько раз открыл и закрыл рот, словно ему не хватало воздуха.

— Он так сказал?

— Я сам слышал. Что ему внуки, у него девчонки в бассейне младше меня.

— Он не знал, — сипло сказал Ястреб. — Мой господин не знал, что мальчик его родственник.

— Нет! — крикнул жрец. Он отступил на шаг, взмахнул рукавами плаща. Вслед за ним махнула широкими крыльями птица-тень. — Он знал! Ему мало погубить мою дочь в темнице. Ему мало запереть меня здесь, среди могил предков. Он хочет, чтобы я своей рукой лишил себя внука!

— Вы сказали, что он просто красивое животное, и в нём нет души, — медленно произнёс Ястреб.

— Я не уверен, — задыхаясь, сказал старик. Он взглянул на свой изогнутый жезл, который до сих пор сжимал в руке: — Но я узнаю ответ. Идите за мной.

Он шагнул в темноту за алтарём. Звякнуло железо, тошно заскрипел камень о камень. Жрец появился вновь, теперь лицо его скрывал край плаща. Молча повёл жезлом, приглашая за собой.

Ястреб шагнул в темноту и исчез. Рэм торопливо шагнул вслед за советником. Лучше неизвестность, чем остаться здесь одному, в пятачке тускнеющего света. Перед изрезанной ножами каменной плитой, среди догорающих фитилей и засушенных голов.

Он ударился лбом о камень. В глазах вспыхнули искры, но светлее не стало. Кто-то взял его за руку и потащил вперёд. Ему пришлось сильно пригнуться, и Рэма втянули в узкий коридор. Холодные стены каменной кишки сочились влагой. Затылок то и дело ударялся о жёсткий свод.

Под ногами что-то прощуршало, щиколотку мазнул голый крысиный хвост. Рэм дёрнулся от неожиданности и набил шишку на лбу.

— Чёрт!

— Это крыса, — спокойно отозвался Ястреб.

Впереди опять заскрипело, зашуршало, словно из одной ёмкости в другую пересыпалась куча песка. В образовавшемся проёме мелькнула сгорбленная фигура жреца.

Рэма потянули за руку, и он, согнувшись в три погибели, вскарабкался по узким ступеням, последний раз ударившись головой о край каменного свода.

Они стояли под открытым небом. Если небом можно назвать кружок размером с доньшко пивной кружки. Рэм поднял голову и взглянул вверх. Нельзя было даже сказать, ночь наверху или день. Говорят, если залезть в колодец, можно увидеть среди дня звёзды. Рэм не увидел ничего, кроме мутной синевы.

Позади зияла чернотой дыра коридора, что привёл их сюда. Прямо впереди вверх вели грубые ступени, и упирались в круглую площадку, перегороженную барьером из кольев. За кольями смутно виднелась противоположная стена, освещённая зыбким огоньком лампы. Там, в полутьме угадывались очертания ложа, застеленного покрывалом. Возле ложа

возвышалось ещё что-то, похожее на раздвинутую ширму.

Жрец поднялся на три ступени, вышел на площадку, приступил вплотную к кольям. Рэм хотел пойти за ним, но советник удержал его.

— Я здесь, — позвал старик.

На ложе смутной тенью шевельнулось покрывало, прощуршали шаги, и из полутьмы выступила фигура человека. Это была женщина.

— Господин? — голос её звучал хрипло, словно со сна.

Рэм взглянул в лицо женщины. Круглое, с припухшими веками и бесцветными ресницами. Редкие волосы торчали над ушами жидкими прядками. На месте бога он ни за что не польстился бы на такую красоту. Он и из очага бы не вылез, хоть зови его всю ночь.

— Как твоя госпожа? — спросил жрец.

— Она только что уснула, — произнесла женщина всё с той же хрипотцой. Она подступила ближе к ограде, так, что её полный живот и торчащие груди вмялись в прутья. — Ей привиделись кошмары. Я едва успокоила её.

Она улыбнулась толстыми губами, и стало заметно, что у неё не хватает двух передних зубов.

— Разбуди её, — приказал жрец.

— Я только что её уложила...

— Ты хочешь спорить со мной, женщина? — рокотнул старик.

Та хмыкнула, лениво повернулась, показав внушительный зад, и ушла в темноту. Послышался плеск воды. Кто-то охнул.

Потом к решётке вышла женщина. Мокрые тёмные волосы облепили ей щёки и высокую шею. Плечи женщины окутывала плотная белая ткань, закрывая её до пяток. Глаза её влажно блеснули, когда она взялась за прутья и посмотрела на старика:

— Я видела сон, отец.

— Фиалка, — оборвал её старик. — Ты моя дочь. Ты унаследовала мой дар — видеть то, что скрыто. Я не стыжусь признать это, хоть ты и женщина, и не имеешь души. Здесь на нас смотрят только боги. Взгляни на этого юношу, — жрец жестом подозвал Рэма, — и скажи мне, что ты видишь?

Ястреб легко подтолкнул Рэма вверх по ступеням. Сам он сделал только один шаг наверх вслед за ним, и остановился, не отрывая глаз от Фиалки.

Рэм встал рядом со старым жрецом и поглядел на женщину. Взгляды их встретились. Ему внезапно стало холодно, будто из коридора за спиной потянуло ледяным сквозняком. Потом ледяная волна сменилась волной кипятка, совсем как накануне, когда его тащили на верёвке за хвостом коня.

Тогда резкая боль внезапно полоснула его по животу, ударила в пах. Он упал, натянув верёвку, и лошадь тащила его по дороге, пока солдат, ругаясь на чём свет стоит, не заставил толстого раба остановиться.

Рэм корчился в пыли посреди дороги, не видя ничего, кроме фейерверка в глазах и чувствуя только тошную боль в паху. Потом его словно окунули в кипяток, сразу после этого бросив в ледяную воду, и так несколько раз. Солдат над ним кричал и ругался, колотя Рэма по щекам.

Наконец последняя судорога вывернула его наизнанку, и всё кончилось. Слабый, как младенец, он лежал в пыли и тяжело дышал, глядя в испуганное лицо стражника. Потом его подняли и повели дальше, и он едва плёлся за лошадью на дрожащих, будто ватных ногах. А

позднее, когда они остановились ненадолго, чтобы толстый раб и стражник могли перекусить и облегчиться, он, стоя поодаль от них у обочины, заметил на коже свежий шрам. Шрам был розовый, тонкий и длинный, как от пореза ножом.

Сейчас ощущение было гораздо слабее. Просто горячая волна пробежала по спине, и растаяла щекоткой в пятках. Женщина обвела его расширенными зрачками и моргнула.

— Зачем ты привёл его, отец?

— Кто это? — настойчиво спросил жрец. — Что ты видишь?

— О, богиня, — слабо проговорила Фиалка и взялась ладонью за лоб, словно у неё заболела голова. — Мне дурно.

Она пошатнулась, цепляясь тонкими пальцами за прутья ограды, и тихо осела на каменный пол.

Толстая служанка подступила к своей госпоже. Посмотрела на неё сверху:

— Что вы с ней сделали?

— Это знак, — пробормотал старый жрец. Он протянул дрожащую руку сквозь решётку, и коснулся руки дочери, бессильно лежащей на каменной плите пола:

— Фиалка!

Женщина шевельнулась, провела ладонью по лбу:

— Что... что это было?

— Вы упали в обморок, госпожа, — сухо проговорила служанка. — Давайте-ка, я помогу вам...

Толстуха пригнулась, кряхтя, расставила ноги, приготовившись поднять свою госпожу с пола. Фиалка отмахнулась от неё.

— Я видела сон. Странный сон.

Она поднялась на колени, взялась тонкими пальцами за решётку:

— Ко мне пришла богиня. Она была печальна и не показала своего лица. Богиня возложила на меня свою руку. Она молча плакала, и я чувствовала, как капая горячие слёзы. Я спросила: «Мать, что недостойная дочь может сделать для тебя?» И тогда богиня посмотрела на меня.

Фиалка вздрогнула, вцепилась в решётку:

— Её глаза как два огненных колодца. Её рот и губы — пещера без дна. Всеобщая мать смотрит на тебя, и видит насквозь.

— Госпожа, мужчинам неинтересно слушать женские сны, — скрипуче сказала служанка. — Стоит ли утомлять их разговорами?

— Богиня показала мне мою душу. Там пусто и холодно, и посередине пустоши, присыпанной пеплом, стоит одинокое дерево. На дереве, на самой верхушке, где сохранилась зелёная ветка, сидит птица, и ждёт. Ждёт так долго, что оперение её покрылось пылью.

Рэм услышал, как позади, в темноте подземелья тихо вздохнул Ястреб. Женщина не могла видеть его из своей клетки.

— Потом среди этой мёртвой пустыни я вдруг увидела его, — Фиалка посмотрела на Рэма. — Он сиял и дробился, как отражение солнца в воде. Вдруг он рассыпался и вновь стал целым, только их было уже двое. У одного в руке был жреческий жезл, у другого — меч. И голос великой матери сказал мне: «Они идут!»

— Госпожа! — крикнула служанка. — Замолчите!

— Я в страхе проснулась, а голос всё звенел в моей голове, всё повторял...

Служанка вцепилась Фиалке в волосы и дёрнула вверх:

— Замолчи!

Держа свою госпожу за волосы, служанка зажала другой рукой Фиалке рот. Та укусила её за палец. Толстуха вскрикнула и отдёрнула ладонь.

— Это знак. Я видела царский трон, он развалился от удара! Мир никогда не станет прежним!

— Отпусти её! — крикнул жрец. — Как ты смеешь!

— Нет, — хрипло ответила служанка, наматывая волосы Фиалки на кулак. — Она

умрёт. Мне дан приказ убить пленницу, если она скажет лишнее.

— Царь не мог отдать тебе такой приказ! — Ястреб взбежал по каменным ступенькам к прутьям решётки, и встал рядом с Рэмом. — Отпусти её!

Толстуха сипло рассмеялась, оттащив Фиалку подальше, в темноту камеры. Женщина выворачивалась, брыкалась, но служанка крепко держала пленницу. Плотнее перехватив волосы на макушке Фиалки, она приподняла её с пола, выхватила из складок юбки короткий нож. Блеснуло узкое лезвие.

— Во славу богини! — хрипло выкрикнула толстуха.

— Нет!

Рэм не успел разобрать, кто это крикнул. Возможно, это был он сам. На краткое мгновение, на один удар сердца время застыло, застыл нож в руке служанки, замер с открытым в немом крике ротом старый жрец. Мгновение всё длилось, а Рэм медленно, словно во сне, взял изогнутый жезл из руки старика и швырнул его между прутьями решётки. Поблёскивая в застывшем, густом воздухе серебром наконечника, жезл, неторопливо пролетел через камеру, и ударился в лоб толстухи.

Сердце стукнуло, и вновь забилося, как прежде. Воздух опять стал воздухом, лёгким и прозрачным. Что-то прошелестело рядом, обдав щёку ветерком, кто-то вскрикнул, и Рэм увидел, что на груди толстой служанки словно ниоткуда появилась диковинная брошка, а жезл как прилип к её лбу, да там и остался.

Пухлые пальцы служанки разжались, похожая на окорок рука соскользнула с шеи Фиалки и бессильно повисла. Звякнул о камень узкий нож. Толстуха пошатнулась, глядя застывшими, выкаченными глазами на замершего у решётки Рэма, и медленно повалилась набок. Диковинная брошь оказалась рукояткой короткого меча, вошедшего ей в грудь по самую крестовину.

Фиалка, не поднимаясь с колен, боязливо тронула торчащий из лба своей несостоявшейся убийцы жезл. Голова служанки качнулась, и стало видно, что игольчатое остриё наполовину вошло в кость.

— Жезл и меч, — прошептала она. — Жезл и меч. Они убили её!

Старый жрец взглянул в опустевшую ладонь, где мгновение назад был символ его служения, и обречённо простонал:

— Теперь нам конец. Царь не простит убийства своей надсмотрщицы.

Рэм взглянул на Ястреба, но тот смотрел только на Фиалку. На поясе его покачивались пустые ножны.

— Я возьму на себя всю вину, — хрипло сказал он, не отводя глаз от женщины. — Царь накажет только меня.

Жрец отрывисто рассмеялся:

— Царственный брат только ждёт повода, чтобы расправиться со мной и моей дочерью. Что ему наши жизни по сравнению с твоей? Ты его лучший друг и советник. Он не принимает без тебя ни одного важного решения.

— Наша судьба в руках богов, — твёрдо ответил Ястреб. — Я возвращаюсь во дворец.

— Я тоже, — неожиданно для себя заявил Рэм. — Это я бросил в неё жезлом.

— Ты не мог этого сделать, — старик всё сжимал и разжимал опустевшие пальцы. — Священные предметы не позволяют простым смертным использовать их как оружие. Это невозможно. Я просто не помню, как бросил его. Я учился этому много лет. Должно быть, это вышло само собой.

Фиалка поднялась с колен, подошла к решётке, прижалась лицом к прутьям.

— Ястреб, тебя ли я вижу?

Щёки её порозовели, и Рэм даже засмотрелся на неё. А она ещё ничего, совсем не старая. Вон как покраснела, глазки так и блестят.

— Госпожа, — советник склонил голову, прижал ладонь к груди. — Простите меня. Я не должен был приходить сюда.

— Я рада видеть тебя, Ястреб.

— Я тоже рад вас видеть. Прощайте, госпожа. Мне нужно идти.

— Он казнит тебя, — Фиалка протянула руку через решётку, и легонько коснулась его плеча. — Скажи царю, что это я сделала. Я убила её. Мне всё равно.

— Нет, — ровно ответил Ястреб, и Рэм увидел, что по его шее стекает струйка пота. — Я сам отвечу за всё. Прощай, Фиалка.

Она открыла рот, хотела что-то сказать, но пронзительное завывание, долетевшее из круглого отверстия высоко наверху, заглушило её слова. Звук повторился, тоном ниже, прокатился по каменному колодцу и отразился эхом в подземном коридоре.

Рэм задрал голову. Глаза его привыкли к темноте, и он уже различал круглый кусочек неба, словно вырезанный из синей бумаги. Звук прозвучал в третий раз, оказавшись дребезжащим гудением медной трубы.

— Это сигнал, — жрец тоже посмотрел наверх. — Труба гудела трижды. Что-то случилось.

— Подай мне меч, женщина, — резко сказал Ястреб, не глядя на Фиалку. — Мой долг зовёт меня. Господину угрожает опасность.

Фиалка прошла в глубину своей темницы, взялась за рукоять меча, торчащую из груди мёртвой служанки, и одним движением выдернула клинок. Тщательно обтёрла его о платье служанки, вернулась обратно и протянула меч через решётку. Ястреб молча взял меч.

— Исполни свой долг, советник, — холодно сказала женщина и отвернулась.

Ястреб вбросил меч в ножны, и, не оборачиваясь, сбежал по ступеням вниз, к зияющему чернотой входу в узкий тоннель.

— Я присмотрю за ним, — сказал Рэм и кинулся следом.

После полутьмы каменного мешка туннель был беспросветно чёрен. Рэм закрыл глаза и побежал следом за Ястребом, ориентируясь на звук шагов. Плечи ударились об узкие сводчатые стены, из-под ног с писком метнулась крыса, но он думал только о том, чтобы не отстать. Мысль о том, что придётся застрять здесь, в этом склепе, среди поклонников человеческих жертв, где на полу лежит труп женщины, убитой им, Рэмом, вызвала приступ тошноты. Не имеет значения, что в груди у служанки торчал меч Ястреба. Он, Рэм, виновен не меньше.

Он зажмурился, безуспешно пытаясь изгнать из памяти застывшие, выкаченные в предсмертном изумлении глаза толстухи. Её бессильно откинутую на каменном полу руку с короткими пухлыми пальцами, из которых выпал нож. Кровавый венчик вокруг рукоятки меча, пропитавший серую ткань платья. Сколько ни закрывай глаза, от этого не отвернёшься. Смотрите — вот он, Рэм — убийца женщин.

Подземный коридор закончился, и Ястреб вынырнул из сводчатого прохода в душную полутьму жертвенного зала. Возле алтарной плиты исходили последним дымом масляные лампы, одна ещё слабо мигала крохотным огоньком.

Советник быстрым шагом обогнул алтарь и двинулся к выходу. Казалось, он не замечал стучащего позади него подошвами сандалий и сопящего в спину Рэма.

Они пересекли зал, нырнули в черноту ведущей к выходу каменной кишки, и Ястреб прибавил шаг. Этот коридор, обвивающий центр здания изломанной спиралью, очевидно, был ему хорошо знаком, и Рэм едва поспевал за советником.

Когда он потерял счёт крутым поворотам, и следил только за стуком подошв советника, в коридоре стало светлее, и впереди засветился арочный свод выхода.

Они прошли под аркой и выбрались на ступени крыльца. Рэм жадно глотнул воздух, упоительно свежий после затхлой духоты подземелья. Открыл глаза и сразу зажмурился. Солнце уже почти коснулось верхушек деревьев, но даже неяркий свет заката заставил заслезиться глаза, привыкшие к кромешной темноте.

У крыльца дожидались своего господина полдюжины слуг. Один, рослый парень в стёганой безрукавке, подвёл к ступеням рыжего коня. Двое других, в таких же лёгких доспехах, вытянулись по сторонам, сжимая в руках короткие копыя. Остальные, которые сидели кружком на травке, бросили игру в кости и подбежали к крыльцу.

— Во дворец! — коротко скомандовал Ястреб. Одним прыжком взлетел на коня и ударил рыжие бока пятками.

Не дожидаясь свиты, советник помчался через рыночную площадь. Двое дюжих парней в безрукавках побежали сбоку, и Рэм в очередной раз удивился, глядя, как быстро мелькают их жилистые ноги. Вряд ли хоть один из десятка его знакомых там, в родном мире, мог бы в таком темпе пробежать хотя бы сто метров. Охранники даже не запыхались, почти без труда поспевая за хвостом коня Ястреба.

Полдень давно миновал, но на площади толпились люди. У дощатого помоста галдели, пытаясь перекричать друг друга, десяток бородатых мужчин в вышитых цветной каймой простынках.

Хромоногий раб с метёлкой гонял пыль по каменным плитам площадки, сметая скорлупу орехов и засохшие листья. Стая тощих собак выбралась из-под помоста, завидев

Ястреба с его свитой. Псы с лаем кинулись залошадью, пытаясь ухватить рыжего за ноги. Охранники советника, не замедляя шага, отогнали самых наглых, колотя по тощим спинам и бокам древками копий. Собаки с визгом разбежались.

Стуча копытами по камню дороги, рыжий конь пронёсся вверх по склону к горделиво возвышавшемуся на самой макушке холма царскому дворцу. Во дворе, окружённом глухой стеной в два человеческих роста, Ястреб соскочил с коня, бросил поводья рабу, и бросился к крыльцу. На мраморных ступенях, возле высокой, выложенной мрамором арки входа стояла стража.

Огромного роста стражник в сияющем металлом нагруднике и выпуклом шлеме отступил в сторону, дав дорогу советнику. Рэм двинулся следом, но перед ним тут же опустилось древко копья.

— Со мной, — сказал Ястреб, кивнув на Рэма, и стражник, загородивший было путь, отстранился.

Едва они вступили под арку, навстречу советнику метнулся тощий человечек в расшитой одежде. Суетливо шаркая расшитыми золотой нитью туфлями, он подбежал к Ястребу и согнулся в низком поклоне, словно желая проткнуть носом пол.

— Господин Ястреб, вас послали нам боги, — человечек выпрямился и торопливо зашептал, брызгая слюной и оглядываясь по сторонам. — Наш повелитель в страшном гневе. Он велел отвести к палачу старшего евнуха и двух рабов!

Человечек сглотнул, облизнул сизые губы. Подбородок его мелко дрожал, на морщинистом лбу блестели бисеринки пота.

— Мы никогда не видели, чтобы повелитель так гневался. Умоляю, господин советник, сделайте что-нибудь!

— Веди к нему, — коротко ответил Ястреб.

Человечек развернулся на месте, едва не потеряв свои тапочки, и торопливо зашаркал по мраморным плитам. Они прошли по мозаичному коридору, миновали бассейн, где в тёмном зеркале воды отражались белые статуи обнажённых наяд, и вышли на галерею.

Галерея окружала по периметру внутренний дворик с фонтаном, образуя правильный квадрат. Густая тень от заходящего солнца делила двор на две половины. Та, что была освещена, казалась багряно-красной в закатном свете.

Посередине дворика, в круглом бассейне светлого мрамора тихо журчал тонкими струйками фонтан. На краю бассейна, вытянув ноги в золотых сандалиях и подставив лицо последним лучам заката, сидел царь. Белый, с пурпурной каймой по краю, плащ его распластался по гладкому камню, небрежно свисая до земли.

Напротив фонтана, под колоннами галереи, торчали в ряд заострённые сверху колья. На двух кольях с края были насажены, очевидно, недавно отрубленные человеческие головы. По оструганному дереву стекали густые багровые струйки. Двое рабов в кожаных передниках засыпали песком неровную тёмную лужу, отливающую красным в лучах заходящего солнца.

Ястреб спустился с галереи во двор и приблизился к фонтану. Остановился, не дойдя пяти шагов до своего господина, и склонил голову.

— Мой господин.

— Я ждал тебя, — не оборачиваясь, сказал царь.

— Я услышал сигнал тревоги, господин.

Царь хрипло рассмеялся, покачиваясь на камне, и Рэм увидел, что тот совершенно пьян. Пухлый раб в расшитой набедренной повязке, склонившись до земли, наполнил кубок и

поставил возле царственной руки.

— Меня хотят убить. Ты слышишь, Ястреб — меня, избранника богов, хотят убить какие-то жалкие людишки! Отпрыски пещерных козлов и болотных ящериц. Вонючие козопасы.

Царь опять засмеялся. Смех перешёл в кашель, человек в ослепительно-белом плаще согнулся, сипло дыша и взявшись за грудь.

Советник оглядел насаженные на колья свежесрубленные головы:

— Это всего лишь рабы, мой господин.

— Ты потерял чутьё, Ястреб. — Царь поднял руку, щёлкнул пальцами. — Смотри.

Двое стражников подтащили к фонтану и бросили на землю связанного по рукам и ногам человека. Человек извивался и хрипел, мотая головой. На лицо его, покрытое кровавой коркой пополам с пылью, свисали слипшиеся от пота волосы.

— Этот червяк, всего лишь раб, как ты говоришь, задумал погубить меня, — царь опять щёлкнул пальцами, и стражник, взявши за волосы, приподнял связанному человеку голову, показав лицо. Рэм всмотрелся. Человек показался ему смутно знакомым.

— Он пришёл сюда, во дворец, и попытался проникнуть внутрь. Это заговор, Ястреб. Его пропустили во двор. К счастью, моя стража ещё верна мне. Те, кто впустил этого червяка, уже получили своё. Теперь их тела будут терзать вороны, а их души никогда не обретут покоя.

— Этот человек признался? — спросил советник, вглядываясь в лицо связанного раба.

— Сейчас признается, — хмыкнул царь. Он взял кубок, жадно глотая, осушил его до дна, и отбросил в сторону. — Эй, вы, тащите железо! Мы вытянем из него правду, пусть даже вместе с его жалкой душонкой.

Рабы в кожаных передниках бросили засыпать песком лужу и торопливо убежали. Вскоре они вернулись и принесли с собой свёрток из выделанной кожи. Следом, увесисто ступая, подошёл человек, при виде которого Рэм содрогнулся, словно увидел призрака. Ему показалось, что отец Козочки, которого они с Рэмом убили, выбрался из озера и явился сюда.

Только тот почему-то снял с себя мохнатую шкуру, в которую был тогда одет, и нацепил на голое тело обшарпанный кожаный передник с подозрительными пятнами на животе. Кроме передника, на зверовидном человеке были только грубые сандалии, да широкие кожаные браслеты, закрывавшие запястья.

Ястреб при виде вновь прибывшего поморщился. Рэм отступил назад, опустил голову, стараясь быть незаметней. Но все смотрели только на связанного человека.

— А вот и мой главный палач, — игриво пропел царь, и ткнул пальцем в скорчившуюся на земле фигуру пленника: — Я хочу знать, что собирался сотворить этот червь. Приступай!

Рабы в передниках развернули кожаный свёрток. Рэм посмотрел туда. На кожаном лоскуте лежали какие-то железки, набор клещей разного размера, но весьма зловещего вида, и ещё что-то, чему он не смог найти название.

Один из рабов убежал, и вновь вернулся с маленькой переносной жаровней. Торопливо раздул огонь, и в металлической чаше затрепетал, разгораясь всё ярче, огонь.

Звероподобный палач нагнулся над кожаным лоскутом, уверенными движениями перебрал, позвякивая, железки, повертел в руке клещи. Взял одни, подбросил в ладони, отложил в сторону. Вернулся к железкам и выпрямился, сжимая в пальцах нечто, похожее на долото. Посмотрел своего господина.

— Приступай! — велел ему царь.

Пухлый раб снова наполнил кубок вином. Царь принялся пить, глядя, как палач склонился над жаровней, дожидаясь, пока инструмент обретёт нужный нагрев.

Ястреб стоял, сложив руки на груди, словно всё происходящее нисколько его не удивляло. Рэм оглянулся. Тихо журчал фонтан. Потрескивала маленькая жаровня. На крыше галереи сидела сорока и чистила перья. Тень от заходящего солнца медленно переползала через двор. Стражники стояли с каменными лицами, раб наливал вино из кувшина. Мирная сценка дворцовой жизни. Если не считать, что сейчас кому-то припекут шкуру раскалённым железом.

Вот палач поднял железку и повертел перед глазами. Кончик «долота» изменил цвет, запахло нагретым металлом. Палач задумчиво кивнул и шагнул к пленнику. Рабы в передниках крепко взялись за руки и ноги несчастного, и прижали к земле.

Рэм торопливо отвернулся, успев заметить, что царь вытянул шею, жадно глядя на связанного человека. Кубок в его руке наклонился, и на землю потекла багровая винная струйка.

Связанный человек издал душераздирающий вопль. Сорока, чистившая перья, испуганно вскрикнула, раскрыла крылья и улетела. Запахло горелым. Человек опять закричал, дёргаясь в руках держащих его рабов, а Рэм обернулся. Он вдруг узнал его. Покрытый грязью, со всклокоченной бородой, с кровавой коркой на лице, у ног палача лежал овечий пастух, дядька Толстопуп.

— Давай, прижги ему пятки! — выкрикнул царь.

Раб подлил ему вина в кубок. Господин отхлебнул, жадно наблюдая за манипуляциями палача.

Рэм с трудом сглотнул, глядя в сторону. Что-то тошно скворчало и шипело. Истошно вопил несчастный Толстопуп. Рэму хотелось зажать нос, чтобы не чують запах палёного мяса. А заодно закрыть уши. Это не экран в кинотеатре, где ты сидишь в удобном кресле и хрустишь попкорном. И не видео из Интернета, где самые страшные кадры вызывают лишь холодок под ложечкой и ощущение сладкого ужаса.

— Что он задумал? Зачем пробрался в мой дворец, как вор? — сказал царь, и один из стражников повторил его вопрос Толстопупу.

Тот не отвечал, извиваясь в руках помощников палача. Царь поднял палец. Палач обратился к своим инструментам, порылся в них, и вернулся с устрашающего вида клещами. Рэм закрыл глаза.

— Ничего! Я ничего не хотел! — выкрикнул пастух.

— Он замыслил убить своего господина? — презрительно спросил царь. — У него было оружие?

Стражник опять повторил вопрос. Палач склонился над Толстопупом. Рэм вжал голову в плечи, пережидая, пока не перестанет звенеть в ушах.

— Нет! У меня ничего не было!

Из полутьмы под галереей, обрамлявшей двор, появился пухлый раб. Он мелко просеменил на полусогнутых ногах к фонтану, опустился на колени перед своим господином и поднял на вытянутых руках прямоугольный предмет.

— Что это? — брезгливо спросил царь. — Он принёс это с собой?

Стражник коротко спросил, палач сжал клещи. Над двориком заметались испуганные птицы.

— Это просто старое корыто! — Толстопуп натужно откашлялся. Отдышался, хрипя и всхлипывая. — Просто корыто...

Рэм пригляделся. Это было то самое, многострадальное корыто, которое Ромка тащил с собой от самой реки, где они едва не утонули. Старое, треснувшее, в точках медных гвоздей и с обрывком металлической ленты по краю.

— Разве у моих рабынь не хватает своих? — скептически отозвался царь. Его тёмное лицо, заросшее курчавой бородой, скривилось в ухмылке. — Зачем им ещё одно?

Дядька не ответил, и царь кивнул палачу. Рэм заткнул уши. Ему было уже всё равно, смотрят на него или нет. Ястреб рядом с ним стоял неподвижно, складки плаща в багровом свете заходящего солнца казались выточенными из красного дерева. Руки советника были сложены на груди, на пальце поблескивал золотой перстень.

— Я принёс показать его! — голос несчастного пастуха поднялся до визга и сорвался в хрипение.

Царь подался вперёд, курчавая его борода в винных потёках тряслась, на жилистой шее билась крупная жилка. Край белого плаща с пурпурной каймой соскользнул с края фонтана, и мягко упал в пыль.

— Кому ты принёс его?

Какое-то время были слышны только всхлипывания, да потрескивание углей в жаровне палача. Потом дядька прошептал:

— Моей госпоже. Госпоже. Она хотела взглянуть на него. Просто посмотреть...

— Что за чушь! — рявкнул царь. Его налитые кровью глаза не отрывались от искажённого, покрытого потом и пылью лица Толстопупа. — Зачем госпоже смотреть на старую рухлядь?

Стражник эхом повторил вопрос.

— Она не верит, что её дети... — дядька задохнулся, хватая ртом воздух. — Не хочет верить, что её дети утонули. Она хотела потрогать корыто, в котором их унесли...

Царь подскочил со своего места. Быстро, скрипя золотой кожей сандалий, подошёл к распростёртому на земле человеку. Плащ взметнулся за ним белоснежными крыльями и упал складками на засыпанный песком клочок земли, когда господин склонился над пастухом.

— Что ты сказал? Её дети не утонули?

— Нет, я не говорил...

— Они живы? — страшным шёпотом выговорил господин, не отрывая глаз от корчащегося пастуха. — Дети Фиалки живы?

Рэм услышал, как рядом вздохнул Ястреб. Сейчас Толстопуп всё расскажет, и ему, Рэму, придёт конец. Он посмотрел на оструганные колья, все в потёках засохшей крови, на которых торчали отрубленные головы. Может статься, что скоро на одном из кольев окажется ещё одна голова. Или две.

Он оглядел двор. Пустая, без единого человека, галерея окружала квадрат выметенной до гладкости земли. У выхода стояли медными статуями стражники. Металл начищенных до блеска доспехов и наконечников копий отбрасывал солнечные зайчики. Ловушка, вот что это такое. И он, Рэм, сам сунулся сюда, как последний дурак. Лучше бы он остался там, в подвале, со старым жрецом. У того хотя бы нет громил-стражников под рукой.

— Говори! — потребовал царь. — Где дети?

Пастух издал придушенный вопль, извиваясь на земле. Глаза его выкатились и приобрели совершенно безумное выражение. Пахло горелым мясом. Зверовидный палач отёр пот со лба похжей на окорок рукой, и снова склонился над жаровней.

— Они живы, живы!

— Где они? Отвечай!

— Пасут овец в долине! Там, за лесом. Они ничего не знают! Я просто хотел успокоить их мать... сказать, что они не утонули...

Царь медленно выпрямился. Тихо сказал, глядя на что-то, видимое лишь ему одному:

— Они выжили. Маленькие ублюдки. Надо было сразу утопить их в корыте.

Рэм почувствовал, как по спине скатилась струйка пота. Если этому царьку тогда не было жалко младенцев, то уж двоих взрослых, здоровых парней он точно не пощадит. Ему казнить человека всё равно, что прихлопнуть комара.

— Мой господин, — сказал Ястреб. — Этот раб безумен. Он не понимает, что говорит.

— Нет, нет, мой Ястреб, разве ты не помнишь слова старой пифии? Те, что она сказала, когда упала со своего треножника? Перед тем, как испустить дух, надышавшись паров из чрева земли? Она сказала: твоя кровь погубит тебя! Голова твоя покатится в пыль, и глаза твои узрят невыразимое!

— Это не совсем ваша кровь, господин. Дети неизвестного отца...

Царь обернулся к советнику, и Рэм невольно взглянул ему в глаза. Покрасневшие, в

припухших складках век, они сейчас были так же безумны, как у несчастного Толстопупа.

— Ты не знаешь правды, советник. Всей правды не знает никто. Только я и она. Дочь моего брата.

Теперь царь говорил тихо, свистящим шёпотом, так что Рэм с трудом понимал его.

— Тогда, много лет назад, мне было видение. Я видел сон, в котором мой трон развалился на две половины. Это был знак. Я проснулся, и понял, что мне надо сделать. У народа не может быть два повелителя. Мой брат слаб, но кровь его — кровь царей. Я сильнее его, и власть моя по праву сильного.

Царь усмехнулся, показав острые белые зубы. Борода его, в пятнах подсохшего вина, дрожала.

— Я приказал тайно привести Фиалку ко мне в дом. Если бы она родила мне сына, наша кровь слилась в одну, а наш род стал единым целым. Трон, доставшийся нам от предков, стоял бы незыблемо! Но эта глупая девчонка сопротивлялась. Она не захотела стать женой своего царя. Мне пришлось отправить её обратно к отцу. А потом мы ушли в поход...

Глаза господина совсем утонули под морщинистыми веками. Он запрокинул голову к небу, и медленно произнёс, вспоминая:

— Ты помнишь, Ястреб, как мы перешли горы? Мы гнали этих болотных крыс до самых пещер, откуда они выползли в начале времён. Мы разорили их дома и взяли добычу. Много добычи. Золото, серебро и драгоценные камни. Рабы, молодые и красивые. Женщины и дети... А потом мы пошли к оракулу, и спросили: что с нами будет?

Царь хрипло рассмеялся, покачиваясь и комкая в кулаке край белоснежного плаща. Ястреб молча слушал. По каменному лицу его скользили тени мечущихся над двором птиц.

— Помнишь старуху пифию? Она была так слаба, что у неё тряслись руки. Она упала со своего треножника на камни, и сказала: твоя кровь погубит тебя! Это были её последние слова перед смертью. А потом мы вернулись домой, и я узнал, что Фиалка беременна. Она понесла от меня! Вот что имела в виду старуха. Я должен был избавиться от детей. Моя кровь, соединённая с кровью племянницы — вот опасность! Я запер Фиалку так крепко, как только мог. Она никогда не выйдет из тюрьмы, никогда не увидит света. Не родит мне новых врагов...

— Я этого не знал, — тихо произнёс Ястреб.

— Конечно. Я отправил тебя покорять племя на далёком побережье, и ты просидел в гарнизоне целую вечность, — хмыкнул царь. — Мне не хотелось огорчать тебя, мой друг. Ведь ты так щепетилен с женщинами. Так стараешься уберечь мою честь.

Советник не ответил. Тихо потрескивали угли в жаровне, хрипло дышал прижатый крепкими руками помощников палача несчастный пастух. В небе плыла, описывая широкие круги, хищная птица.

— Этот юноша, — вдруг сказал царь, и Рэм увидел, что тот смотрит прямо на него. — Я его помню. Он должен был умереть на алтаре. Почему он здесь, с тобой, советник?

Ну, вот и всё. Сейчас твоя голова окажется на том кольшке, Рэм. И ходить далеко не надо. Вон, и палач под боком, смотрит звериным глазом. И меч у стражника наготове.

Рэм краем глаза покосился на Ястреба. Тот стоял рядом, и меч его в ножнах висел на поясе, как всегда. Конечно, ведь он близкий советник и друг царя. Ему можно здесь быть при оружии. Надо отнять у него клинок, и продать свою жизнь как можно дороже. Всё лучше, чем ползать в пыли на коленках перед пьяным царём-детоубийцей.

— Этот юноша пришёл сюда сам. Боги отвергли жертву, — ровно ответил Ястреб.

— Что в нём такое, что даже бог не принял его? — господин оглядел несостоявшуюся жертву с головы до ног. — Или мой брат не смог перерезать ему горло?

— Ваш брат...

— А может быть, он не захотел? — пьяные глаза царя сощурились. — Я не так силен в гадании и вещих снах, как мой братец, но кровь не вода. Иногда и мне боги дают ответ. Этот юноша совсем как я. Ты помнишь меня, Ястреб? Каким я был в юности, когда мы занимались у философа, и он порол тебя ремнём вместо меня? Этот мальчик вылитый я!

Рэм невольно усмехнулся. Угадать в этом опухшем, морщинистом пьянице мальчика было трудновато.

— Это он! — царь торжествующе ткнул пальцем в Рэма. — Он. Пропавший сын Фиалки!

Рэм глубоко вздохнул, потом медленно выдохнул, концентрируясь. Мгновенно развернулся, и выхватил меч из ножен у Ястреба.

Лошадь дробно стучала копытами по каменистой дороге. Отбитый о хребет животины зад просил пощады. Солнце пекло немилосердно. Жареный баран вместе с виноградным вином бурчал и ворочался в желудке. Слезть бы, да пробежаться, но нет — командир должен быть впереди, на лихом коне.

Войско Ромки топало за своим командиром, колотя подошвами сандалий и босыми пятками по раскалённой земле. Деревня, где поэтическое состязание закончилось так неожиданно, осталась позади.

Маленькое Ромкино войско увеличилось вдвое. Освобождённые рабы, которых вёз в телеге на продажу Громкоголос, все как один, присоединились к отряду. Не считая женщин, которых пришлось оставить в деревне.

Они перевалили вершину холма, поросшего низеньким лесом. Последние крыши домов скрылись из глаз, и теперь перед глазами Романа было только зелёный лесной ковёр и бесконечное синее небо над головой. В небе крохотной точкой плавал коршун. Оранжевый диск солнца казался раскалённой головкой гвоздя в выцветшем атласе небосвода.

— Однорогих баранов не бывает!

— Это змей с ногами не бывает! А бараны — они или жареные, или нет!

— Эти местные те ещё жуки, — пропыхтел Губотряс, топя мерной рысцей за хвостом Ромкиной лошади. — Дали приз за победу, называется. На тебе, боже, что нам негоже.

— Не богохульствуй, — отозвался Кривонос. Бег по крутой дороге несколько не мешал Ромкиным новобранцам переговариваться на ходу. — Подумаешь, баран оказался с одним рогом на башке. И не таких видали. В прошлом году овца в соседней долине родила ягнёнка с тремя ногами.

— И что?

— А ничего. Жрецу отнесли. Тот пошептал над ним, да и дело с концом. Зажарили и съели за милую душу.

— Вы, болотные души, и не то сожрёте, — язвительно сказал Губотряс. — Вам только дай.

— А вы, горные козоеды, явились сюда, заняли наши лучшие пастбища, да ещё нос дерёте выше головы!

— Хватит! — прикрикнул Ромка. — Нас всего два десятка с хвостиком, а вы разбираетесь, кто лучше! Кривонос, Толстопупа не видно?

— Не видно, Ром, — уныло ответил бывший раб.

— Он отправился на разведку в полдень, а сейчас солнце к закату, — проворчал Губотряс. — Я же говорил — пошлите меня.

— Нет, — Ромка поёрзал на широкой спине лошадки. — Дядька проскочит в город незаметней, чем ты.

От жирного бараньего мяса хотелось спать. Ныла ушибленная о камень спина. Громкоголос изрядно помял его своей тушей, когда они покатались с «трибуны». Теперь толстяк трясся позади колонны верхом на собственной лошади с верёвкой на шее. Сперва на его лошадку посадили Козочку и мальчишку — сына старосты. Толстяк натужно пыхтел, пытаясь поспеть за отрядом, пот лил с него в три ручья. Потом он совсем обессилел, несколько раз споткнулся и, наконец, упал. Его со смехом принялись тыкать в широкий зад

концом палки. «Гляди, какой жирный! — крикнул один из недавних рабов, — Отрежем кусочек на привале, у него мяса много, ещё останется!»

В конце концов Роман пересадил девочку себе за спину, а Громкоголос поехал верхом.

* * *

— Засада! — Кривонос указал вперёд. У поворота, где с холма скатилось несколько каменных глыб, почти перегородив дорогу, лежала на боку повозка. Колёса её ещё крутились. За вздыбившимся решётчатым дном мелькали быстрые тени.

— Стой, — скомандовал Ромка.

Отряд остановился. Позади шумно дышал толстяк Громкоголос.

Роман попытался вспомнить, что делают в таких случаях. Проклятье, он не полководец. Даже простой солдат понимает в войне больше, чем он.

— Поздно, — проворчал Губотряс. — Они нас заметили.

Раздался истошный вопль, и на дорогу из-за перевёрнутой повозки с воинственным кличем вылетели рогатые, мохнатые существа. Топоча волосатыми ногами и потрясая двузубыми копьями, полулюди-получерти бросились к Ромкиному отряду.

Лошадь под Романом, почувствовав испуг седока, попятилась, замотала головой. Губотряс рядом произнёс одними губами, положив широкую ладонь на лошадиную шею:

— Пугают. Бежать нельзя — догонят и убьют.

Ромка понял, что сказано это для него. Кривонос, стоя с другого бока, сжал побелевшими пальцами своё короткое копьё, и согласно кивнул. Бежать нельзя.

Его войско уже начало пятится назад. Сколько в отряде настоящих вояк? Губотряс с товарищем-солдатом. Бывший воин Кривонос. Остальные — пастухи. Недавние рабы с жердями от забора в руках. Издали их ещё можно принять за войско. Но если подойти ближе, как сейчас...

Впереди волосатых разбойников, далеко их опередив и потрясая копьём с тремя сияющими металлом зубцами, нёсся предводитель, крепкий, кривоногий, с высушенной козлиной мордой на голове. Он одолел уже почти половину расстояния до противника, продолжая завывать на невыносимо тонкой ноте.

Ромка локтем спихнул Козочку на землю. Ударил пятками лошадиные бока. Взбудораженная лошадка рванулась с места, так, что он едва не кувыркнулся в пыль. «Два поезда вышли навстречу друг другу, — мелькнуло в опустевшей голове. — Что будет, если задача решена неправильно?»

Истошно вопящий противник был уже так близко, что он видел каждый волосок на его лице. Это оказался обычный человек, просто заросший до самых глаз, и замотанный в звериные шкуры. Ноги волосатика мелькали с удивительной быстротой. Мягко стучали по земле мохнатые «тапки», делая их обладателя похожим на хоббита.

Роман сжал в ладони рукоять меча и вздрогнул. Копьё. Он же отдал его Кривоносу. Ни один конник в здравом уме не бросится на пехотинца с коротким мечом. Только такой дурак, как Ромка Сильверстов, собственной персоной.

Мгновенно вспотев, Роман уронил поводья. «Хоббит» взревел, отведя трезубец для удара. Разбойники пронзительно завизжали и завопили за его спиной на разные голоса, словно взвыла пожарная сирена. Испуганная лошадь взбрыкнула, сбросила седока, и Роман

свалился на дорогу. Он успел увидеть, кувыркнувшись в траву у обочины, как его скакун развернулся, подбросил круп и дёрнул ногами. Раздался звук, словно колесом переехали зрелый арбуз.

Ромка вскочил на ноги. Земля покачнулась, пытаясь уронить его обратно. Он упрямо сжал зубы, вспотевшими пальцами нашарил рукоять меча и вытянул клинок из ножен. Вожак козломордых разбойников лежал навзничь в пыли. Возле головы его расплзалась багровая лужица, маленькие чёрные глазки удивлённо смотрели в небо.

Лошадь, перебирая ногами, тонко заржала и протянула морду к Ромке. Атласная кожа на её круглых боках дрожала мелкой дрожью.

К нему со всех ног неслись оставшиеся без вожака волосатики. Увидев, что их предводитель покатился в пыль, они издали дружный вопль, и ринулись на помощь. Ромка ухватился за поводья, и понял, что сбежать не получится.

С другой стороны к нему бежали Кривонос, Губотряс с товарищем, и кто-то из пастухов. Нет, не успеют. Ромка отступил назад, хлопнул лошадь по круглому боку. Беги, скотинка. Поищи другого хозяина, посчастливее.

Вот косматая тень разбойника, вырвавшегося вперёд, упала на дорогу рядом с телом его вожака. Взмахнув острой, волосатик перепрыгнул труп и кинулся на Ромку. Тот отскочил, пропустив метнувшееся в него жало двузубца, развернулся и рубанул по древку. Лучше бы он этого не делал. Лезвие со звоном отскочило от гладкого твёрдого дерева, а меч едва не вылетел из руки.

Оскалив зубы, разбойник, который пролетел по инерции вперёд, развернулся и вновь кинулся на одинокого противника. К нему на подмогу бежали ещё двое, и Роман поспешно отступил, чтобы не дать себя окружить. В глаза блеснули наконечники сразу двух острог, третий разбойник размахивал дубиной, утыканной шипами.

Ромка отскочил, едва избежав тычка двузубцем, пинком снизу подбросил древко вверх, перехватил меч, и метнул в незащищённую грудь волосатика. Лезвие неожиданно легко вошло разбойнику между рёбер, и тот застыл, разинув рот и выпучив глаза. Взялся за рукоять, выдернул меч, покачнулся и рухнул на дорогу. Окровавленный клинок, звякнув, выпал из разжавшейся руки.

Вращая дубиной, в атаку ринулся второй, а его товарищ попытался побить Ромку под ноги древком остроги. Со стороны перевёрнутой повозки подбегали ещё с десятков волосатиков, потрясая оружием. Роман машинально выполнил уход от копья, одновременно нырнув под дубину. Видел бы его тренер. «Ромка, щучий сын, — сказал бы он, — какого беса ты не скакал так же на соревновании? Медаль из-под носа уплыла!»

Остриё двузубца вновь метнулось, целя в голову, звякнуло о шлем. Это конец. С голыми руками против дубины и остроги не повоюешь. Что-то свистнуло, обдав щёку ветерком, и разбойник с двузубцем повалился на землю. Из груди его торчало древко копья Кривоноса. «Ийэ-эх-ха!» — выкрикнул Губотряс, выскочив из-за спины Ромки, и с разворота отрубил волосатику с дубиной руку по плечо. Дубина вместе с обрубком отлетела на обочину.

Но к месту сражения уже подбегали остальные, визжа и потрясая двузубцами. Ромка торопливо подобрал свой меч. Бесплезно. Силы слишком неравны.

Послышался глухой стук, потом ещё, дробь быстрых ударов, словно кто-то просыпал горох. И совершенно уже нечеловеческий, пронзительный визг за спиной у Ромки ударил по ушам, ввинтился в мозг. Мохнатая, рычащая волна разбойников вдруг остановилась, распалась на части. Кто-то закурился на месте и упал, взбрыкнув ногами, кто-то согнулся и

молча повалился на дорогу. Немногие оставшиеся на ногах затоптались на месте, попятились, и, развернувшись, бросились прочь.

Роман обернулся. Позади, выстроившись полукругом, стояли и помахивали ремешками пращей козопасы из деревни — пристанища поэтов. Их предводитель, рыжий парень с причёской растамана, зажав в зубах рогатую деревянную свистульку, издал ещё один пронзительный свист-визг вслед убегающим волосатикам. Вынул свистульку изо рта и растянул губы в широкой улыбке.

— Мы не опоздали, Ром? — спросил он, помахивая пращей. — Мы бежали от самого холма. Отцы не отпустили нас, но мы всё-таки ушли. Теперь ты возьмёшь нас в отряд?

Роман молча кивнул. Пересохшее горло не слушалось. За строем пастухов с пращами стояла запыхавшаяся Козочка. И сияющим взглядом смотрела на рыжего «растомана».

Разбойники бросились бежать, мелькая мохнатыми тапочками. Бараньи и козьи рога на их головах покачивались, когда беглецы прыгали через камни у обочины. Развевались разномастные одежды из звериных шкур.

Ромка нагнулся над телом жоака. Неторопливо, стараясь, чтобы никто не заметил, как дрожат руки, вытер меч о его одежду и вложил клинок в ножны.

— Кто хочет трезубец? Совсем новый.

— Это твоя добыча, Ром, — Губотряс наклонился, разглядывая трезубец. — Оружие пирата.

— Пирата? — Ромка посмотрел вслед удирающим волосатикам. Здесь есть пираты? — Что они делают на суше?

— Проклятые богами отщепенцы, — Кривонос поморщился. — Беглые рабы, отродья нищих, которым даже на море не повезло. Потеряют своё судно, и чтобы не помереть с голоду, лезут на берег.

— Когда река разливается, они могут забраться далеко от моря, — подтвердил рыжий пастух. — Они хуже зверей. Обычные разбойники чтят богов, а эти боятся только одного — бога моря. Кто попадёт к ним в лапы — считай, покойник. Даже хуже.

— Почему хуже? — спросила Козочка. Она тихо подошла и теперь слушала разговор, приоткрыв рот.

— Потому что они не дают душе покойного уйти в царство мёртвых, — пояснил Кривонос. — Эти выродки не дают покоя умершим. Они снимают с них кожу и делают себе одежду, а кости и прочие...

— Хватит! — прервал Ромка. Его затошнило от подробностей. — Некогда болтать. Солнце садится!

Ему подвели лошадь, которая не убежала далеко, а мирно стояла поодаль, пощипывая курчавую травку у обочины. Он взобрался на широкую спину лошадки и толкнул пятками серые бока.

Отряд двинулся по дороге. Теперь с ними шагала ещё колонна пастухов под предводительством своего рыжего, в буйных кудряшках, жоака.

Перевёрнутую повозку оттащили в сторону. Ромка посмотрел на то, что до этого было скрыто за её решётчатым дном, и закашлялся. Съеденное недавно жареное баранье мясо настойчиво запросилось наружу.

— Вон чего, — присвистнул Губотряс. Зрелище его ничуть не смутило. — Кто же от такой добычи уйдёт? Вот они на нас и полезли. Чтоб не делиться.

Роман только порадовался, что волосатые пираты не успели сделать то, о чём рассказывал Кривонос. Повозка, очевидно, принадлежала богатому семейству, спешившему попасть в город до захода солнца. Скрытые за нагромождением камней у поворота дороги, лежали, сваленные как попало, тела главы семьи и его домочадцев. Несколько рабов, должно быть, защищавших своих господ, лежали тут же.

В пыли блестели кругляши рассыпанных монет. Туго набитые мешки вывалились на дорогу, один лопнул, рассыпав мелкие зёрна фасоли. Ворох цветных тканей, брошенный разбойниками в спешке, валялся в пыли у обочины. Поодаль бродили двое волов без упряжи.

— Нельзя бросать скотину, — деловито сказал рыжий пастух, оценивающим взглядом

обводя волов. — Надо бы с собой взять.

Роман взглянул на него. Этот кудрявый парень нравился ему всё меньше. Козочка, которая не стала влезать на Ромкину лошадь, теперь стояла рядом с рыжим пастухом, и ловила каждое его слово. Чёрные глаза её блестели, и она то и дело задевала рыжего тонким плечиком. Ромка вспомнил, как она ночью первая запрыгнула ему на шею, и покраснел.

— Вот и займись этим, — отрезал он. — Чтобы добро не пропадало.

Тот блеснул на него серым глазом, понимающе ухмыльнулся, и что-то крикнул своим пастухам. Двое тощих парней, на вид едва старше Козочки, тут же сорвались с места и, мелькая босыми пятками, побежали ловить волов. Роман скрипнул зубами. Вожак не должен терять лицо. Злиться и кричать из-за дурной малолетки — последнее дело. Если девчонка хочет — пусть проваливает к своему рыжему.

Он толкнул лошадь пятками, и серая кобылка побежала трусцой по дороге. Его новобранцы, торопливо собрав рассыпанные в пыли монеты, поспешили за ним. Пойманные волы, мыча и мотая рогатыми головами, потянулись вслед за отрядом.

Небольшое войско миновало опасный поворот. Роман глянул на наскоро заброшенные камнями и землёй тела и отвернулся. Нельзя оставлять людей вот так лежать. Надо будет вернуться сюда и похоронить их. Просто сейчас у него нет времени.

Они перевалили вершину холма, дорога пошла вниз. Ромка посмотрел на открывшийся с высоты бесконечный горизонт, густо-синий сверху, и розовато-лиловый над зубчатой полосой леса. Там, впереди, в окружении изумрудных овалов болот, виднелась россыпь крошечных белых кубиков, как будто боги играли в кости, и бросили на зелёное покрывало целую горсть. Это был город.

Каменистая дорога звенела под копытами. Маленький отряд дружно топал вслед за своим вожаком. Вот уже сверху стало видно серое пятно городской площади, там квадратики домов были больше и белее. Вот выросла неровная полоска стены, что охватывает поселение по периметру. В одном месте стена изгибалась петлёй, делая город издалека похожим на инфузорию-туфельку. Ромка видел такую под микроскопом. Вытянутый силуэт с вкраплениями внутри.

Ну конечно. Стена. Ромка зажмурился, чтобы не видеть сцены предстоящего позора. Картина маслом — избранник судьбы, сын бога Ром топчется под стеной, колотя в ворота кулаками. «Откройте, мне надо войти!» А сверху на него поплёвывает городская стража...

Кобылка всхрапнула, дёрнула головой. Ромка открыл глаза. Затрещали ветки придорожных кустов, и прямо под ноги отряду выкатился кто-то маленький, тощий, покрытый пылью.

— Отрубили голову! — взвыл мальчишка, размазывая грязь по чумазому лицу. — На кол, на кол посадили...

Роман узнал мальчика Мухобоя. Он убежал в разведку вместе с дядькой Толстопупом, хотя тот не хотел брать его.

— Кому отрубили голову? — спросил он, чувствуя, как желудок слипается в холодный ком.

— Дядька во дворец пошёл, во дворе-ец, — тонко завывал мальчишка. — Хотел узнать про Рэма, помочь ему хоте-ел...

Роман наклонился, взял мальчика за тощее плечо:

— Кому отрубили голову?

— Он попался, попался... Стражник сказал, Рэма в жертву хотят принести, подземным

богам. — Мухобой замотал головой, слёзы брызнули во все стороны. — Он хотел поговорить, показать корыто... дядька его с собой взя-а-ал...

— Продолжай! — Ромка потряс мальчика за плечо. Почему-то стало темно, только чумазое лицо мальчишки было видно отчётливо. Ледяной кулак продолжал выжимать внутренности.

— Царь позвал палача! Кому-то отрубили голову! Я не знаю кому, я не видел...

Роман отпустил мальчишку. В ушах тонко звенело, словно где-то далеко вился мушинный рой. Отрубили... посадили на кол... Память услужливо подсунула картинку из фильма про Дракулу. С жуткими подробностями. Нет. Только не Рэм.

— Вперёд.

Никто не произнёс больше не слова. Ромка не помнил, погонял он лошадь или нет, но серая скотинка понеслась рысью, высекая искры из камня на поворотах. Дробный топот ног его отряда поднимал из кустов мелких птиц, которые разлетались испуганными стайками.

Склон холма незаметно перешёл в поросшую густой травой и мелким лесом низину, перечерченную косыми лучами солнца. Багровый солнечный диск уже почти коснулся круглым брюхом верхушек городских стен. Горячая, нагретая за день пыль поднималась из-под ног. С испуганным визгом шарахнулись с дороги девицы с кувшинами на головах, спешившие к воротам. Блеющее стадо овец мохнатым клубком заметалось у обочины.

Лошадь, хрипя, остановилась. Ромка, не удержавшись, свалился в пыль. Перекатился через голову, не выпустив древко трезубца, которое почему-то всё это время сжимал в руке. Кажется, он колотил им лошадь по бокам во время скачки.

Ворота, деревянные створки открыты, на камне сидит и грызёт орехи стражник. Простой круглый шлем стоит рядом на земле. Потёртый металл отбрасывает тусклые солнечные зайчики. Другой стражник стоит рядом, зеваает, тычет концом копья в мечущихся у ног овец.

К чёрту меч, он не умеет им пользоваться. Роман выдернул ремень пращи из чьих-то рук — кажется, это рыжий пастух — и шагнул к воротам. Стражник у стены поднял голову. Роман увидел его удивлённый взгляд, вытаращенные чёрные глаза навывкате. Не будет он с ними драться. Они сажают людей на кол.

Ремень свистнул, хлётко ударил по открытой шее. Стражник, не успев поднять копьё, кувыркнулся в пыль. Очередная секция, сырой полуподвал. Тренер — хмурый тип со сломанным носом и в линялой майке с надписью: «16 квартал». «К чертям сантименты, парень, — говорит он, глядя, как ученик поднимается с пола. — На улицах тебя жалеть не будут. А теперь делай, как я»...

Разворот. Древко трезубца крутанулось в руке, легко отбило летящее в лицо остриё копья второго стражника. Тот, не успев встать, сунул снизу копьём. Пяткой в подбородок, стражник откидывается назад, падает на спину. Тычок в солнечное сплетение. Вперёд.

Дорога, вымощенная каменными плитами. Там, на невысоком холме, царский дворец. Ноги сами несут его вверх, подошвы сандалий выбивают из камня смутно знакомый ритм. Мраморные ступени, узорчатая арка входа. На ступенях — строй из десяти верзил. Блестит начищенный металл, белеют плащи, скрипит кожа нагрудников. Элитная стража. Красавцы, один к одному. Самый нарядный в центре, юнец одного с Ромкой возраста. Смуглое овальное лицо, глаза, как у лани. Загнутые на концах ресницы. Ангелочек на посту.

— Дорогу! — Роман не узнаёт собственного голоса. — С дороги, смертный!

С улыбкой красавчик заступает путь. Вытягивает руку с обнажённым мечом.

Надменный голос, нежный, как у певца:

— Убирайся. Тебя не звали.

Ромка улыбнулся онемевшим ртом. Красавчик моргнул оленьими глазами, гладкие щёки дрогнули.

— Делай как я!

Трезубец метнулся змейй. Хищные острия с хрустом проехали по смуглой коже нарядного юнца. Тот отшатнулся, схватился за лицо.

— Бей мягкозадых! — кто это крикнул, Губотряс или рыжий пастух?

Засвистели ремешки пращ. Кривонос метнул копье, целя в гладкое личико первого с края красавчика. Нарядные стражники заметались, прикрывая глаза, уворачиваясь от летящих в лицо камней. Зазвенели о мрамор брошенные мечи. Вход был свободен.

Клинок вышел из ножен неожиданно легко. Краткий и бесконечный миг Рэм видел перед собой незащищённый бок Ястреба. Один удар — одним врагом меньше.

Рэм отпрыгнул к фонтану. Нет. Главный враг — вот он, в белом плаще с пурпурной каймой. Взять его за жилистую шею, прижать меч к горлу. Как там кричат в боевиках: «Миллион долларов и вертолёт на крышу!» Здесь можно крикнуть: «Мешок монет и коня!»

— Отдай меч, мальчик, — сухо сказал Ястреб.

Блеснул перстень на пальце советника. Плащ, сколотый пряжкой у плеча, соскользнул вниз, и будто сам собой обернулся вокруг предплечья.

— Нет, — Рэм шагнул к царю. Тот молча ухмылялся, моргая припухшими, красными глазами. — Я хочу...

Он даже не успел как следует взять царя за шею, прижать лезвие к горлу. Тычок в плечо сбил его с ног, опрокинул на каменный край фонтана.

Рэм перекатился, чудом не выпустив рукоять меча. Царь молча ухмылялся. Ястреб, махнув рукой в коконе плаща, как кот лапой, ударил снова. Рэм едва успел увернуться, чтобы ему не попало в лицо. Но даже от скользящего удара в плечо рука онемела.

Отмашка мечом в ответ пришлась в воздух. Советник мягко ушёл в сторону, быстро, так, что его противник не успел даже уловить движения, подхватил с жаровни палача раскалённое долото.

Рэм отшатнулся. Краешек импровизированного оружия пролетел так близко от щеки, что он почувствовал жар раскалённого металла. Царь хрипло засмеялся.

Он сделал выпад в корпус — безуспешно. Советник легко ушёл в сторону, и Рэм попытался достать его кончиком меча в руку. Один укол, порез, хотя бы один, чтобы сравнять шансы. Плечо, в которое угодил кулак Ястреба, тупо ныло.

— Брось меч, мальчик, — повторил советник. — Я не хочу тебя убивать.

— Нет! — Рэм кошачьим скоком обошёл его сбоку. Ему надо добраться до пьяного садиста в белом плаще. Тогда бой будет окончен.

Ястреб повернулся, опять загородив своего господина. Отбил прямой выпад мечом защищённой плащом рукой. От второго, рубящего, удара просто уклонился.

Хватит танцевать, Рэм. Сколько ещё советник будет ждать, пока не позовёт на помощь стражников у входа в галерею? Рэм не смотрел в ту сторону, но знал, что двое рослых вояк стоят и глазуют на схватку. Палач же со своими подручными спрятались за жаровней, жмутся возле окровавленных кольев. Рабы, трусливые души.

Рэм скакнул влево, сделал вид, что хочет ткнуть остриём меча в бок. Развернулся, отскочил, выманивая противника на себя. Ястреб шагнул следом, и Рэм пнул его в пах. Советник пошатнулся, взмахнул руками. Проклятье, не может он резать живого человека.

Рэм мягко подпрыгнул, пнул пяткой советника в грудь. Пусть полежит.

Ястреб отлетел назад, упал спиной на каменное обрамление фонтана. Рэм подскочил ближе. Завершающий схватку удар в челюсть, поворот, прижать меч к царскому горлу...

От встречного тычка в живот потемнело в глазах. Советник встретил противника крепким пинком. Рэм согнулся, чудом не выронив оружие. Дыхание перехватило, и он сумел только сделать несколько торопливых шажков назад.

Ястреб оттолкнулся от мраморного края фонтана, и в прыжке свалил парня на землю.

Наступил на руку с мечом. Рэм вскрикнул и разжал пальцы. Советник пинком отбросил оружие в сторону. Меч отлетел к фонтану и звякнул о камень.

Рэм изогнулся, подбил его под колено, и откатился в сторону. Вскочил на ноги, прикрылся, пережидая, пока перед глазами перестанут плавать искры, и восстановится дыхание. Почему Ястреб не нападает?

Услышал негромкие хлопки и поднял глаза. Царь неторопливо шлёпал ладонью о ладонь:

— Прекрасно, советник. Отличное представление. А теперь добей его.

Рэм посмотрел на Ястреба. То уже подобрал меч и разглядывал его, словно видел впервые.

— Ну, чего же ты ждёшь? — понукнул господин, ёрзая на камне. — Отруби ему голову. Она отлично украсит мой двор.

— Вы хотите, чтобы я убил его своим мечом, господин? — медленно спросил советник, глядя на клинок.

— Юноша заслужил это, — хмыкнул царь. — Он храбро бился. Сразу видно — моя кровь. Чего ты ждёшь? — повторил он. — Или тоже жалеешь это отродье шлюхи?

Царь пьяно рассмеялся, качаясь на краю фонтана.

— Я не рассказывал тебе, Ястреб, что узнал, когда Фиалку привели ко мне в опочивальню? Эта маленькая дрянь оказалась испорчена до меня. Кто-то добрался до её тела раньше. Она трижды заслужила свою участь быть похороненной заживо. Хорошо хоть, мальчишка похож на меня. А то я решил бы, что он и правда сын неизвестного бога.

— На себя посмотри, — негромко ответил Рэм. — Чудак ошипанный. Ты ногтя Фиалки не стоишь.

— Убей его, Ястреб! — сказал царь. Нос его заострился, он вытянул шею, в упор глядя на Рэма. — Я хочу видеть, как он умрёт.

— Господин! — это был человечек в расшитых туфлях. Он, не дойдя до фонтана десяти шагов, склонился до земли, так, что было видно только спину в нарядной рубахе. — Господин, во дворец пытаются пробиться какие-то оборванцы. Они напали на стражу у ворот...

— Разве я больше не повелитель этого города? — хрипло сказал царь, не глядя на человечка. — Разгоните этот сброд палками, и не мешайте мне больше.

— Господин, у них пращи, — проблеял человечек. Спина его тряслась, согнутые коленки ходили ходуном. — Они опасны...

— Убирайся, жалкий червяк! — прикрикнул господин. Щёлкнул пальцами, и пухлый раб с поклоном поднёс ему полный вина кубок. — Как ты смеешь докучать мне!

Человечек застыл в поклоне. Постоял, покачиваясь, почти вода носом по кончикам туфель. Потом попятился назад, повернулся и, мелко перебирая ногами, убежал прочь.

— Дайте мне меч, — сказал Рэм. Голос звучал хрипло. — Если я такой благородный, как вы говорите, дайте мне меч.

Глаза Ястреба блеснули. Он посмотрел на стражника у входа в галерею и поднял руку. Тот торопливо подбежал к нему.

— Дай ему свой меч, — приказал советник.

Стражник протянул Рэму меч рукоятью вперёд. Тот, не веря своим глазам, взял его.

— Последнее желание осуждённого священно, — тихо сказал Ястреб. — Теперь я верю, что ты благородный человек.

Рэм мгновенно вспотел. Ну конечно. Они думают, он решил благородно покончить с собой, бросившись грудью на остриё меча. А он просто не хотел, чтобы его резали безоружным, как барана. И что теперь делать?

Ястреб смотрел на него. Царь вытянул шею, приоткрыв рот, и покачиваясь на своём насесте. Тихо журчала вода в фонтане, высоко в небе кричала хищная птица. Рукоятка меча жгла влажную от пота ладонь.

Рэм сглотнул, перехватил рукоять двумя руками. Потоптался, делая вид, что солнце слепит глаза. Шагнул вбок, чтобы косые лучи от заходящего за верхушку дворца раскалённого шара светили в спину. Умереть с достоинством, или уйти неблагодарным негодяем, но прихватить с собой парочку врагов? Ещё один шагок в сторону, и можно будет достать до горла алкоголика в белом плаще...

Истошный крик поднялся до визга и оборвался. Зазвенел металл, загремел о камень. Один из стражников ударился спиной о колонну возле входа на галерею, упал и больше не поднялся. Другой, отмахиваясь мечом, пятился спиной во двор. За ним в арочный проём галереи ввалились сразу трое: один, с копьём, норовил уколоть стражника в лицо. Другой размахивал мечом. А третий... Рэм узнал Ромку.

В круглом шлеме и кожаном нагруднике, только глаза блестят да белеют оскаленные зубы на тёмном от пыли лице. В руке странного вида вилы с тремя зубцами.

Царь поднялся с мраморного бордюра. Пошатнулся, но устоял на ногах.

Ястреб шагнул навстречу ввалившимся во двор людям и поднял руку:

— Стой!

У Рэма заложило уши. Советник гаркнул так страшно, что с крыши взвились голуби и заметались над двором. Ястреб повернулся и обвёл широким жестом галерею. Потом неожиданно и резко хлопнул в ладоши.

Галерея вовсе не была пуста. Из тени за колоннами выступили фигуры людей в тёмных набедренных повязках и кожаных наручах. Подняли луки и опустили, целясь в квадрат двора. Блеснули наконечники стрел.

А он-то, Рэм, думал, всё просто, по-домашнему. Красноглазый алкоголик, пропивший последние мозги, сидит у фонтана, такой доступный — только руку протяни.

— Положите оружие, и сдавайтесь, — сказал Ястреб. — Или вас нашигуют стрелами.

Царь повернулся к Рэму, указал пальцем на зажатый в потных ладонях меч:

— А ты продолжай. Не заставляй меня ждать.

— Стойте! — Роман стукнул трезубцем о землю. Все посмотрели на него. Рэм услышал, как глухо ахнул стражник. По галерее пробежал тихий, быстрый шепоток.

— Да их двое! Близнецы... — царь закашлялся, переводя взгляд с одного на другого. — Дети Фиалки!

От остывающей жаровни послышался тонкий вой. Палач, обхватив голову, вытаращенными глазами смотрел на двойников. Оба его помощника, стоя рядом на четвереньках, поскуливали от страха.

— Близнецы, беда... как в пророчестве... Боги недовольны...

— Я — избранник богов! — рявкнул царь. Притопнул ногой. Морщинистые веки его набухли, красные глаза выкатились. — Нет никакого пророчества! Сейчас эти двое щенков умрут, и никакая судьба мне больше не помешает!

— Господин, — сказал Ястреб. — Гордыня гневит богов. Если это суждено, так пусть умрут достойно.

— Или я, или они, — прокричал господин. — Всё просто, советник. Никто не отнимет у меня мой трон. Никто. Сейчас они умрут, как собаки. Пусть все видят: я — царь, я — избранник судьбы!

Ромка шагнул ближе. Он не смотрел в сторону лучников. Кожа, казалось, горела от взглядов, устремлённых на него с галереи. Он уже чувствовал, куда войдут наконецники стрел. Мышцы спины от ожидания удара сводило судорогой.

— Избранник, говоришь. Так может быть, спросим у бога, кто избран? Или боишься? Спросим у бога, пусть даст нам знак!

Он шагнул ближе, с силой ткнул трезубцем в землю. Заострённое на конце древко вошло в грунт на ладонь. Роман разжал пальцы, трезубец остался стоять.

— Лучники! — взвизгнул царь.

— Я требую божьего суда! — крикнул Роман. Больше всего ему сейчас хотелось проснуться. Не может быть, чтобы всё закончилось вот так. Не может быть.

Переливистый крик хищной птицы ударил в уши. Ромка поднял глаза, но успел увидеть только тёмную тень, стремительно упавшую с неба. Мечущиеся над двором голуби, испуганные криками людей, разлетелись кто куда, забились под своды галереи. Задев волосы Рэма, пронеслось и упало нечто кричащее и живое.

Кто-то ахнул, тонко завyli у жаровни палачи. На парапете фонтана сидел крупный ястреб. В когтях его трепыхался, теряя перья, окровавленный голубь.

Птица повернула красивую голову, золотом блеснул круглый янтарный глаз. Разинула хищно изогнутый клюв, пронзительно крикнула, оттолкнулась от камня, одним прыжком поднялась в воздух и, сделав круг над двором, исчезла в небе.

— Это знак, — пересохшим горлом сказал Рэм. Птица. Птица охотится на голубей. Так бывает. Он не верит в богов. — Знак бога. Пусть он решает! — он указал на советника.

Ястреб перевёл взгляд на своего царя:

— Господин? Господин!

Царь шатался, схватившись руками за голову. Глаза его окончательно выкатились, белки утонули в красной пелене. Издав невнятный хрип, господин качнулся назад и упал на землю.

Роман подступил к корчащемуся телу. Отвёл сведённые судорогой ладони от лица, поднял набухшие веки. Нашёл вену, прижал пальцы к пульсу. Ему никто не мешал. Всё словно застыло во дворе. Каменными статуями замерли лучники на галерее, замерли рабы. Молча, сложив руки на груди, стоял и смотрел на своего господина Ястреб.

Роман выпрямился. Обвёл взглядом двор и стоящих вокруг людей. Быстро взглянул на Рэма и отвёл глаза.

— Инсульт? — тихо, коротко спросил тот.

— Инсульт.

— Кровь твоя погубит тебя, — медленно произнёс Рэм, глядя в выкаченные, застывшие глаза царя, в которых уже не было ничего человеческого. — Голова твоя покатится в пыль, а глаза твои узрят невыразимое. Сбылось пророчество старой пифии...

— Я послал гонца в храм к Звездогляду.

Ромка вздрогнул и открыл глаза. Кажется, он всё-таки задремал. Над дворцовым фонтаном, вокруг которого расположилось маленькое войско, серым мохнатым одеялом висел утренний туман. Где-то истошно кричал петух. Ястреб всё смотрел на Ромку, ожидая ответа, и тот спросил сиплым со сна голосом:

— К Звездогляду? — ещё бы знать, кто это.

— К твоему деду, — сухо ответил Ястреб. — Он верховный жрец бога смерти и возрождения.

Роман поднялся на ноги. Сложенный вдвое плащ ничуть не смягчил жёсткой земли у фонтана. После вчерашнего, стремительного похода на город, после схватки с пиратами и дворцовой стражей ныло всё тело. Болели натёртые ноги, саднило ушибленное при падении с лошади плечо.

— Хорошо. Нам нужен жрец для... для похорон.

Если бы не Ястреб, неизвестно, как повернулись бы вчера вечером дела. Царь ещё хрипел, затихая, на земле у фонтана. Белоснежный плащ его распластался в пыли, как крылья огромной подстреленной птицы. На дворе стояла страшная тишина, даже мечущиеся голуби куда-то попрятались и затихли. Советник стоял над своим господином, лицо его было неподвижно.

Последний хрип умолк, царь вздрогнул и затих. Никто не двигался, не произнёс ни слова. Роман тихо отступил поближе к Рэму. Нужно уходить, пока о них не вспомнили, и всё-таки не привели царский приговор в исполнение. Мало ли какие тут обычаи.

— Слушайте меня! — неожиданно громко произнёс Ястреб. Голос его разнёсся по двору, отразился эхом от галереи. — Наш господин умер. Обычай велит назавтра предать тело земле. Кто хочет провести с ним эту ночь, дабы отгонять злых духов?

Ромка огляделся. Почему-то никто не желал посидеть ночью с покойником. Ястреб повторил:

— Обычай велит бодрствовать в первую ночь близким друзьям и родственникам покойного. Кто сделает это?

Роман поднял на советника глаза и вздрогнул. Ястреб смотрел на него в упор. Смотрел так, словно от ответа зависела его жизнь.

— Мы побудем здесь всю ночь с покойным, — вдруг хрипло произнёс Рэм. — По праву рождения. Царь сам признал нас. Он сказал — моя кровь!

Ромке показалось, что Ястреб облегчённо вздохнул, хотя лицо советника по-прежнему ничего не выражало.

— Да будет так.

* * *

Тело царя переложили на носилки. Роскошные погребальные носилки принесли рабы под предводительством человечка в расшитых туфлях. Человечек мелко кланялся то Ромке, то Рэму, словно не зная, кому отдать первенство, и суетливо семеня по двору, размахивая

тощими ручонками. Палач со своими подручными давно скрылись в закоулках дворца, и не показывали носа. Потерявшего сознание несчастного дядьку Толстопуца отнесли к дворцовому лекарю.

Из-под арки входа на галерею показалась элитная стража. То, что от неё осталось. Нарядные юнцы, гладкие личики которых теперь щедро украшали ссадины и порезы, тихо подошли к носилкам. Так же тихо выстроились у тела покойного господина со скорбными лицами, и Ромка на какой-то момент подумал, что они решили покончить с собой от горя. Но те лишь окружили носилки, которые уже подняли с земли, и проводили их, медленно ступая вслед с печально опущенными головами.

— Мы должны идти на площадь, — Ястреб смотрел на Ромку, словно хотел разглядеть что-то, и никак не мог. — Объявить народу о случившемся.

— Я пешком не пойду, — сказал Рэм. — Царь я или не царь?

— Заткнись, — прошипел Роман.

— В конюшнях Амулетия достаточно лошадей, — отозвался советник, и Рэм победно ткнул двойника локтем в бок.

Они вдвоём, на жеребцах из царской конюшни, выехали через парадные двери дворца на мощёную каменной плиткой дорогу. Рядом, чуть приотстав, на рыжем коне следовал Ястреб в сопровождении своих слуг. За ними двигалось Ромкино войско, выстроенное в две шеренги.

Они спустились вниз с холма. На рыночной площади серыми ключьями расползлся утренний туман. Из серой мути верхушкой айсберга возвышался дощатый помост для торговли живым товаром. Камень плит и стены храма влажно блестели. Кричали петухи.

Копыта лошадей глухо простучали по каменным плитам, выложенным у въезда на площадь, и сразу же раздался оглушительный вой медной трубы. Со ступеней храма, надувая щёки, выдувал сигнал городской глашатай.

* * *

Ромка снял шлем. Влажные от пота волосы упали на лоб, и он смахнул их ладонью. Ястреб, что стоял по левую руку, будто невзначай оправил пояс с оружием. Рэм стоял справа, и Роман чувствовал, как жадные взгляды толпы шарят по близнецам, словно взвешивая и оценивая их обоих.

У входа в храм толпились люди. Первые ряды заняли почтенные горожане в длинных плащах поверх широких, складчатых рубах. Покачивались пышные бороды, поблескивали разного размера лысины.

Женщин не было видно, зато рабов на рыночной площади собралось едва ли не больше господ. На дощатый помост, с которого обычно продавали живой товар, взобрались мальчишки, и теперь толкались там у края. Время от времени кто-то падал с него, и забирался обратно под хохот остальных.

Толпа зашумела. На широкие ступени храма вышел старый жрец. Остановился рядом с Ястребом, часто моргая на утреннее солнце. Ослепительно-белый плащ с пурпурной каймой спадал до самого пола широкими складками. Старческая рука крепко сжимала изогнутый жезл — знак верховного жреца.

— Почтенные жители этого города, и все, кто меня слышит! — Роман шагнул к краю

ступени и обвёл взглядом толпу. — Меня зовут Ром. Я внук верховного жреца, царя по рождению, Звездогляда, и внучатый племянник царя Амулетия. С прискорбием сообщаю, что ваш господин умер вчера на закате солнца. Бог, незримый для простых смертных, спустился к нему с неба, и поразил его своей не знающей промаха стрелой. Теперь душа Амулетия уже на пути в подземные луга повелителя мёртвых.

Ромка перевёл дыхание. Курсы декламации, которые он закончил, не ожидая, что от них будет много проку, неожиданногодились. Его слушали, открыв рты. Хотя какие здесь могут быть ещё развлечения, в этом городишке? По меркам его мира, это просто большая деревня. Без удобств и телевизора.

Он покосился краем глаза на своё войско. Его люди стояли рядом с входом в храм, у подножия ступеней. Впереди красовались Губотряс со своим товарищем, сияя свеженачищенными шлемам и медными бляхами нагрудников. Пастухи, с короткими копьями в руках, выстроились чуть сзади. Во главе каждого из десятков — Роману пришлось их сосчитать и поставить в шеренги — стоял назначенный им десятник со знаком отличия.

Знак придумал Рэм. Утром, ещё не взошло солнце, Ромка собрал своё маленькое войско. Пастухи, ночевавшие во дворе у дворцового фонтана, рядом с кольями, с которых так и не удосужились снять окровавленные головы, пугливо озирались. «Не бойтесь гнева богов, — сказал им Роман, забравшись на мраморный край бассейна. — То, что случилось здесь, произошло с их позволения и по их воле. Теперь вы настоящие воины, и должны выглядеть, как войско, чтобы не уронить честь вашего вождя». Он тогда обернулся по сторонам, в поисках подходящего символа, и Рэм, невинно улыбаясь, протянул ему брошенное сбежавшим рабом опахало.

Роман взял метёлку с длинной ручкой, положил её на парапет, и одним ударом меча обрубил пушистые концы перьев. Потом решительно оторвал от края своей одежды лоскуток и перевязал торчащие обрубки, закрепив ленту узлом. Получившийся ёршик на палке протянул рыжему пастуху: «Держи. Это знак твоей власти над своими солдатами. Неси его с достоинством!»

Рыжий взял то, что получилось из метёлки, повертел, разглядывая с детским недоумением, а Ромке стало не по себе. Неясное, тошное чувство, что всё это уже когда-то было, зашевелилось внутри. А когда рыжий с восторгом поднял знак власти и показал его, под одобрительные выкрики своего десятка, Роман покраснел от стыда.

— Мы сделаем всё, чтобы обеспечить душе умершего царя Амулетия достойный переход в иной мир. Передаю слово верховному жрецу, моему... нашему с Рэмом деду Звездогляду.

Старый жрец шаркающей походкой подступил ближе. Оглядел толпу. Дождался, пока стих последний шум, и неожиданно звучным голосом произнёс:

— Дети мои! Мой дорогой брат покинул нас. Бог, поступки которого нам не дано угадать, исторг его душу из тела. Нам остаётся только смириться с судьбой и устроить Амулетию достойные похороны, чтобы память об этом деянии достигла наших отдалённых потомков...

Роман слушал, как он говорит. Да уж, курсы курсами, а этот старик заткнул бы за пояс любого оратора. Видно, для этого нужно родиться в царской семье и вырасти во дворце, не иначе.

Речь затихла, и толпа опять зашумела. Из первого ряда выступил старик в длинном, до пят плаще, перетянутом на животе широким узорчатым поясом. Борода старика, такая

длинная, что обладатель заткнул её за пояс, трепетала под утренним ветерком.

— Скажи нам, благородный Звездогляд, — твёрдым голосом спросил старик. — Кто заменит нам почившего царя, Амулетия? Кто займёт его трон?

Роман почувствовал, как еле заметно шевельнулся Ястреб, положив руку на пояс с мечом. Как прерывисто вздохнул рядом с ним Рэм.

— У нас есть наследники, братья-близнецы Ром и Рэм, — торжественно произнёс жрец. — Они могут занять трон.

— Но кто их отец? — настойчиво спросил старик с длинной бородой. — Если они твои внуки, значит, это сыновья твоей дочери, Фиалки. Кто же тогда их зачал? Кто отец этих детей?

— Я могу ответить тебе, почтенный, и всем, кто нас слышит, — громко произнёс советник. Он шагнул вперёд и указал на высящийся вдалеке царский дворец: — Мой господин Амулетий в своё время возжаждал прелестей дочери своего брата. Он приказал привести её к себе в опочивальню, и там овладел ею. Но Фиалка уже оказалась беременной от явившегося к ней ночью бога, и тогда разъяренный Амулетий приказал заточить её в подземелье. Вот чьи это дети — дети бога!

— Но тогда, — с достоинством произнёс старик, — скажи нам, почтенный: кто эти разбойники и беглые рабы, что пришли вместе с ними? И почему мы должны служить детям неизвестного бога, которые покровительствуют оборванцам?

Стоящие рядом с ним горожане в богатых одеждах согласно закивали. Закачались длинные бороды. Роман оглядел площадь, толпящихся на ней людей, чьи жадные взгляды жгли его даже через кожаный нагрудник. Тошное ощущение дежавю вернулось, заворочалось внутри клубком шершавых гадюк.

— Горожане, и все, кто меня слышит! — сказал он, подняв руку с раскрытой ладонью. Множество лиц, бородатых и совсем юных, повернулось к нему. — Я и мой брат не сможем занять место покойного Амулетия. Мы отказываемся от его трона.

— Может, хватит изображать из себя страуса?

— Страуса?

— Ага. Птица такая, с ногами, — зло сказал Рэм. — Бегает туда-сюда. Как курица без головы.

Ромка оглянулся. Они сидели у обочины, густая тень от дерева над головами давала иллюзию прохлады. Он ждал, когда Рэм напьётся, и отдаст чашку с водой. Их воины расположились на травке, в десяти шагах. Солнце пекло невыносимо, но здесь, под деревьями, было не так жарко, как в низине. От самого города в небе не появилось ни облачка, и они едва не испеклись на дороге, пока долина не сменилась лесистыми холмами.

— Ничего я не изображаю.

— Мне можешь не врать. Я — это ты, забыл?

— Тебя не существует. Ты — мой бред, а я лежу на койке в больнице.

— Хочешь, в глаз дам?

— Отстань.

— Тогда что же ты на площади распинался, от трона отказывался? Раз это бред, чего стесняться?

Роман не ответил.

— А я тебе скажу, почему. Ты уже давно всё понял, только боишься это признать.

— Что я понял?

— То. Этот мир настоящий, и мы влипли в него, как две глупые, жирные мухи. Вот только пока не ясно, что в этой луже больше — дерьма или варенья.

— Этого не может быть, — Ромка зажмурился. Глаза, обожжённые слишком ярким солнцем, слезились и чесались, будто туда насыпали песка. — Это ненаучно.

— Ну да. Не может быть, потому что не может быть никогда, — язвительно ответил Рэм. Он подвинулся и оказался с Ромкой лицом к лицу. Его глаза, такие знакомые, Ромкины глаза, тоже покраснели, нос обгорел и шелушился от солнца.

— Послушай, если что-то выглядит, как колбаса, пахнет, как колбаса, и на вкус, как колбаса, значит это она и есть. Если тебя ударят, пойдёт кровь. Меня уже били, я знаю.

— Меня тоже, — Ромка машинально потёр свежий шрам в паху.

— Покажи! — потребовал Рэм.

— Убери руки, придурок.

— От придурка слышу. Покажи, что там у тебя.

— Ты не в моём вкусе, — Ромка оттолкнул Рэма, бесцеремонно задравшего ему рубаху. — Иди, приставай к Мухобою, он малолетка, как ты любишь.

Рэм отодвинулся и оглядел его с головы до ног:

— Шрам, прямой, узкий, длиной в пол-ладони. Угадал?

Роман кивнул. В желудке опять зашевелился тошный, шершавый ком, что не давал ему покоя с самого утра.

— Что это было? — негромко спросил Рэм.

— Мечом ударили. Я думал, умру.

— Я тоже, — сухо отозвался двойник. — Только я вдобавок не знал, отчего.

— Вот видишь. Это невозможно. Этот мир — не настоящий.

Рэм подёргал меч в ножнах. Меч ему дал Ястреб, когда они прощались на ступенях храма. Советник снял с себя пояс с ножнами и застегнул его на талии Рэма. «Возьми его, — тихо сказал Ястреб. — Тебе ещё пригодится». «А тебе?» — спросил парень, ощупывая добротную кожу пояса и шершавую, увесистую рукоять. «Я убил этим мечом женщину. И едва не убил тебя, — ответил советник. — Он мне больше не нужен».

* * *

Они тогда вышли из подземелья под храмом, где освободили Фиалку из её пожизненного заточения. «Прежде чем уйти, — объявил народу на площади Роман. — Мы воздадим честь нашей матери. Она достаточно послужила богине в темноте. Пора ей увидеть солнце». А старик с белой бородой ехидно спросил: «Разве она не дала обет безбрачия?»

Роман ответил, сжав в руке свой странный трезубец, и глядя на старца в упор, отчего тот смутился и отступил на шаг: «Разве в брак не вступают в ранней юности, когда девушка молода и желанна мужчине? Или кто-то из вас предпочтёт старуху?»

Мужчины на площади зашумели, захмыкали в бороды.

«Тогда почему женщина должна хранить себя до седых волос?» — продолжил Ромка, и никто на этот раз ему не возразил.

Потом, когда они спустились в темницу, и плачущая от радости Фиалка бросилась на грудь растерявшемуся Ястребу, Роман тихо сказал Рэму: «А она вовсе не старая». Рэм только фыркнул в ответ, глядя, как советник обнимает женщину: «С безбрачием ты точно погорячился, царский сынок». А Ромка пнул его в лодыжку.

«Я не знал про Амулетия, — говорил меж тем Ястреб, глядя Фиалку по волосам. — Если бы я не уехал тогда...» «Глупый, — нежно проговорила женщина, — Если бы ты не уехал, то убил бы его. Я тебя знаю». «Амулетий сказал, что ты родила от него. Что мальчики — его кровь». Фиалка покраснела: «Я не сказала ему, кто был у меня первым, хотя он и старался это выпытать. Дети не от него». «Да, я знаю, от бога, который явился к тебе ночью...» — проговорил Ястреб, и женщина шлёпнула его по губам: «Дурачок!»

Тогда Рэм отвернулся от парочки и дёрнул Ромку за руку: «Пошли. Хватит глазеть». И они вышли на ступени храма, где Роман объявил во всеуслышание: «Горожане! Ночью, когда мы бодрствовали у тела царя Амулетия, нам с братом было видение. Бог, наш отец, явился к нам, и велел уйти из города, дабы посетить его святилище и принести там богатые жертвы. Мы уходим и забираем с собой всех, кто хочет пойти с нами. Такова воля бога, и мы не можем его ослушаться. Наш дед Звездогляд будет хорошим царём для вас, а почтенный Ястреб поможет ему мудрым советом. Прощайте!»

Они вышли через городские ворота, и множество рабов ушло вместе с ними, бросив своих хозяев.

* * *

— Когда ты догадался? — Роман смотрел, как его солдаты передают друг другу бурдюк с водой. Назначенные им командиры сидели поодаль от остальных, воткнув в мягкую землю знаки своего отличия. Перевязанные ленточками метёлки торчали из травы диковинными

цветами.

— Когда ты дал мне имя. Ну, не сразу, а после того, как старикашка в пещере налил нам отравленного вина. Лежу кверху пупом, таращусь в потолок, руки-ноги уже онемели, а в голове мысль, как шило: «Ёлки, да это ж Ромул с Рэмом собственной персоной! Лежат в занюханной пещере, на полу, и никто даже не догадывается, блин...» А ты когда понял?

— Не знаю. Наверное, когда нам про близнецов рассказывали. Только я не поверил. Подумал — бред на тему древнего Рима. Я и сейчас не верю до конца.

— А может, мы умерли? И это загробный мир?

— Не мы, а я, — сухо поправил Ромка. — Ты моё раздвоенное сознание. Альтер эго.

— Это ещё неизвестно, кто из нас Альтер эго. А всё-таки?

— Это бред.

— Хватит, затрастил — бред, бред! — зло сказал Рэм. — Если на нас сейчас выскочит дикий вепрь, я залезу на дерево, а не буду ухмыляться, как дурак: это глюки! Ты скажи лучше, что нам делать.

— Говорят, если не знаешь, как поступить, делай как должно, и будь, что будет, — нехотя ответил Ромка. Он вытянул ноги и привалился спиной к древесному стволу. Кудрявая травка приятно холодила натёртые сандалиями ноги и отбитый о спину лошади зад.

— Значит, будем Рим строить? — ехидно спросил Рэм. — Империю городить, и всё такое?

— Не знаю, как насчёт империи, а туалеты я бы тут построил. Замучился с лопухом по кустам бегать.

— А я бы себе бассейн отгрохал, как у Амулетия. Ты видел, какой у него бассейн во дворце? С нимфами.

— У тебя одни нимфы на уме. Если бы ты тогда за Козочкой к озеру не побежал, ничего бы не было.

— Всё зло от них, — Рэм ухмыльнулся. — Где ты свою козу оставил?

— Она не коза. Я ей велел остаться во дворце. Там служанки нужны. Мне старший евнух пообещал...

— Это хорошо, что ты её с евнухом оставил. А то, гляди, приплод будет. От помрачённого сознания.

— А я думаю, что будет, если мы ничего не сделаем. Не будем строить город Рим, не создадим империю, не взойдём на трон. Вообще ничего. Что-то изменится?

— Пока не сделаешь, не узнаешь.

— Но тогда нам придётся... — Ромка потёр лоб, вспоминая учебник истории, — придётся воевать. Много воевать.

— Ага. Брать в плен красивых женщин, грабить богатых купцов, и устанавливать у них демократию.

— Не ёрничай. Это не смешно.

— Парочку красоток я бы в плен взял.

— А их мужей в расход бы пустил? — рявкнул Роман. — Это убийство!

— Кто бы говорил.

— Я никого не...

— Совсем никого? — Рэм улыбался, но Ромке почему-то стало не по себе. — Ни одного человечка?

— Тот пират сам нарвался. Его лошадь копытом убила.

— Хватит прятать голову в песок, я сказал! — выкрикнул Рэм. Их солдаты беспокойно зашевелились и стали оглядываться. — Ты должен убить меня! Ромул убил Рэма, и построил Рим на его могиле. Вот она, твоя будущая империя!

— Ну, и кто тут хотел распустить армию? — Рэм смотрел перед собой, и только Роман слышал, что тот сказал ему.

Дорога здесь сужалась до тропы, войско растянулось гремучей змеёй, хвост которой ещё тащился где-то сзади. А голова уткнулась в поваленное дерево.

Роман оглядел преграду. Толстая, в шершавых лохмотьях коры, сосна щетинилась шипами сучьев. Основание ствола светилось свежими ранами, нанесёнными топором. Из глубоких засечек стекала янтарная смола, застывая густыми каплями.

— Не нравится мне это.

— Командиры, готовься! — неожиданно гаркнул Рэм, так, что лошадь под Ромкой шарахнулась в сторону.

По колонне пробежал шорох. Первый отряд, возглавляемый Губотрясом, подступил ближе, выровнял короткие копья, а командир вытянул меч из ножен.

— Засада, — сквозь зубы сказал Рэм.

Ромка увидел, как бесшумно качнулись ветви кустов, густо облепивших обочину. На дорогу с обеих сторон быстро, как тени, вынырнули люди и выстроились перед поваленной сосной.

Он сжал поводья, сдержав первый порыв развернуть лошадь и сбежать. Люди, что сейчас стояли перед его войском, ничуть не напоминали тех, что он видел до этого. Низкорослые, почти голые, а их тёмная то ли от загара, то ли от природы кожа, лоснилась, будто намазанная маслом. У каждого на бёдрах красовался пояс, сплетённый из тонких кожаных ремешков. С поясов свисали выбеленные черепа мелких животных и хвосты лисиц. У каждого сбоку висел небольшой топорик на длинном, гладком топорище.

Тёмные лица смотрели на него узкими, чёрными, бесстрастными глазами. Каждый лесной человек держал перед собой короткий лук, и тетива луков была натянута.

Роман положил руку на рукоять меча. Сзади стояло его войско, и люди продолжали подходить, напирая на передний ряд. Даже если он развернёт лошадь и попытается удрать, ничего не выйдет. И если даже они примут бой, первый ряд вместе с Ромкой примет на себя залп из луков, превратившись в мёртвых ёжиков.

— Кто ваш предводитель? — голос звучал хрипло, но ему удалось не дать петуха. — Я хочу видеть вашего вождя.

Стоящий в середине заграждения человек шевельнулся, слегка опустил лук и сделал шаг вперёд. Остальные продолжали стоять неподвижно.

— Я Дикий Кот, первый среди охотников, — голос лесного человека звучал гортанно, словно тот проталкивал в горло непривычные слова. — Зачем вы пришли в наш лес?

— Ваш лес? — Ромка удивился. — Разве эти края не принадлежат царю?

— Ты человек царя? — спросил Дикий Кот, и Ромка вдруг почувствовал, как холодок близкой смерти прокатился по позвоночнику.

Лесные люди смотрели тёмными, будто нарисованными чёрной краской глазами. Их лица напоминали вырезанные из дерева маски. Острия стрел между пальцев жадно покачивались, как головки змей, собирающихся ужалить. Шелестели листья на деревьях у дороги, напевая песню смерти. Роман, даже не глядя, почему-то знал, что там, наверху, тоже сидят лучники. Стоит сделать одно неверное движение, и их настигнут стрелами, как

подушечки для булавок.

— Мы сами по себе. — Что сказать человеку с черепом дикого зверя на поясе? — Я Ром, а это мой брат Рэм. Мы дети бога, и идём к его святилищу, чтобы принести ему дары.

— Дети бога, — медленно повторил охотник. — Где же ваши дары? Я их не вижу. Где ваши коровы, овцы и козы?

— Наш бог не требует кровавых жертв. — Ромка смотрел в глаза Дикого Кота, похожие на речную гальку. Такие же тёмные и холодные. — Он видит в сердцах людей и читает их мысли. Ему нужна их вера, а не кровь.

Ему показалось, что глаза охотника изменили выражение. Что-то дрогнуло в тёмном, неподвижном лице.

— Где живёт твой бог? — спросил Дикий Кот. — Где его дом? Как его имя?

Опасность ещё висела в воздухе, сидела на кончиках стрел, шелестела листьями с верхушек деревьев. Роман, тщательно подбирая слова, ответил:

— Бог не ищет себе укрытия. Его дом там, где он захочет. Он велел нам прийти к нему, и мы его увидим, когда он покажется перед нами.

Шеренга лесных людей неуловимо дрогнула. Качнулись луки. Ромка сжал поводья мгновенно вспотевшими пальцами. Гнедой конь Рэма переступил ногами, раздувая ноздри.

— Неисповедимы пути господни, — неожиданно сказал Рэм. Его конь двинулся и стал вплотную с Ромкиным рыжим. — Имя его неведомо никому из смертных. Нам он явился в образе птицы, и имя его звучало как крик ястреба. А в чьём образе он является вам, дети леса?

Охотник застыл, не отводя тёмных глаз от Рэма, и Ромка сжал рукоять меча, готовясь выдернуть клинок из ножен. Потом лук медленно опустился, а Дикий Кот сказал:

— Никто из тех, кто видел его, не вернулся, чтобы рассказать об этом. Мы можем лишь слышать его голос, когда он говорит с нами из глубины болот. Если он ждёт вас, мы откроем вам путь.

Он легко отступил назад, а лесные люди так же бесшумно раздались в стороны, открыв проход.

Рыжий Ромкин конь шагнул к поваленному стволу сосны, и остановился, кося влажным карим глазом на торчащие сучья.

— Ты боишься, сын бога? — спросил охотник, и Ромка понял, что испытание ещё не закончено.

— Дай мне топор, и мы пройдем, — холодно бросил Рэм.

— Что ты дашь нам за это? — лесные охотники молча ждали, стоя рядом с Диким Котом. На поясах у них покачивались топоры на длинных топорищах. Металл лезвий влажно поблескивал, к одному прилипла сосновая кора.

Рэм указал на двоих охотников:

— Мы возьмём этих юношей с собой к жилищу бога, и они смогут поговорить с ним.

Ромка посмотрел на Рэма. Он уже собирался предложить в обмен на топор свой меч. Перевёл взгляд на выбранных юнцов. Их смуглые лица явно побледнели.

— Вы можете отказаться, — промурлыкал Рэм. — Никто вас не осудит.

— Мои сыновья только недавно стали полноправными охотниками, — сказал Дикий Кот, — и ещё не имеют жён. Возьми с собой кого-нибудь постарше.

— Любая девушка с радостью примет храбреца, который видел бога, — ответил Рэм. — Обещаю, что они вернутся живыми.

— Помни, ты дал слово, — торжественно произнёс Дикий Кот. Двое молодых охотников, быстро орудуя своими топорами, срубили торчащие сучья и ловко перепрыгнули оголившийся ствол. Рэм гикнул, толкнув своего коня пятками. Гнедой перескочил сосну, и Ромкин рыжий последовал за ним.

Разношёрстное Ромкино войско двинулось дальше по дороге, а лесные люди исчезли в кустах, словно их и не было. Двое сыновей Дикого Кота побежали рядом, шурша босыми пятками по траве у обочины.

— Ты псих, — прошипел Роман, когда они отъехали подальше. — А если бы он не согласился? Надо было отдать им что-нибудь.

— Это ты псих. Ты отдал бы ему последнюю рубашку за один топор, если бы начал торговаться.

— И что теперь? Какого бога мы им покажем?

— Найдём что-нибудь. Камушек там, или чему они здесь молятся. Ты слышал, что он сказал — из глубины болот? Их бог где-то рядом.

— Чёрт, — Ромка оглянулся. Его люди шли за ним, и все верили, что он приведёт их к жилищу бога. Принесёт жертву и укажет, что делать дальше. — Я же просто хотел спасти тебя из рабства. Что я им теперь скажу? Расходитесь, спектакль окончен?

— Знаешь что? — серьёзно сказал Рэм. Он тоже оглянулся назад и обвёл глазами колонну бывших солдат, беглых рабов и пастухов. — Если мы их сейчас распустим, нам крышка. Первый встречный господинчик скрутит нас и продаст на рынке, как овец. Ко мне уже приценивались. Один толстый хмырь, любитель мальчиков. Хорошо, Ястреб не стал меня продавать. Так что если не хочешь строить империю, хотя бы войско оставь. А то мне моя шкура дорога как память.

Дорога стала совсем узкой и распалась надвое. Одна полоса, хорошо утоптанная, уходила через лес в сторону холмов, верхушки которых высились вдалеке, золотые от невидимого отсюда солнца. Другая, проросшая травой, изгибалась и пропадала в густых зарослях низкорослых деревьев.

— Витязи на распутье, — Ромка остановил коня и взгляделся в густую тень над тропой. — Налево пойдёшь — коня потеряешь. Направо пойдёшь — друга...

— Убьёшь, — закончил за него Рэм.

— Хватит! — Ромка взглянул на сына Дикого Кота: — Куда ведёт узкая тропа?

— Это путь на болота, сын бога, — гортанно ответил юный охотник. Он отвернулся от укрытой густой тенью тропы, суеверно сжал пальцы на черепе, висящем у него на шнурке, и тихо сказал: — Ваш отец обитает там.

Дальше идти некуда. Ромка переступил на скользком камне, цепляясь за чахлое деревце, перекрученное, словно рука ревматика. С ветки сорвалась и шлёпнулась в болотную жижу древесная лягушка. Поплыла, торопливо загребая лапками. Жижга глухо чавкнула, на миг показав чей-то жадно разинутый рот. Мелькнули судорожно вытянутые лягушачьи лапки, всколыхнулась ряска, и всё исчезло. Только круги разошлись вокруг лопнувшего грязевого пузыря.

Ромка осторожно отступил назад. Крохотная полянка, на которую их вывела лесная тропа, светилась ядовито-изумрудной зеленью. С одного края поляну окаймляли заросли не то рослых кустов, не то низеньких деревьев, с другого исходило туманной дымкой чёрное зеркало болота. Под ногами сочно чавкало, сандалии с трудом выдирались из густой травяной каши.

— Дальше дороги нет, — Рэм потыкал носком сандалии в трухлявый ствол с наростами древесных грибов.

— Сам знаю, — Ромка выбрался на твёрдый участок, стряхнул прилипшие к ладоням лохмотья лилового мха, густой бородой облепившего чахлое деревце.

Он оглянулся назад, туда, где ещё виднелись остатки лесной тропы. Сыновья Дикого Кота жались у края поляны. Всё время, что они шли сюда, оставив позади своё войско разбивать лагерь, юнцы храбрились как могли. Но когда впереди показалось исходящее паром чёрное окно болота, молодые охотники заметно побледнели и съёжились.

— Будем ждать здесь.

— Чего — второго пришествия?

— Скорее первого прихода, — Ромка наклонился над лужицей чёрной, странно прозрачной воды. Со дна лужицы тонкой струйкой поднимались пузырьки болотного газа. Не удивительно, что никто, кроме лесных охотников, не захотел сюда идти. Нехорошее место, как сказал Губотряс, когда их войско остановилось на привал.

* * *

— Мои люди боятся идти дальше, Ром, — Губотряс поскрёб ногтями нос, укушенный комаром. На носу остался багровый след. — Здесь нехорошее место.

— Это обиталище бога, — вмешался сын Дикого Кота. — Как оно может быть плохим или хорошим?

Ромка оглядел своих командиров. Они стояли кружком возле него, держа свои знаки отличия, и старались выглядеть храбрецами. На ядовито-зелёной, удивительно яркой в густой тени под деревьями, траве, дымили костры. Малец Мухобой, насадив на прутик жирную лягушку, вертел её над огнём. Лягушка дымилась и потрескивала.

— Вы останетесь здесь и разобьёте лагерь. Я сам пойду говорить с богом.

На лицах командиров разлилось облегчение. Сыновья Дикого Кота переглянулись.

— Ты обещал взять нас с собой, — лесной охотник переступил с ноги на ногу, тоскливо оглянулся на дымящий костёр. Там Мухобой уже снял с огня почерневшую лягушку и принялся обглаживать заднюю лапку. — Обещал, что мы будем говорить с богом.

Его брат кивнул, держа ладонь на лисьем черепе. Губы его дрожали.

— Вы можете пойти со мной, — Ромка пожал плечами. — Но если вы боитесь...

— Лесные охотники никого не боятся, — гордо сказал сын Дикого Кота тонким голосом. — Когда я вернусь, то возьму в жёны Рыжую Кошку.

— Тогда я возьму Лисичку, — его брат выпрямился и перестал теревить череп на поясе. — Она тоже красивая!

— Хорошо, — Ромка хмыкнул. Этим мальчишкам в его мире ещё не выдали бы паспорта. А тут они уже жениться собрались. — Вы пойдёте со мной. Остальные будут ждать здесь, пока мы не вернёмся.

* * *

— Мы останемся здесь, — повторил Роман, — и будем ждать. Бог подаст нам знак.

Вокруг чёрной лужицы рядом с трухлявым деревом, на высоких, тонких суставчатых стебельках сидели крохотные бабочки цветов. Ромка тихо тронул пальцем ярко-розовый лепесток. Почему он вспомнил о бабочках? Здесь их нет. Ни одно насекомое не сидело на гладких тёмно-зелёных листьях, не кружилось над изящными цветочными головками.

Он наклонился ниже и осторожно втянул носом воздух. Слабый, сладковатый запах. Вблизи цветок завораживал хрупкой красотой. В середине откровенно-розовой розетки сидели полупрозрачные столбики тычинок и чернильного цвета пестик.

Главное, не дать себе передумать. Ромка сжал пальцами розовый цветок, сорвал его и сунул в рот. Торопливо прожевал, стараясь не замечать вкуса, и сразу проглотил.

— Ты что, спятил? — крикнул Рэм. Он подбежал и уставился на цветы. — Это же... Идиот!

— Назад дороги нет, — невнятно пробормотал Роман. Рот наполнился сладкой слюной, и он выплюнул застрявший в зубах розовый лепесток. — Какова вероятность, выйдя на улицу, встретить мамонта? Пятьдесят на пятьдесят.

— Причём здесь мамонты? Быстро сунь два пальца в рот и проблюйся, придурок!

Ромка сорвал ещё один цветок. Рэм попытался схватить его за руку, он увернулся, бросил цветок в рот и торопливо принялся жевать.

— А при том. Если я сейчас лежу в бреду на больничной койке, мне ничего не будет. Если это не бред, тогда есть варианты. Может быть, я умру от отравления. А может быть, мне явится местный дух, и скажет что-нибудь душевное.

Рэм выразился так замысловато, что Ромка удивился, что помнит такие слова. Сыновья Дикого Кота удивлённо переглянулись, и один из них спросил дрожащим голосом:

— Вы вызываете вашего незримого отца, дети бога?

— Да! — гаркнул Рэм, обернувшись к ним. Братья отшатнулись. — Сидите тихо, и не отвешивайте!

— Мы станем незаметными, как тень на охоте, — заверил лесной юнец. — Колдуйте спокойно. Никто не подойдёт к вам со спины.

Ромка уселся на трухлявый ствол, утыканный древесными грибами. Поискал глазами, сорвал травинку, сунул в рот.

— Дурак, — тихо выговорил Рэм. — Ты же знаешь, что мне это тоже аукнется. Как с тем шрамом от меча.

— Ага. Мы с тобой как Змей-Горыныч — одна голова пьёт, а тошнит обоих.

— Вот как, значит. Ладно. — Рэм выдернул ярко-розовый цветок с корнем, и принялся ощипывать хрупкие лепестки. С корней капала чёрная жижа. — И тебе того же вдвойне, придурок. Наслаждайся.

Ромка фыркнул. Во рту разливалось терпкое, горьковатое тепло. Он отвернулся от жующего цветок Рэма, и взглянул на болото. Над редкими кочками дрожал белёсый туман, чёрное зеркало промоин исходило паром. Тихо выплывали на поверхность и с еле слышным звуком лопались тугие пузыри.

Прошелестели над головой листья, чмокнул очередной пузырь. Невидимое солнце неторопливо закатывалось за горизонт, лишая поляну остатков света. Трухлявый ствол мягко пружинил, покачиваясь на зыбкой почве поляны, курчавая трава обволакивала ноги. Ромка обхватил себя руками, не отрывая взгляда от чёрной лужи.

Сизоватый парок закручивался спиралью над водой. Крохотные частицы пара поднимались вверх, плясали в сгустившемся воздухе, растекались по зеркальной поверхности, сплетались в отдельные фигуры и распадались вновь. Ромка, покачиваясь на своём насесте, меланхолично отметил, что ближайшая к нему спираль похожа на рисунок из учебника. Тот, где изображён геном человека. Только та спираль была цветная, и не так щетинилась кустистыми отростками.

В голове тихо шумело, прохладный ветерок, налетевший с болота, шевелил волосы, прилипшие к потному лбу. Ромка зевнул. Жар уже перетёк с горла в грудь и теперь разливался жидким огнём по рёбрам, но это было не страшно, а скорее приятно. Если так выглядит смерть, то она не будет мучительной. Он просто уснёт здесь, на изумрудной траве, под пение колокольчиков и шёпот розовых цветов.

Колокольчиков? Он поднял глаза. Над чёрной водой покачивалось облачко сгустившегося пара. Тихо звенели невидимые бубенцы, и на грани слуха звучало пение хрустальной трубы. Тягучий, густой и одновременно высокий голос выводил слова печальной песни.

В один нескончаемый миг он услышал её всю, узнал тех, кто жил в ней, заплакал над их судьбой и порадовался их мужеству. Увидел, как наяву, высокие башни из белого камня и медленное течение рек в зелёных берегах, грустное лицо прекрасной девы в окошке над водой. Успел пережить её невыразимую печаль и отбросить прочь, как забытую книгу.

— Ты слышишь, —шелестел голос из ветерка. — Слышишь.

Мгновение мигнуло и кануло в вечность. Ромка потряс головой. Волосы упали ему на глаза, но он увидел, как клубок пара над болотом неуловимо быстро расплылся и собрался вновь, уже прямо перед ним.

Теперь перед ним покачивался, подрагивая от дуновения ветерка, лиловый паук размером с собаку. Восемь узловатых ног покачивались вместе с ним. Сквозь гранёное тело панциря просвечивали скрученные стволы деревьев. На выпуклой паучьей груди светилась тёмно-синяя двойная спираль. Спираль двигалась, как живая, и выглядела единственным материальным предметом на полупрозрачном теле своего носителя. Она словно жила отдельной жизнью, переливаясь жидким чернильным огнём посередине самой крупной, восьмиугольной грани паучьего панциря.

— Ты пришёл, гость, — голос звучал откуда-то сверху и сразу повторялся дробным эхом, словно отражался от глади чёрной воды. — И слышишь нас.

— Кто вы? — Ромка попытался встать, но не почувствовал ног. Горячая волна

растеклась по телу, наполнила его жидким огнём. Он стал раздуваться, его неудержимо разносило в стороны, теперь он был просто шаром, пузырьём сознания без рук и ног, и тонкая плёнка бытия ограждала его от холода внешнего мира.

— Мы здесь существуем, — ответил голос. — Существуем.

Раздалось нечто похожее на тихий смех.

— Мы ждём того, кто освободит нас. Но никто не приходит. Мы забыли, как выглядели изначально, и только сны иногда напоминают нам об этом.

— Что вы такое?

Смех прозвучал громче, он посыпался на Ромку ледяным дождём, и тот невольно вздрогнул в своём живом пузыре.

— Ты такой же, как мы. Ты тоже истлеешь здесь, не найдя выхода. Потеряешь свой облик. Станешь тенью без имени.

— Нет, я не такой. Я могу уйти отсюда!

— Глупец, — пропел звонкий голос, и Ромка увидел, как из туманной дымки выплыла ещё одна тень. Она напоминала каплю, перевёрнутую хвостом вниз. Капля подплыла поближе, сгустилась, обрела форму, и он узнал её. Это была женщина-демон, та самая, что однажды приснилась ему ночью у костра. Гибко извивалась змеевидная талия, мягко покачивались безупречные груди. Колыхались тугие кольца волос.

— Глупец. Ты думаешь, что это место — тюрьма? Уйди отсюда, убеги из леса, заберись на самую высокую гору — свою тюрьму ты унесёшь с собой. Ты заперт в этой клетке, заперт, как и мы.

— Кто вы? — перехваченным голосом в третий раз спросил Роман. Странно, у него есть голос, хотя у пузыря, в который он превратился, нет ни рук, ни ног, ни головы. — Вы боги?

— Мы бабочки, прилипшие к паутине, — печально пропела женщина. — Мы мушки, попавшие в сироп. Мы пчёлы, которые не смогли вернуться в свой улей до заката. Мы такие же, как ты.

— Вы сказали мне, что я должен умереть. — Ромка вспомнил слова, сказанные ему ночью у костра. — Убить и умереть. Чтобы вернуться домой.

— Да, — это был паук. Если женщина звенела колокольчиками, он гремел серебряной трубой. — Мы умираем здесь давно. Мы убили множество примитивных существ в этом лесу. Но смерть не спешит к нам. Никто не даст нам избавления.

— Мы никогда не вернёмся домой, — прошелестела женщина, и янтарные слёзы медленно потекли по её полупрозрачному лицу. — Никогда.

— Почему? — горько проговорил Ромка. Печаль этих странных существ передалась ему даже сквозь пузырь, в котором плавал его разум.

— Выход есть, — гулко прозвенел паук. Спираль на его гранёной груди судорожно скрутилась в жгут, и распрямилась вновь. — Но для этого нужно сделать то, на что мы не способны.

— Не способны, — эхом повторила женщина-демон.

Паук закачался, спираль на его груди почернела, лиловый панцирь судорожно изгибался и дёргался, словно желая покинуть хозяина. Перебирая суставчатыми ногами, паук поднялся выше, подогнул под выпуклое брюхо жутко изогнутые когти и взорвался. Разлетелись лиловыми клочьями остатки туманного тела. Бешено вращаясь, метнулась прямо в глаза Ромке чернильная спираль, заключённая в восьмиугольник, и врезалась в землю, взметнув волну жидкой грязи. Из пустоты, быстро наливающейся тьмой, прозвенел серебряный голос:

— Мы стали слабыми. Слишком долго мы надеялись на чудо. Теперь уже поздно. Даже для смерти. Не повторяй наших ошибок, человек.

— Скажите, что мне делать? — в отчаянии крикнул Роман. Фигура женщины-демона тоже стала темнеть и расплываться, распадаясь на клочья тумана. — Что мне делать?

— Умри, — прошептал, замирая, звенящий голос. — Живи. Возьми всё, что сможешь взять, и сделай то, что должно.

— Помогите мне! — он уже не видел ничего. Он кричал в темноту. — Помогите хоть чем-нибудь!

— Возьми его, — прошелестел ветер, и он ощутил холод дуновения на лице. — Возьми то, что осталось. Больше нам нечего тебе дать. Освободи нас.

Он открыл глаза. Голова раскалывалась. Руки тряслись, а когда Ромка попробовал встать, земля закачалась, и он едва удержался на ногах. Он встал на колени у лужи, зачерпнул воды в ладони и плеснул на лицо. Кожа горела, как ошпаренная кипятком. Язык с трудом ворочался во рту, а в горле застрял горький комок.

Ромка наклонился над лужей, чтобы посмотреть на своё отражение.

— Я тебя не знаю, но я тебя побрею... что это?

Из грязи, прямо посередине чёрной кляксы выглядывала синяя полоска. Кусочек чего-то круглого, словно в болотной воде утонула крышка канализационного люка, почему-то раскрашенного в синий цвет.

Роман взялся за край круглой штуковины. Влажные пальцы соскальзывали с узкого краешка. Грязь не хотела отпускать свою добычу.

Он сжал пальцы сильнее и потянул «люк» к себе. Тот неожиданно поддался, раздалось звонкое «чмок», и Ромка упал на спину. Он замотал головой, отплёвывая воду пополам с грязью, которая текла со штуковины в его руках.

Вблизи это оказался круглый плоский предмет, похожий на крышку от большой кастрюли. Такой же выпуклый и тонкий. Он выглядел полупрозрачным, как старое стекло и был дымчато-синего цвета. Посередине диск слегка утолщался, цвет его становился гуще, а на выпуклой стороне просматривались еле заметные грани. Как будто с драгоценного камня аккуратно сняли верхний слой и придавили, расплющив в блин.

Ромка встал на ноги и повернул свою находку к свету. Он только сейчас понял, что наступило утро. Солнечные зайчики плясали на траве, скользили по лужице болотной воды. Сейчас она уже не казалась такой чёрной. Розовые цветы невинно смотрели яркими точками глаз с зелёных стеблей.

— Я думал, ты не проснёшься, — Рэм стоял рядом и смотрел на него. Неужели у него тоже такие опухшие, красные, будто кроличьи, глаза, как у его двойника?

— Ты живой?

— Я спал, — Рэм старательно зевнул. — А ты всю ночь вертелся на траве и орал диким голосом: «помогите, помогите!»

— Так это был сон, — медленно сказал Ромка, пристально глядя на двойника. Значит, таинственные существа явились только ему одному. Синий паук и женщина-демон.

— Смотри, что я нашёл, — он показал синий диск. Голос звучал хрипло, под стать его припухшему отражению.

— Вижу, — сухо ответил Рэм. — Мой тебе совет — засунь это туда, где взял.

— Нет, — в тон ответил Ромка. — Я возьму его с собой. Сделаю себе щит.

Рэм хотел что-то ответить, но не успел. Кусты у тропы затрещали, и на поляну вывалился человек.

К нему с двух сторон подскочили сыновья Дикого Кота. Один ловко ухватил пришельца за ноги, другой быстро уселся на спину и уже занёс свой топорик для удара. Человек хрипел и извивался на траве.

— Ром, беда! — это был один из пастухов из его войска, оставшегося ждать возвращения Ромки с Рэмом с болота. По лицу его текла кровь из рассечённой брови, нос опух и стал похож на сливу. — Беда!

— Отпустите его. — Роман перехватил диск поудобнее и бросился по тропе в лагерь. Лесные охотники оставили пастуха и побежали за Ромкой.

Дым от затоптанных кострищ висел под деревьями, стелился над примятой травой. Шалаш рядом с костром обрушился внутрь, а из-под засохших веток торчали босые ноги, замаранные золой и кровью. Из дыры провалившейся крыши торчало в небо древко копья.

По кострищу ползал мальчишка и что-то искал в углях. Он поднял глаза на подбежавшего Ромку, и тот узнал мальчика Мухобоя.

— Где все? — Роман оглядел поляну. По лагерю будто пробежало стадо слонов.

Малец всхлипнул. Из носа его текли сопли пополам с кровью.

— Моя праща, она сгорела. Совсем сгорела.

— Где Губотряс? Кривонос и остальные?

— Кривонос вон там, — малец мотнул головой в сторону провалившегося шалаша. — А Губотряс со своими побежал ловить Шарика.

Ромка посмотрел на ноги, торчащие из-под веток. Ноги не двигались. Кто бы ни был этот Шарик, человек в шалаше наверняка мёртв.

— Брат Шарика хотел меня... хотел меня затащить к себе в шалаш, — захлёбываясь кровавыми соплями, невнятно выговорил Мухобой, пересыпая трясущимися пальцами золу. — А дядька Кривонос не давал. Они подрались, и Шарик ткнул дядьку копьём. Губотряс хотел его убить, тогда они взяли своих людей и ушли...

— Вставай. — Видно, что-то было в голосе Ромки, отчего малец быстро поднялся на ноги и вытаращил глаза. С подбородка его капало, лицо было перепачкано, и Роман только сейчас заметил, что мальчишка стоит в чём мать родила.

— Показывай, куда они ушли.

— Мы найдём их по следу, Ром, — сын Дикого Кота хищно улыбнулся, показав белые зубы. — Это наш лес.

Ромка поискал глазами своего коня. Когда они уходили, его стреножили и пустили пастись на траве, так же, как и коня Рэма.

— По лесу лучше бежать своими ногами, — заметив его взгляд, сказал молодой охотник.

— Мухобой, ты останешься здесь, — приказал Роман. — Сторожи животных и... — он бросил взгляд на мёртвое тело, — и лагерь.

Его трезубец. Он воткнул его у начала тропинки, в середину куста, собираясь говорить с богом. Там и нашёл его, со склонившимся вбок древком и с паутиной на зубцах. В паутине сидел жирный паук.

Неприятное чувство зашевелилось внутри при виде паутины. Ромка сжал зубы и решительно выдернул оружие из земли. Некогда раздумывать. Надо найти своё войско, пока они не наделали бед. Сыновья Дикого Кота уже приплясывали в нетерпении на краю поляны.

Мальчишки-охотники неслись по лесу с завидной скоростью. Босые ноги их так и мелькали, деревья словно сами расступались перед ними. Ветки кривых, низкорослых деревьев, которые они даже не замечали, нещадно хлестали Ромку по лицу. Позади топал Рэм.

Болотистая, сырая почва низины сменилась сухой, усыпанной хвоей и прошлогодними листьями землёй смешанного леса. Сыновья Дикого Кота с уверенностью гончих, взявших след, повернули к рощице вечнозелёных деревьев. Молодые деревца здесь росли так тесно,

что между ними не видно было просвета.

Охотники резко повернули вблизи рощи ещё раз, и нырнули в просвет между пушистыми молодыми сосёнками. Роман последовал за ними. Сосны здесь расступались, образовав пропелешину, поросшую травой. После полутьмы леса свет утреннего солнца показался ослепительным. Посреди зелёного пятка травы переливался густой синевой овальный глаз родника. Сыновья Дикого Кота внезапно застыли, и зажмурившийся от яркого солнца Ромка наткнулся на них.

— Картина маслом, — хрипло сказал за спиной Рэм. — Художник Клод Моне. Завтрак на траве.

— Мане, — машинально поправил Ромка. — Эдуард.

Он сжал трезубец и шагнул к совокупающейся парочке. Отшвырнул ногой попавшееся под ноги тряпьё. Отметил краем сознания ещё парочку в неглиже поодаль, под тенью низеньких сосен. Звякнул под сандалией и откатился в сторону, расплескав остатки воды, расписной глиняный кувшин.

Роман потыкал древком трезубца мужчину в рёбра. Тот поднял глаза, и Ромка зашипел сквозь зубы. Это был один из его людей. Пастух, парень из деревни козопасов.

— А-а-а! — взвизгнули над ухом.

Сын Дикого Кота прыгнул вперёд. Блеснуло лезвие топорика и вонзилось в шею мужчины. Девица под ним завизжала. Молодой охотник махнул топором ещё раз, и под ноги Ромке откатилась, брызгая кровью, голова с вытаращенными в немом изумлении глазами.

Ромка, не раздумывая, махнул синим диском. Раздался звон, как от удара гонга. Удар пришёлся плашмя в затылок Дикого Котёнка. Юнец зашатался, хватая ртом воздух, выронил топорик и повалился на землю. Девица завизжала, а второй лесной охотник воскликнул в изумлении:

— Ласка?

Девица густо покраснела, оттолкнула труп мужчины и поднялась, стыдливо прикрывшись ладошкой.

— Где Лисичка? — не дожидаясь ответа, сын Дикого Кота кинулся к соснам на противоположном краю поляны, где из-под густой тени слышался шум борьбы, визг девицы и мелькали голые ноги.

Там уже слышали крик. Оставив девицу в неглиже на травке, навстречу лесному охотнику бросился рыжий парень в буйных кудряшках. В руке у него было короткое копьё. На мгновение Ромке показалось, что это тот самый кудрявый растаман, который привёл к нему своих людей из деревни. Но этот был выше ростом и гораздо массивнее. Широкая грудь в таких же буйных волосяных завитушках, как на голове, и обезьяньи руки с завидными мускулами.

Пастух ткнул копьём, целясь молодому охотнику в живот. Тот ловко уклонился, резиновым мячиком отпрыгнул в сторону. Рыжий повернулся за ним, пытаясь ткнуть своим оружием в увёртливого юнца. Охотник махнул топориком, тюкнув по древку копьё. Древко выдержало удар, но пастух опустил копьё. Опять блеснул металл топорика, на этот раз выше, метя в лоб рыжему.

Ромка бежал к ним, уже понимая, что не успеет.

Товарищ рыжего пастуха — их оказалось двое — бросившись на помощь, обхватил сына Дикого Кота сзади, прижал ему руки к бокам и оттащил назад. Рыжий ухмыльнулся, отвёл копьё для удара. Охотник извивался и дёргался.

Раздался глухой чмокающий звук. Что-то хрустнуло, словно переломили пучок хворостин. Кудрявый пастух разинул рот, выронил копье и осел под ноги своему молодому противнику. Второй пастух на мгновение застыл, глядя, как его товарищ валится на траву, и подбежавший Ромка ткнул его древком трезубца под ребро.

Тот разжал руки, выпустив сына Дикого Кота, всхрипнул и скорчился на траве. Ромка с ужасом вспомнил, что на конце древка трезубца было металлическое острие. И что древком он ткнул со знанием анатомии. Прямо в печень. Проклятье, он не хотел. Ромка с содроганием отвёл глаза от корчащегося под ногами тела и встретился взглядом с Рэмом. Тот смотрел на него, стоя над рыжим пастухом с мечом в руке.

— Вот засада, — хрипло сказал двойник. — Пришлось в спину ткнуть. Вот засада.

— Лисичка, — пробормотал сын Дикого Кота и всхлипнул. — Они украли её!

— Черти бы вас взяли вместе с вашими бабами, — Рэм отвернулся от убитого им пастуха, и его стошнило.

— С чего ты взял, что твою Лисичку украли? — спросил Ромка.

Главное, не смотреть на трупы. Он так долго привыкал к виду мёртвых тел в анатомичке. Так долго приучал себя не бояться крови. Он спокоен. Спокоен.

— Они всегда ходят сюда за водой. Наш город совсем рядом. Ласка с Белочкой здесь, а Лисички с Кошкой нет. Твои люди их украли!

— Мы их найдём, — пообещал Роман. — И накажем.

— Найдите их, дети бога, — сказал сын Дикого Кота. — Потому что, если мой отец найдёт их раньше, они пожалеют, что родились на свет.

— Тогда нам самое время помолиться своему божественному папаше, — Рэм выпрямился и теперь вытирал запачканный рот ладонью. — Если наши вояки взяли курс на лесной город, с нас, их вождей, спустят шкуру и натянут на барабан.

Сильный удар в середину щита отбросил Ромку назад. Рука сразу онемела, но синий диск выдержал. Острие копья угодило прямо в середину щита, и один страшный миг Роман видел себя пронзённым насквозь. Он ясно представил, как металлический лепесток наконечника пробивает тонкую синюю пластину, проходит сквозь кожаный нагрудник защиты и вонзается в сердце.

Щит мягко загудел, упруго принял на себя удар и погасил его. Сила инерции откинула Ромку на два шага, он пошатнулся, но устоял на ногах.

Сзади горячо дышал, прикрывая ему спину, сын Дикого Кота. Ростом он был едва Ромке по плечо, но топорик в его руках порхал, как стрекоза, грозя убить любого, кто попытается зайти с тыла.

* * *

Они пришли слишком поздно.

Город появился внезапно. Они пробежали через сосняк, вылетели на широкий луг, поросший ядовито-зелёной травой, потом Ромка перескочил какой-то низенький забор, а потом... Потом на него сбоку вылетел кто-то, орущий диким голосом, и попытался убить ударом дубины.

Ромка едва успел отклониться, совсем немного, и дубина лишь вскользь задела шлем. Он даже сумел устоять на ногах. Человек, истошно вопя, развернулся, махнул дубиной, на этот раз целя в рёбра. Роман машинально выставил перед собой синий диск, который так и тащил с собой от самого болота. Диск от удара вдавило в плечо, сильный толчок вышиб воздух из лёгких, а здоровенная дубина вдруг отскочила от щита, как резиновая.

Ромка увидел, как она отлетела назад, прямо в лицо владельцу. Выскочивший из-за спины сын Дикого Кота в прыжке свалил ошеломлённого противника наземь и прикончил своим топориком.

Между домов металась тень. Едкий дым от тлеющих крыш стелился по извилистым улочкам, превращая людей в привидения.

— Они зажгли город! — крикнул Рэм. Глаза его, и без того красные после ночи у болота, слезились от дыма.

— Это мои люди, — сказал в отчаянии Роман, глядя на труп человека с дубиной. Тот лежал, уткнувшись лбом в ступени чьего-то дома, и из перерубленной шеи вяло сочилась кровь. Ромка смутно помнил, что видел его в толпе рабов, что шли за ними от самого царского дворца.

— Так заставь их это вспомнить, — хрипло ответил Рэм. — Пока бабы и грабёж не ударили им в голову.

Дым затянул улицы, он стлался по земле, завивался клубами вокруг ног. Ромка повертел головой, пытаясь найти источник пожара, но ничего не увидел. Только неясный кроваво-красный оттенок дыма говорил о том, что где-то полыхает огонь. Потом из-за угла ближайшего дома вылетели, хрипло вопя, трое вояк с копьями и бросились в атаку.

Ромка восстановил равновесие, отпрыгнул вбок, уклонившись от нового тычка копьём. Нападавший рыкнул, бросаясь вперёд:

— Убью, болотная крыса! — и Роман узнал его. Это был Свистун, товарищ Губотряса. Глаза его, красные на чёрном от пыли и копоти лице, бессмысленно шарили вокруг, словно ничего не видя.

— Свистун, это я! — перехваченным горлом выкрикнул Роман, отпрыгнув вбок и увернувшись от нового удара.

Солдат неуверенно завертел головой. Копьё его опустилось, и Ромка увидел, что Свистун едва понимает, что происходит.

Двое других бестолково тыкали копьями в Рэма. Тот с удивившей даже Ромку лёгкостью подпрыгнул, в прыжке оттолкнулся от стены дома и свалил с ног ближайшего к нему противника. Тот повалился в пыль, толкнув второго, и Рэм тут же подсёк тому ногу. Сын Дикого Кота бросился на подмогу со своим топориком.

— Нет! — гаркнул Рэм и двумя точными ударами оглушил обоих противников, не дав им подняться с земли. — Они мои!

— Это дым, — сказал сын Дикого Кота и фыркнул. Глаза его, тоже покрасневшие, лихорадочно блестели, ноздри раздувались, втягивая белёсую, едкую гарь. — Он ударяет нашим врагам в головы, и их легко одолеть.

— Что за дрянь такая, — Рэм тяжело дышал, глядя на бестолково топчущегося на месте Свистуна. — Они пьяные?

— Наши женщины всё лето собирают листья молочного дерева, — сказал молодой охотник. — Они находят его на болоте, срывают самые молодые побеги и сушат их под крышей дома. Много-много листьев. Их можно толочь и делать яд для стрел. Можно зажечь, и дышать этим. Наши жрецы видят духов...

— Враги глупые, зажгли дома. Теперь они как пьяные, — подхватил его брат. — Они потеряют нас в дыму.

— Они в этом дыму перережут и вас и себя! — Роман взял за плечо Свистуна и потряс его. — Очнись! Это я, Ром. Где остальные? Где Губотряс?

Тот неуверенно махнул рукой:

— Там. Ищет предателей. Эти мерзавцы проткнули копьём нашего Кривоноса и сбежали. Прихватили девок и ушли. Мы тоже хотим девок.

Свистун всё оглядывался вокруг и моргал. Из глаз его текли слёзы, прокладывая мокрые дорожки по копоти на щеках.

— Какие предатели? — потряс его за плечо Роман.

— Шарик и его парни. Ублюдки-козопасы из козьей долины. Тебя не было три дня. Они сказали, что ты уже не вернёшься. Что надо идти за добычей, пока болотные крысы не опомнились.

Ромка покачнулся. Три дня? Они с Рэмом проспали три дня на этом чёртовом болоте? Вот почему трезубец, который он оставил, уходя на болото, у края тропинки, весь зарос паутиной.

Он обернулся к молодому охотнику:

— Мы спали три дня?! Почему вы мне не сказали?

Сын Дикого Кота отшатнулся, испуганно глядя на Ромку:

— Мы думали, так должно быть. Ты говорил со своим отцом, сын бога. Мы не могли тебе мешать...

— Проклятье!

— А дымок-то ядрёный, — сказал Рэм, принюхиваясь. — Как бы и нам крышу не снесло.

— Скоро наши мужчины вернутся с охоты, и перебьют ваших людей, — зло сказал сын Дикого Кота. — Сейчас в городе только женщины и старики. Подождите немного, и здесь будут только трупы.

— Нет, не будут, — Ромка оторвал от рубахи кусок полотна, снял с пояса кувшинчик с водой и намочил ткань. Завязал лицо, прикрыв рот и нос. — За мной. Мы остановим их, пока не поздно.

* * *

Один из сыновей Дикого Кота побежал вперёд, показывая дорогу к центру города. Оттуда гуще всего валил дым, и слышались приглушённые расстоянием крики людей и звон оружия.

Роман заставил всех обмотать лица мокрыми тряпками, отчего его отряд стал похож на горстку ниндзя — потемневшие от болотной грязи, пыли и едкого дыма, они неслись по узкой улочке вслед за своим проводником.

Отряд пробежал узкой улочкой, свернул на ещё одну, чуть пошире, где можно было бежать по трое. Наконец впереди из сизой дымки выросла стена дома. Этот был выше остальных и сложен из массивных кусков неотёсанного камня. Над ним вились густые струи дыма, просачиваясь из щелей в крыше и узких окон.

— Здесь! — крикнул молодой охотник.

Перехватив топорик, он бросился за угол дома и исчез. Они побежали за ним, обогнули угол и вылетели на круглую площадь.

Их не заметили. На круглой площадке, выложенной булыжником, рубились и умирали люди.

Два десятка местных, которых было легко отличить по одежде из шкур и болтающимся на поясах черепакам мелких животных, собрались на середине площади. Мелькали топоры на длинных рукоятках, развевались седые бороды. Охотники, слишком старые, чтобы ходить в лес, остались охранять город. Теперь они отбивались от наседавших на них захватчиков, встав плотным кольцом вокруг какой-то статуи на постаменте.

Ромка увидел, как один жилистый, чёрный от загара старик ловко отбил самодельное копьё и пнул в живот зарвавшегося противника. Тот скрючился и отлетел назад, под ноги нападавших. В образовавшуюся брешь тут же сунулся другой, и получил обухом по лицу.

Из дома вождя распалившиеся вояки тащили упирающихся девиц. Девицы кашляли. Из окна выпрыгнул язык огня и лизнул край черепичной крыши. Вояки торопились убраться прочь от исходящего дымом и дышащего огненным жаром, жилища.

Из-за двери доносились истошные вопли и треск, словно там ломали мебель. Потом оттуда выкатились, сцепившись, как коты, двое. Один, солдат в кожаном нагруднике и круглом шлеме, оказался сверху. Он боднул в лоб отчаянно брыкающегося соперника, и тот

обморочно закатил глаза. Из разжавшейся руки его выпал какой-то круглый предмет. Человек в шлеме и нагруднике отпустил обмякшего противника. Меч его звякнул о камни площади, солдат перекатился на бок, встал на четвереньки и замотал головой.

— Стойте! — крикнул Роман, но голос его утонул в какофонии звуков. — Остановитесь!

Взгляд его упал на предмет, выпавший из руки ушибленного в лоб мародёра. Ромка нагнулся и поднял его. Это был рог быка, длинный, белый, затянутый в металл и отполированный до блеска. С одного, узкого конца его был укреплен крохотный металлический раструб с дыркой посередине.

Ромка глубоко вдохнул, приложил раструб ко рту и изо всех сил прогудел в рог. Неожиданно сильный, высокий звук вспорол вязкую паутину воплей и стонов. Он накрыл площадь и прокатился до стен домов оглушительной, звенящей медной волной.

— Солдаты! — крикнул Роман. Теперь его слышали все. — С вами говорю я!

Люди на площади замерли. Множество лиц повернулось к нему. Оскаленных, искажённых, залитых потом и кровью.

— Слушайте! — выкрикнул Ромка. Слова. Нужно найти верные слова. Остановить это. Прекратить убийства.

На мгновение всё затихло. Люди смотрели на него, замерев с оружием в руках. И все вдруг услышали, как за лугом, на окраине, взвился ввысь и раскатился на горящими крышами звенящий трубный голос. Звук-близнец того рога, что Ромка сейчас держал в руках.

— Это наши мужчины, — сказал сын Дикого Кота. — Они пришли убивать.

— Слышите?! — выкрикнул Роман, драматическим жестом ткнув рукой туда, где затихал звук рога. — Это пришла ваша смерть.

Толпа содрогнулась, копья в руках дрогнули, люди затоптались, стали крутить головами. Неожиданно налетевший порыв ветра сдул клочья дыма, и над площадью засияло солнце.

— Мы отступаем. Берите ваше оружие, и идите за мной! — он посмотрел на толпу своих солдат. Добрая половина их пошатывалась от дыма и выпитого вина — на земле кругом валялись осколки разбитых кувшинов и кляксами темнели бордовые пятна. Ромка не хотел даже догадываться об их происхождении. — Тот, кто останется, погибнет.

— Мы не трусы! — выкрикнул человек из толпы. Ромка узнал его — это был один из козьих пастухов. — Почему мы должны убегать, как собаки, бросив добычу?

— Мы не можем сейчас драться! — ему стало ясно как день: если сейчас он даст слабину, если позволит им перекричать себя, всё будет кончено. Все жертвы будут напрасны. Даже тот человек, которого он едва знал, и что лежит сейчас с перерубленной шеей на улице города, пропадёт зря.

— Мы надерём задницы этим болотным крысам! — крикнул пастух. Он вышел вперёд и уставился на Ромку. — Где ты был, когда мы брали этот город?

— В чужом городе, нанюхавшись дыма, вы можете только трахать девок, — сказал Роман, выходя навстречу Шарику. Теперь он понял, почему того так зовут. Буйные рыжие кудряшки, словно пушистая шапочка, окружали голову парня, так что тот походил на нестриженного пуделя. — Я убью тебя голыми руками, предатель. А потом мы уйдём.

Время кончалось, оно утекало сквозь пальцы, как вода. Рыжий успел осознать его слова, успел даже схватиться за длинный нож на поясе, и вытащить его из ножен. Ромка шагнул к нему, отбросил руку с ножом, и, глядя в наглые, пьяные глаза, коротко ткнул его в кадык.

Мелькнуло на краешке сознания лицо тренера, его слова: «Никогда не делай так, парень. Разве что не будет другого выхода...» Ромка мотнул головой. Выхода не было.

Рыжий предатель скорчился у его ног, хрипя и держась за горло.

— Добей его, — бросил Ромка сыну Дикого Кота. Отвернулся, чтобы не видеть, как блеснул над кудрявой головой топорик молодого охотника.

— Уходим! Все за мной!

Никто больше не возражал. Голос рога звучал уже совсем близко.

* * *

Молодой охотник бежал впереди, указывая короткий путь из города. Без него они заблудились бы в узких, затянутых дымом улочках, и Роман только гадал, топая следом и слыша, как стучат ногами по утоптанной земле его солдаты, почему сыновья Дикого кота им помогают. Ведь соплеменники, да и отец — Дикий кот — не простят юнцов. Второй мальчишка пристроился рядом, прочно заняв место Ромкиного телохранителя. Диковинного телохранителя с топором на длинной ручке и черепами лисиц на поясе.

Когда они выбежали на покрытый кудрявой травкой луг на окраине, и впереди

поднялись деревья лиственной рощи, сзади послышались приглушённые расстоянием крики преследователей. Потом что-то коротко прощуршало в воздухе, и несколько Ромкиных солдат, бежавших позади всех, упали на землю. Из спин их торчали древки стрел, украшенные перьями хищной птицы.

После этого отступление пошло гораздо бодрее, и арьергард едва не обогнал авангард, оттоптав передним все пятки.

* * *

Кудрявая трава луга сменилась спутанным ковром лесной травы, потом влажная земля смешанного леса незаметно перешла в упругую хвойную подстилку сосновой рощи. Их больше не преследовали. Можно было не бояться удара в спину, стрелы вдогонку или другой пакости. Воздух перестал раздирать лёгкие, и снова легко лился в разгорячённое горло.

Роман замедлил бег, перешёл на шаг, потом развернулся и трусцой пробежался назад. Войско его теперь больше походило на стадо испуганных овец. Правда, некоторые овцы сумели утащить в своих копытах добычу. Ромка увидел среди усевшихся под деревьями или просто повалившихся на землю людей не меньше десятка женщин.

Сын Дикого Кота, чьё дыхание и лёгкий топот ног он слышал всё время за своей спиной, вдруг вскрикнул так пронзительно, что Роман обернулся. Молодой охотник смотрел на девушку, которую едва отдышавшиеся вояки уже тащили под ближайший кустик.

Прежде чем Ромка успел его остановить, тот бросился к похитителям. Блеснул в воздухе топорик, а девица завизжала так, что у Романа заложило уши. Один из тащивших девушку, крепкий, жилистый солдат, уклонился от удара, перехватил руку с топором, и пнул молодого охотника в живот. Тот охнул, согнулся и отлетел назад. Второй сын Дикого Кота, подоспев на помощь брату, тоже кинулся в драку. Девушка истошно визжала, обхватив ладошками лицо.

Товарищи жилистого солдата налетели с двух сторон на молодого охотника, сбили его с ног и принялись охаживать по бокам. Его брат, отдышавшись от удара в живот, обернулся к Ромке и крикнул:

— Останови их, сын бога! Это моя Лисичка!

Звук, пронзительный, словно десяток девиц взвизгнули разом, раздался прямо над ухом в Романа. Драчуны застыли на месте. Рэм ухмыльнулся двойнику. Он стоял рядом, и в руках его был тот самый рог, затянутый в металл, длинный и блестящий, который они нашли в горящем городе.

Похитители, только сейчас заметившие своего вожака, смутились. Девушка умолкла и отняла ладошки от лица.

— Это Лисичка! — повторил сын Дикого Кота.

— Хватит! — скомандовал Роман. — Делить добычу — обязанность вождя! Кто из вас хочет бросить мне вызов?

Он увидел испуг на лицах своих вояк. Бывшие рабы, которых совсем недавно пороли плетью и гоняли на работу без пощады. Ромка сжал зубы. Ещё немного, и его войско превратится в стадо головорезов и насильников.

— Что, никто не хочет? — он повернулся к Рэму: — Играй сбор командиров. Я буду ждать их под сосной. А ты, Лисичка, пойдёшь со мной. Мои люди будут охранять тебя.

— Здесь ещё Кошка, — пискнула девушка. Теперь она смотрела на Ромку во все глаза. Он невольно скользнул взглядом по её тоненькой фигурке, едва прикрытой тряпицей жалкого платица. Будь это в его мире, где-нибудь на пляже, он решил бы, что на ней нечто вроде купальника в стиле сафари.

Из-за дерева робко выглянула вторая девушка. Личико её было перепачкано сажей, волосы спутались, от платица осталось ещё меньше, чем у подруги. Она вышла вперёд и, не пытаясь прикрыть обнажившуюся маленькую грудь, взглянула на Романа.

Глаза её влажно блеснули из-под упавших на лоб локонов, и Ромка ощутил мгновенный укол в сердце. Что-то заныло там, где, как он наивно думал, давно всё зажило.

Ни ростом, ни фигурой, ни лицом — ничем эта девушка не напоминала Ангелину. Только взгляд, и от этого взгляда — сладкое и одновременно мучительное чувство в груди. Да ещё мурашки по коже. Так было всегда, когда Ангелина смотрела на него, прикасалась к нему или просто брала за руку.

— Охраняйте добычу! — коротко бросил Роман своим телохранителям, отвернувшись от этого взгляда, от манящих глаз русалки. — Рэм, сигнал командирам — на совет.

Рэм приложил крохотный металлический раструб ко рту и выдул призывный сигнал. Ромка поморщился, уловив в раздавшейся весёленькой мелодии что-то вроде: «Вставай, вставай, штанишки надевай!»

Он отвернулся от своих людей и решительно зашагал вперёд, отыскивая взглядом подходящее место для совета. Дыхание постепенно выровнялось, и он теперь он ощущал только ледяную, неутихающую ярость.

* * *

Ромка остановился возле старой, раздвоенной, словно вилка, сосны, и воткнул трезубец в землю. Заострённое на конце древко вошло в почву на добрую ладонь. Он вытянул руку, закрыл глаза и коснулся пальцем кончика носа. Потом открыл глаза и посмотрел на ладонь. Пальцы не дрожали. Совсем.

Никогда он ещё не чувствовал себя так странно. Он был зол и одновременно очень спокоен. Сам себе Ромка казался сейчас не человеком, а роботом из фильма. Хорошо отрегулированным автоматом с имитацией жизни.

Он отыскал взглядом подходящий камень, плоско выпиравший из-под сухой хвои, и уселся, положив под ноги синий щит.

Опустив голову, он слушал шуршание шагов своих командиров. Видел, как ноги в грубых кожаных сандалиях, в сандалиях, сплетённых из верёвки, и просто босые ступни топчутся возле него, и выстраиваются в неровный полукруг напротив. Потом он поднял голову и оглядел тех, кто собрался на совет.

Они стояли молча и смотрели на Ромку в упор. Загорелые, жилистые мужики и несколько совсем молодых парней. Губотряс, в своей кожаной безрукавке и с мечом у пояса занял место с края, и встал там, прочно расставив ноги. Лицо его было густо покрыто копотью в извилистых полосках пота.

— Здесь не все, — сухо заметил Ромка. Он прекрасно знал, кого здесь нет: Кривоноса и рыжего козьего пастуха. Но пусть командиры скажут об этом сами.

— Ты приказал убить нашего старшего, Шарика, — хрипло сказал молодой парнишка

напротив. — Твой слуга отрубил ему голову своим топором. Мои земляки прислали меня сказать тебе...

— Где Кривонос? — холодно прервал его Роман.

— Он убит, — отозвался Губотряс. — Козий пастух ткнул его копьём в сердце.

— Шарик убил своего товарища по отряду, — так же холодно отметил Роман. — Что он ещё сделал?

— Бросил лагерь, — в тон ему ответил Губотряс. Он взглянул на своего предводителя, и в глазах его блеснуло понимание.

— А ещё он попытался ограбить чужой город, — подсказал Рэм со своего места возле Ромки.

Он стоял, прислонившись к сосне, и рассеянно водил пальцем по металлическим полосам на теле рога. Ромка посмотрел на двойника, но не смог поймать его взгляд.

— Это не преступление! — голос парня напротив сорвался и пустил петуха.

Роман оглядел свой совет.

— Преступление — ослушаться моего приказа, — ровно произнёс он, в упор глядя на парня. — Я велел вам ждать, пока бог говорит со мной. Те, кто ушёл, нарушили клятву верности и лишились благословения божества. Видите, к чему это привело?

Губотряс согласно кивнул. Остальные командиры переглянулись, и на их лицах явственно прочиталось облегчение. Ромке даже казалось, что он слышит их мысли: «Сын бога вовсе не против грабежа. Не против девок. Он желает послушания. Шарик ослушался, и был наказан. Только и всего».

— Тот, кто верен, будет вознаграждён. Тот, кто нарушит приказ, будет наказан. — Твёрдо сказал Роман, встав с камня и положив открытую ладонь на сердце. — Сейчас мы должны сделать вот что...

— Полтора землекопа. Две лопаты на троих.

— Не смешно, — Ромка яростно почесался. Комары рядом с болотом были похожи на летающие шприцы со зверским аппетитом. Лагерь пришлось перенести на сухое, обдуваемое ветерком место. Низины, с их хлюпающей под ногами почвой, ядовито-яркими травой и цветами, и жужжащим комарьём, не годились для постоянного жилья. Да и для временного тоже. Наконец нашлось подходящее место, где можно было упасть на землю и вытянуть гудящие ноги.

— А механизировать процесс не пробовал? — Рэм сидел на свежесрубленном пне, положив ноги на другой.

Рядом красовался трезубец с насаженной на острия головой злосчастного Шарика. Голову тащил от самого города один из бывших пастухов, чтобы предъявить Роману. Кому из командиров пришла в голову идея водрузить на зубцы страшный трофей в назидание остальным, осталось тайной.

«Рубите деревья. — Скомандовал Роман своему присмирившему войску. — Возводите полосу укреплений вокруг лагеря. Те, кто ослушался своего вождя и устроил несанкционированный грабёж, назначаются в команду ассенизаторов... э-э, строителей отхожих мест. Во имя богини Гигиены!»

Присмирившее войско бросилось выполнять. Никто не хотел навлечь на себя ещё большие беды. Никому не хотелось очутиться на месте Шарика — рыжая голова на шесте, тушка отдельно. Да ещё эта загадочная богиня Гигиена...

— Механизировать? У тебя есть трактор в кустах?

— Зачем трактор? У нас есть пара хороших волов. Ну, тех, что твой покойный Шарик таскал за собой всю дорогу.

— Я пахать не умею, — Ромка вспомнил волов. Ну конечно, те самые, что остались от вырезанной пиратами семьи торговца, встреченной ими по дороге в царский дворец. Запасливый Шарик гнал их позади отряда всё это время. Они и сейчас паслись вместе с лошадьми, подаренными Ястребом.

— Ты же вождь божественного происхождения. Ты должен всё уметь.

— Где я тебе плуг возьму? — огрызнулся Роман. Ещё немного, и эта отрубленная голова завоняет. Вон, мухи уже налетели. Он прихлопнул одну на ногу и опять почесался. Ещё не хватало заработать себе малярию. Чем лечатся от своих болячек аборигены, ему не хотелось даже думать.

— У дедушки попроси. Он не откажет.

— Нет.

— Туруша не умеют охотиться. Туруша умеют воевать. — Девичий голосок заставил его вздрогнуть.

Это была Кошка. Ромка так старался забыть, что рядом сидят захваченные в городе женщины, что ему это почти удалось. Сейчас он только глянул на голые коленки девушки и поспешно отвернулся. Почему она не прикроет свою грудь? Кудряшки до пояса не в счёт. Ничего они не скрывают. Даже наоборот.

Ромка старательно уставился на отрубленную голову на трезубце, так пристально, что заслезились глаза. Смотри лучше на мух, что ползают по мертвечине. Вон, какие жирные,

зелёные. Дрянь какая. А коленки у Кошки загорелые, и на правой свежая царапина. И руки, аккуратно сложенные на коленках, маленькие, как у ребёнка. Когда, наконец, они выкопают эти ямы для туалетов?

Всего женщин оказалось ровно две дюжины. Кошка, Лисичка, и ещё пара десятков девиц разного возраста, от тощей малолетки с едва наметившейся грудью, до чернявой толстухи с фигурой табуретки. Эту красотку, больше похожую на раскормленного парня, захвативший её вояка никак не хотел отдавать под присмотр вождей, жадно хватаясь за массивную талию девицы, и пожирая глазами тугие округлости.

Теперь все женщины сидели тесной кучкой возле Ромки и Рэма, ожидая своей участи. «Пока лагерь не будет построен, никаких баб!» — объявил Роман, и работа закипела с невиданной быстротой. После окончания работ — о чём было обещано протрубить в рог — вожди обещали брачный пир и танцы.

«Всех переженем!» — заявил Рэм, и Ромка, не успев ему помешать, согласно кивнул. От костра, на котором жарилась дичь и запекались коренья, плыл умопомрачительный аромат. Чудом не выпитые ещё бурдюки с вином ждали своего часа.

Кошка с Лисичкой сидели рядышком, как два озябших воробья на ветке. Лисичка поддержала подругу:

— Люди царя могут только разводиться. Наши мужчины умеют загонять зверя и убивать врагов. Нельзя тревожить землю. Боги будут разгневаны.

— Молчи, женщина, — веско сказал Рэм.

Лисичка испуганно взглянула на него и прижалась к подруге. Кошка привстала и дотронулась пальчиками до Ромкиной коленки:

— Скажи, вождь злых людей Ром, кого ты предназначил нам в мужья?

— Сыновья Дикого Кота хотят вас... взять себе, — Ромка посмотрел ей в глаза. Лучше бы он этого не делал.

— Мы их не хотим, — презрительно сказала девушка. — Я хотела их отца, но он не будет брать вторую жену. Он слишком любил свою Перепёлку.

Лисичка согласно кивнула.

— Так кого же ты хочешь, красотка? — промурлыкал Рэм. Он беззастенчиво разглядывал девичьи ножки.

— Мне нужен настоящий мужчина. Вождь над людьми, — гордо сказала Кошка, и Лисичка опять кивнула. — Я рожу ему много сыновей.

— И ты уже знаешь, где его искать? — спросил Рэм, расправив плечи и приосанившись. Ромка отвернулся. Его второе «я» явно храбрее его самого. У него язык присох во рту, когда он услышал слова девчонки.

Он услышал, как Лисичка тихо охнула. Рэм молчал, и Ромка услышал, что тот вдруг перестал дышать. Потом двойник хрипло хохотнул, и сказал:

— Я так и знал.

Роман обернулся. Кошка смотрела на него в упор. Лисичка прикрыла рот ладошкой, то ли смеясь, то ли ужасаясь. Рэм кривил губы, и Ромка узнал этот взгляд. Точно такое лицо было у самого Ромки, когда он проиграл первое место на кубке города.

— Пою тебе, бог Гименей, ты соединяешь невесту с женихом... — выводил ломким тенорком Роман слова эпиталамы, нещадно перевирая музыку Антона Рубинштейна. — Ты любовь благословляешь, бог Гименей, бог Гименей!

Брачующиеся внимали. Над поляной гирляндами небесных фонарей мигали первые звёзды. Оглушительно трещали цикады. Пары избранных по жребию женихов и невест стояли, взявшись за руки. Остальные столпились вокруг, предвкушая угощение. Грубо сколоченные столы с жареной дичью и чашами для вина, заботливо покрытые листьями и украшенные дикими цветами, притягивали взоры и носы.

Рэм извлёк последний дрожащий звук из арфы, и звон струн ещё какое-то время висел в воздухе, постепенно затихая над поляной. Роман поднял с камня чашу с вином, погрузил в неё пальцы и обрызгал густой багровой влагой стоящие перед ним пары.

— Плодитесь и размножайтесь. Любите друг друга в горе и в радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас. Да благословят боги ваш союз. Нарекаю вас мужьями и жёнами!

Счастливицы, которым по жребию выпали невесты, заулыбались. Девушки опустили глаза.

— А теперь мы будем есть, пить и веселиться, — торжественно объявил Роман, обводя строгим немигающим взглядом толпу своих вояк. Рэм рядом с ним скорчил такое суровое лицо, сделавшись похожим на известного артиста в роли подставного Ивана Грозного, что Ромка едва не фыркнул в самый неподходящий момент. — Во славу богов совершили мы это бракосочетание, и пусть ни одна ссора или обида не омрачат этот праздник!

Он перевёл взгляд на Кошку. Девушка сидела у его ног, прикрыв волосы и укутав плечи платком. Пёстрый кусок ткани принёс Свистун и протянул Ромке: «Свадебный подарок. Возьми, Ром». И смущённо добавил: «Негоже невесте вождя ходить с голыми сиськами». Лисичка сидела возле Рэма. Длинные, курчавые волосы её были убраны под полотняную повязку, глаза опущены, тонкие пальчики теребили помятый цветок маргаритки.

Ромка протянул руку, взял девушку за локоть и поднял Кошку на ноги. Она посмотрела ему в глаза и изогнула губы в улыбке.

— Женщинам не место на мужском празднике, — сказал он. — Жёны будут ждать своих мужей в отведённых для новобрачных жилищах. Жена моя, Кошка, ты подашь пример всем остальным и пойдёшь в наш шалаш. Жди меня там.

— Да смотри не засни, — проворчал Рэм, в свою очередь поднимая на ноги Лисичку.

Мужчины дружно загоготали. Девушки, опустив глаза и густо краснея, потянулись с поляны к свежестроенным шалашам. Кошка шла впереди, аккуратно переступая стройными ножками по траве. Принесённого Губотрясом платка не хватило, чтобы прикрыть девушку даже до коленок.

Кошка обернулась, блеснула улыбкой, и Ромка поспешно отвернулся. Он таращился ей вслед, как мальчишка.

Когда все отхожие места были устроены, шалаши поставлены, а столы утвердили посреди поляны, Рэм протрубил в рог, и Ромка в который раз удивился выносливости аборигенов. После всего, что случилось, любой его знакомый из того, покинутого им мира, давно свалился бы без ног. Его же войско, в предвкушении брачного пира, бросилось наводить чистоту в ближайшем ручье и отчищать одёжки от пыли и грязи.

Потом все собрались на поляне, и Кошка, потупив взгляд, протянула Ромке сплетённый ею веночек из мелких цветов. Ромка повертел в руках кольцо из плотно переплетённых стеблей ромашек, маргариток и неизвестных ему мелких ярко-синих звёздочек. Наверное, это какой-то местный обычай.

Он обречённо зажмурился, водрузил на голову девчачье украшение, а когда открыл глаза, на него смотрел Губотряс.

Тот молча подождал, пока его вождь утвердит на макушке парадный веночек, смущённо кашлянул, оглянулся на других командиров, что робко топтались сзади, и сказал: «Мы тут посоветовались и решили... Жребий, это справедливо, спору нет. Для нас, простых парней...» Он ещё помялся, и Свистун толкнул его в бок. Губотряс набрал в грудь воздуха и решительно произнёс: «Возьмите двух самых красивых девок себе, сыновья бога. Это наш дар для вас. Мы не будем бросать на них жребий».

Ромка посмотрел на свой совет. Не должны здоровые мужики смотреть на него, как школьники на учителя. Это неправильно. Он уже хотел отказаться. Хотел сказать, что это не справедливо. Но Рэм вдруг тихо сказал: «pourquoi pas?» и Ромка застыл с открытым ртом. «Почему бы нет?» — повторил по-французски двойник, и Роман вспомнил Ангелину. Её любимые словечки из фильма про мушкетёров. Миледи была любимой героиней девушки, и Ангелина всегда тщательно ухаживала за своими белокурыми локонами, считая, что они делают её похожей на ту стервозную дамочку с клеймом на плече.

Ангелина нашла себе лысого старика на крутой тачке. Ну, так Ромка нашёл себе кое-что получше. Он женится на маленькой кудрявой брюнетке. И боги с ней, со справедливостью.

Для жребия взяли мешок, написали на кусочках коры имена и старательно перемешали. Мальчонка Мухобой, раздуваясь от важности, притащил позабытую Ромкой арфу и отдал Рэму. Ромка взобрался на пень рядом с воткнутой на трезубец головой Шарика — её решили на всякий случай не убирать — мало ли что, и объявил начало церемонии.

* * *

Небо превратилось в сверкающую бриллиантовой крошкой, чернильного цвета мантию. Потрескивали, исходя чадящим дымом, факелы. Крепкие ладони отбивали зажигательный ритм на самодельном барабане. Визгливо пела флейта, в такт барабану топали босые ноги. Ромка смотрел, как пляшут бывшие рабы, солдаты и пастухи.

От свадебного угощения осталась груда костей и пустые чаши с вином. Опустевшие, плоские бурдюки из-под вина лежали на траве. Мятые цветы осыпались с венков и россыпью мелких душистых звёздочек остались на столе.

Такого танца он не увидел бы ни на одном концерте. Хлопали ладоши, под выкрики зрителей в сложном ритме стучали о землю пятки. Ни одной женщины не было в этом хороводе, да и не должно было быть. Это был танец мужчин. Танец воинов.

Рэм, сидя рядом, азартно притопывал ногой и отбивал ладонями ритм о доски стола.

— Эх, кабы не божественный статус, сейчас бы отжёл! — прокричал он Ромке, и тот едва расслышал его в этом шуме. — Гуляй, черноголовый!

Сменился ритм, стал другим, более плавным и дробным. Певцы понизили голос, перешли на речитатив. Танцоры перестроились и побежали по поляне, выделывая ногами затейливые кренделя. Потные лица блестели, зубы сверкали в улыбке — женихи плясали танец журавля.

Ромка хлопнул себя по руке. Нестерпимо чесалось плечо, над головой вился сытый комар. А в его шалаше сейчас тихо, темно и на земле поверх вороха веток постелена мягкая шкура молодой козы...

Танец затихал, хоровод двигался всё медленнее. Наконец танцоры закружились в заключительном пируэте, одновременно остановились, взмахнули руками-крыльями.

— Хайя!

Песня смолкла, зрители бешено зааплодировали.

— Пошли, — резко сказал Рэм. — Догуляют без нас.

— А их оставим? Вдруг что-то...

— Какая же свадьба без драки? — отрезал Рэм. — Пошли. Девчонки ждут.

Он наклонился к Ромкиному лицу и тихо сказал:

— Это не измена. Забудь. Клин клином вышибают.

— Знаю, — Ромка оглядел поляну, где затихал свадебный пир. Женихов хлопали по плечам, отпуская солёные шутки и давая ценные советы. — Тебе тоже кажется, что это навсегда?

— Что навсегда? — тихо спросил Рэм, и Ромка увидел на его лице отражение своего страха.

— Всё. Я боюсь, Рэм. Боюсь, что теперь, после свадьбы... это никогда не кончится. Что мы завязли здесь, как мухи. Навсегда.

— Если ты боишься, что втрескаешься в свою Кошку, давай, я сам к ней схожу. Отдам супружеский долг вместо тебя. Она и не заметит.

— Только попробуй! — прохрипел Ромка. В глазах почему-то потемнело, душный ком сдавил горло.

— Расслабься. Я пошутил. Иди к своей зазнобе.

— Да ты сам боишься, — зло сказал Роман. Туман перед глазами рассеялся, перехваченное горло отпустило. Нет, ему не страшно. — Боишься, что втюришься в Лисичку. Дон Жуан местного разлива!

— Вот сейчас и проверим, — двойник мотнул головой, и влажные от пота волосы упали ему на лоб. — Попытка не пытка.

* * *

В шалаше было тихо, тепло и пахло травой. Ромка, стараясь не шуршать ветками, пробрался внутрь. Всколыхнулся густой, как одеяло, воздух, что-то упругое подалось под рукой, и горячая ладошка провела по его лицу.

— Кошка...

Ладонек стало две, они заскользили по щекам, по шее, двинулись дальше, проникли под влажную от пота рубаху. Он растегнул пояс, пытаюсь разглядеть девушку в непроглядной

тьме.

— Кошка...

Горячие пальчики стали настойчивее. Смутный страх растаял, растворился в душистой темноте шалаша. Исчезло всё, кроме древнего, как мир, желания, и Ромка молча опрокинул жену на брачное ложе из шкуры молодой козы.

Рыжий язык огня лизнул вертел. Кусок мяса повернулся над костром, и Ромка с содроганием увидел, что это человеческая нога. Багровел аккуратно обрезанный, с кружком белой косточки посередине, кругляш бедра. На ступне пятидесятого размера корчилась от жара кожаная сандалия.

Его жена повернула к нему пылающее румянцем лицо и улыбнулась, показав белые зубы:

— Обед готов, муж мой.

— Кто это? Кого ты поймала?

Кошка повернула вертел, и на голени ноги показалась грубо вырезанное, словно ножичком на скамейке, имя: «Роман».

— Это моё имя! — хотел выкрикнуть Ромка, но язык с трудом ворочался во рту, и он только прохрипел: — Моё...

— Твоё имя — Ром, — пропела Кошка, сладко улыбаясь красными губами. — Я родила тебе сыновей. Посмотри!

Он посмотрел. Возле очага стояла сплетённая из прутьев большая корзина. Роман нагнулся над ней, приподнял уголок тряпки и заглянул внутрь. На мягкой подстилке из соломы ворочались, тихо попискивая, трое пушистых котят. Один, с полосками на спине, поднял голову, взглянул на Ромку голубыми младенческими глазами и пропищал:

— Па-а-а-па...

— А-а-а!

Ромка подскочил и ударился лбом обо что-то твёрдое.

— Просыпайся, Ром, просыпайся!

Он открыл глаза. Круглое, чёрное от загара лицо, кудлатая борода, вытаращенные глаза смотрят на него в упор.

— Кошка? — позвал Роман. Может, нет никакой жены, и свадьба ему только приснилась?

— Проснись, Ром, — повторил бородач, и Ромка узнал его. Один из его командиров.

— Сейчас, — хрипло сказал он, озираясь. Девушки рядом не было. На подстилке из козьей шкуры лежала скомканная тряпка, в которой он признал свою рубашку. Сам Ромка сидел на ложе в чём мать родила. Значит, свадьба всё-таки состоялась.

Он провёл по мягкой шерсти ладонью. Под рукой прощуршали увядшие, скрученные лепестки цветов из брачного венка. Он зажмурился, потряс головой, прогоняя ночной кошмар, и выбрался из шалаша.

Рассвет робко разливался над лесом. Из белёсого ковра тумана торчали чёрные, влажные от росы стволы деревьев и острые крыши шалашей. Оранжевым пятном в мутном сумраке светился костёр. Девушка у огня подняла глаза на выбравшегося из шалаша Ромку. Насажённые на прутья, над углями жарились тушки лесных голубей.

— Ром, здесь гонец из города. — Бородач в нетерпении переминался с ноги на ногу. — Мы поймали его у ручья. Говорит, ищет тебя.

— Пусть подождёт. — Роман полез в шалаш за рубашкой. Спиной он чувствовал горячий взгляд Кошки. Три полосатых котёнка...

— Родила царица в ночь, не то сына, не то дочь... пробормотал он, одеваясь в душной

темноте шалаша. Кто знает, какие дети могут получиться от него. Парочка близнецов или неведома зверушка?

Гонец оказался жилистым парнем с бритой налысо головой, в одной набедренной повязке из грубого полотна и верёвочных сандалиях. Одежда и сандалии изрядно запылились, а их обладатель выглядел так, словно бежал без остановки всю ночь. При виде Ромки он приложил ладонь к груди и склонил голову.

— Привет тебе, вождь беглых рабов и разбойников, достопочтенный Ром. Мой господин велел найти тебя, и я нашёл.

Ромка оглядел гонца. Вождь беглых рабов и разбойников?

— Кто твой господин?

Гонец выпрямился. Блеснули белки глаз на загорелом до черноты лице. Он поплевал на ладонь и принялся старательно тереть кожу на груди. Под его рукой слой кожи внезапно отстал, скрутился в трубочку и отвалился, открыв чистый участок тела.

— Обитатели болот не любят нас, жителей города, и не чтят слуг древнего бога. Мне пришлось скрыть его знак на моём теле.

Роман вгляделся. На свободном от грязи участке кожи величиной с ладонь темнела татуировка. Изогнутый посох, странного вида пузатая птица и что-то ещё, чего он не разглядел. То ли солнце, то ли просто звезда с толстыми лучами.

— Привет от дедушки, — он не заметил, как подошёл Рэм. Тот тоже стал разглядывать знак на потной груди гонца. — Уже соскучились?

— Мой господин велел передать тебе, достойный вождь, срочную весть. — Гонец расправил плечи, приосанился, голос его зазвучал твёрдо, словно посланец повторял заученную речь: — Великая опасность угрожает нашему славному городу. Этой ночью от границы прибыли вестники. На нас идут войной. Приведи к нам в помощь своё войско, вождь Ром, и мы будем рады тебе, как гордый отец может быть рад помощи доброго сына.

Гонец теперь смотрел на него в упор, и в чёрных глазах бритоголового парня Роман уловил тщательно скрываемый страх.

— Где этот враг, о котором ты говоришь?

— Это сильное племя, они называют себя сыновьями Белой Коровы. Наше счастье, что они не торопятся. Они перешли через горы, и теперь захватывают земли соседей, одно за другим. Рано или поздно сыновья Белой Коровы дойдут до нас.

— Прежде бывало такое?

Гонец пожал плечами:

— Когда-то наши предки так же пришли сюда, и заняли это место. Тогда мы были сильны, но годы мира ослабили нас. Покойный царь Амулетий ещё юношей ходил в поход на соседние племена. Теперь его воины постарели, а кони стали жирными.

Гонец понизил голос, и тихо добавил:

— Господин Ястреб отличный воин, но его войско слишком мало. Его не хватит, чтобы отогнать дикарей от наших домов.

— Вы могли бы послать за помощью к соседям. Здесь, в низине, живут хорошие охотники и храбрые воины.

— Прости, что назвал твоих людей разбойниками, Ром, — тяжело сказал гонец. По лицу его текли струйки пота и капали с подбородка. — Ты же знаешь, что жители низин ненавидят нас. Мы прогнали их из предгорий. Они будут только рады нашему поражению.

«Они и меня теперь ненавидят» — хотел ответить Роман. Его войско — толпа

малообученных простолюдинов. Ему бы парочку хороших инструкторов, чтобы сделать из этой толпы настоящее войско. Но ведь и те, что идут сюда с гор, как их там — сыновья Белой Коровы? — тоже не регулярная армия. Тогда будет достаточно небольшого перевеса, военной удачи...

— Так ты говоришь, воины царя состарились, а кони зажирели. Раз от них мало толка, пришлите их ко мне. Мы должны доверять друг другу. Пришлите ко мне своих людей. Они будут почётными гостями в нашем городе.

— Они не пойдут... — начал было гонец. — Ты сказал — в *вашем городе*, Ром?

— Да, — твёрдо ответил Роман. — Мы не сброд разбойников на привале. Здесь нет рабов. Мы свободные люди и решили построить город для себя и для всех, кто захочет к нам прийти. Пришлите ко мне своих ветеранов. У меня они станут генералами.

— Мой господин подвесит меня за ноги за такие вести, — пробормотал посланец.

— Не подвесит, — подал голос Рэм. Всё это время он тихо стоял возле Ромки, и разглядывал посланца царя. — Ты скажешь своему господину, что мы будем биться с захватчиками всей своей силой. Но сначала мы заключим с вами договор, где вы объявите нас равноправными союзниками.

— Равноправными?..

— Да. И главой союзных войск должен быть наш вождь — Ром.

— Вы хотите равного союза и командования над войсками? — не веря себе, проговорил гонец.

Лицо его побледнело под слоем пыли, и Ромка заметил, что парень вовсе не так прост, как казалось вначале. Должно быть, к ним прислали не обычного прислужника, а кого-то познатнее.

— У войска может быть только один вождь, — твёрдо сказал Роман, выразительно взглянув на Рэма. Нашёл время для торговли. Того гляди, дикари, сыновья Белой Коровы, нагрянут сюда и всем накрутят хвосты.

— Вот именно, — подхватил Рэм, не дав ему продолжить. — Помощь в обмен на равенство. Это справедливо.

Гонец откашлялся, сплюнул серой от пыли слюной на землю.

— Это ваше последнее слово, сыновья Фиалки?

— Да, — сказал Ромка. Рэма он прикончит потом. Нет, сначала прикончит, а потом открутит уши. Чтоб не лез. — Это наше последнее слово.

— Озеро — источник воды. Гора — удобное место для обороны. Пещера... ну, пещера — это тайный бункер вождя. Как тебе диспозиция?

— Только сортиры зря копали.

Ветер посвистывал над вершиной холма, синее выцветшее, без единого облачка, небо раскалённым листом металла изгибалось до горизонта. Над головой медленно выписывала круги хищная птица.

Пещера, где они когда-то пили вино, отравленное дедом-людоедом, и пели песни под звуки свирели, оказалась пустой. Никто так и не занял жилище, где в углу лежали человеческие черепа, и давно остыл очаг с множеством мелких обглоданных костей.

— Нет, не зря. Цитадель нам нужна. И женщин будет где спрятать, если что. — Роман оглянулся. На каменистой площадке возле входа в пещеру сияли доспехами под солнцем его новоприбывшие генералы.

* * *

Ветераны оказались крепкими мужиками лет сорока. Они появились на восходе солнца, и бывшие рабы застыли, глядя на блестящих воинов верхом на блестящих конях, что приближались ровной рысью по лесной тропе.

Всадник, первый остановивший коня у свежего частокола, пренебрежительно оглядел стражу у ворот. Явных аборигенов, в простых нагрудниках, собранных с бору по сосёнке, и с разномастным оружием, вчерашних рабов и козопасов.

Ромка едва удержался тогда, чтобы, подобно своим солдатам, не разинуть рот. Музей, зал древней истории. Рыцарский зал, где похожие на роботов воины восседают на своих закованных в сталь лошадях.

Всадники горделиво возвышались над пешими воинами, застывшими у ворот с копьями в руках. Горячо дышали и фыркали кони, в свете наступающего утра блеснул металл брони, и мягко переливалась багрянцем кожа ремней.

Теперь стало ясно, насколько реальность отличается от музейной копии. Эти были живые. Каждый кавалерист вблизи походил на биологический танк. Внушительный, пугающий и подвижный. И хотя на прибывших в лагерь всадниках оказалось не так много металла, как почудилось вначале, Ромка едва удержался, чтобы не попятиться в испуге. Что пехота! Один такой всадник порубит в капусту десяток его босоногих вояк, и не вспотеет.

Он шагнул к воротам.

— Я Ром. Вождь этих вольных людей. Кто вы и зачем пришли сюда?

— Я Филин с Лысого острова, — ответил воин, что первым остановился у ворот. — Я привёл к тебе всадников, вождь Ром. Таково было повеление господина и наше собственное желание.

Филин с Лысого острова скривил губы. Роман почувствовал, как узкие, чёрные глаза кавалериста ощупывают его лицо. Скользят по простой рубахе, по кожаному, в потёртых металлических заклёпках, нагруднику. Взгляд аристократа, попавшего на приём к безродному выскочке. Видно, желание прибыть сюда, в общество оборванцев, у этих бравых

воjak на самом деле было не слишком горячим. «Добровольно-принудительно», — усмехнулся Ромка про себя, вспомнив суровый облик дедушки Звездогляда — верховного жреца подземного бога смерти. И лицо Ястреба, советника и правую руку царя Амулетия. Покойного Амулетия, садиста и убийцы, сажавшего людей на кол по малейшему поводу. Правой рукой царя просто так не становятся.

* * *

— Туалеты нам ещё пригодятся. — Ромка зажмурился, подставив лицо палящему солнцу. Ветер высоты посвистывал в ушах, приятно обдувал потную спину. — Надо срочно укрепить лагерь. Это раз. Срубить все кусты на подходе к горе. Это два. Вырыть колодцы. Это три. И заняться муштрой наших оборванцев — четыре. Враг уже близко.

— Это зима бывает близко, — проворчал Рэм. — А наш враг тащится сюда со скоростью больного телёнка. Или грузёной телеги. Они же всё своё добро с собой тащат.

— Тем хуже для них. — Ромка яростно почесался. Проклятые комары. Аэрозоля на них нет.

Он обернулся к ветеранам.

— Скажи мне, Филин, подходит это место для устройства цитадели?

Ветеран подошёл ближе.

— Что ты хочешь здесь построить, Ром?

— Мой брат говорит, что хочет сделать это место неприступным для врага, — объяснил Рэм. — Чтобы никто не мог ступить на вершину холма без нашего ведома.

— Вы хотите назвать это место священным? — узкие глаза всадника скользнули по Ромке, и задержались на мгновение на странном синем щите, который тот взял с собой для внушительности.

— Священным?

— Недоступны только храмы и алтари богов, — ответил Филин. — Вы не говорили, что здесь святое место.

— Не хотели открывать тайну раньше времени. — Роман едва удержался, чтобы не зачесаться снова. Что за церемонии? Неужели нельзя просто огородить хорошее местечко стеной и назвать его крепостью? Теперь ещё храм возводи!

— Ну да. — Рэм повёл рукой в сторону чёрной дыры в скале. — Когда мы спали в этой пещере, нам во сне явился бог, и велел устроить здесь алтарь. Но с условием, что мы вернёмся сюда не одни, а во главе многих. Чтобы бог смог возрадоваться и получить богатые дары. Теперь эти люди здесь, и время пришло.

— Ваш бог требует богатых даров? И каких же? — тихо, скрежещущим голосом спросил Филин с Лысого острова. Ромка почувствовал, как по коже пошли мурашки. Надо ответить правильно, от этого зависит что-то важное.

— Наш бог не хочет кровавых жертв, — наконец произнёс он. — Если ему понадобится чья-то душа, он возьмёт её сам. Мы лишь должны оказать ему почёт. Цветами, богатым убранством и возлияниями — маслом и вином.

— Ваш бог двулик. — Филин отвёл взор от пещеры, и поочередно обвёл глазами Ромку и Рэма. — Он забирает человеческие души, и не требует ничего, кроме цветов.

Ромка видел, что лицо ветерана медленно бледнеет, а по вискам его катятся капельки

пота. Неудивительно, стоять на солнце запакованным с ног до головы в металл и толстую, крашенную в багряный цвет, кожу.

— Я слышал о нём, — тихо произнёс ветеран. — Одной рукой он приводит человека в жизнь, другой — открывает ему врата смерти. Ваш дед, Звездогляд, служит его мрачной ипостаси. Оградите это место, сыновья Фиалки. Оно не для всех.

Они спустились в лагерь, где половина деревьев уже была вырублена, а с окрестных холмов притащены камни для возведения первых домов. Филин молчал всё время, что они пробирались по узкой тропе вниз, к подножию холма, и заговорил лишь, когда впереди показались заточенные поверху брёвна ограды:

— Я вызову из города лучшего архитектора, сыновья Фиалки. У вас будет алтарь, достойный бога. И каменный храм, достойный алтаря. Вы сложите туда свои дары, когда мы разобьём сыновей Белой Коровы, и отрубим им головы. Двумикий бог будет доволен.

— Я же сказал — наш бог не требует кровавых жертв, — Ромка не сдержался, и поскрёб ногтями руку, держащую синий щит. — Никаких отрубленных голов здесь не будет.

— Кровь врага — царю, вино — богу, — церемонно отозвался ветеран. — Каждому своё.

Рэм кашлянул, глядя на Ромку, и тот не нашёлся, что сказать в ответ.

* * *

— Муж мой, — Кошка провела горячими ладошками по его лицу, по шее, коснулась руки. Роман почувствовал, как дрожат её пальцы. — Муж мой, почему ты сердишься на сыновей Дикого Кота?

— Я не сержусь на них. — Горячее мясо и сваренное молодой женой пиво приятно грело желудок. В темноте их жилища глаза Кошки влажно блестели, от кудрявых, тщательно вымытых и уложенных венцом на голове волос упоительно пахло цветами. — Сними платье.

— Тогда почему ты так суров с ними?

— Я не суров. — Ромка потянул завязки на её поясе. Ещё не хватало нянчиться с каждым обиженным юнцом. Подумаешь, жён при жеребьёвке не досталось.

— Возьми их к себе в дом. Завтра нам построят новый дом, из камня и дерева. Вождь не может жить в шалаше. Сыновья Дикого Кота храбрые воины. Они будут охранять тебя и твой дом.

— Я тебе не царёк какой-нибудь, — Ромка отшатнулся, и жена принялась торопливо гладить его грудь и плечи. — Ты мне ещё раба с опахалом приставь. Мух отгонять.

— Если хочешь, мой господин, мы найдём человека, который будет отгонять от тебя...

— Хватит! — гаркнул Роман.

Кошка замолчала. Он скорее услышал, чем разглядел в темноте, что она запахивает платье, и отворачивается к стене.

— Послушай, не надо мне этих почестей, — примирительно сказал он, пытаясь повернуть её к себе. — У нас нет рабов. Здесь только свободные люди, понимаешь?

— Ты мог бы оказать честь моим родственникам, — прошептала молодая жена. Он услышал, как зашуршали завязки на её одежде. Она повернулась, и он вдохнул запах её волос и свежей травы. — Дай им место в своём доме.

— Ну хорошо, хорошо, — пробормотал он, возясь с непослушными тесёмками. Она

придвинулась ближе. — Только зарплату мне им платить нечем...

— Что? — удивилась Кошка. — Ты можешь пообещать им часть добычи, когда вы разобьёте пришлых дикарей. Дай им долю в добыче и кусок земли, муж мой, и они будут вечно благодарны тебе.

«Кусок земли? — подумал Ромка, стянув, наконец, с жены последнюю тряпочку. — Дай им палец, они всю руку откусят. Чёрт, как меня комары покусали. Будут благодарны. Благодарны до смерти...»

Кошка застонала, и последняя разумная мысль улетучилась из головы вождя.

— Помните — это ваша земля. Вы свободные люди, и никто не отнимет дом, который вы построили. Если мы не защитим себя сами, никто нас не защитит. К нам движется чужое племя. Они хотят взять себе нашу землю, наши дома и наших женщин. И только от нас зависит, получают они всё это, или нет.

Роман оглядел своё войско. С возвышения, на котором он стоял, был виден лагерь вплоть до прочной стены из камней и брёвен. Рядом с трибуной, по правую и левую руку вождя, стояли сыновья Дикого кота. Узкие топорики у них на плечах, начищенные до зеркального блеска, отбрасывали солнечные зайчики. Новые, длинные рукоятки топоров перевиты шершавой кожей, и украшены поверху метёлкой ярких перьев. Символ их новой службы.

«Адъютанты-головорезы» — мельком, уже привычно подумал Роман. Когда он впервые появился на совете командиров в сопровождении мрачных юнцов с топориками на плечах — приделать новые рукоятки придумала Кошка, и братья неожиданно согласились — ему казалось, что все будут смеяться. Но командиры и глазом не повели. А глава всадников, Филин, одобрительно оглядел молодых охотников с топориками на плечах, и сказал Роману после совета, понизив голос: «Мудрое решение, Ром. Прекрасный выбор». И Ромка остался гадать, что в этом выборе прекрасного.

Сейчас ворота лагеря были открыты. Войско стояло перед ним, выстроенное командирами. Пехота — легковооружённые воины с пращами и дротиками — их большинство. Воины постарше — эти в стёганных нагрудниках, в руках копья, у плеча — тяжёлые деревянные щиты. Всадники на боевых конях. Этим мало, но они самая боеспособная часть войска. Элита, которую Роман собирался использовать в исключительных случаях.

Особняком стоят пехотинцы под началом Губотряса и его брата Свистуна. Оружие и доспехи для них пришлось привезти из города — столицы народа туруша. Теперь там правил брат покойного Амулетия, старый жрец Звездогляд. Когда двойник вернулся из столицы, привезя в лагерь оружие и доспехи, Ромка в очередной раз убедился, что денежный вопрос неистребим, как тараканы.

* * *

За оружием в город к «дедушке» ездил Рэм. И если бы не поддержка Ястреба, который принял личное участие в переговорах с торговцами оружием, кредитные обязательства Романа взлетели бы до небес.

Глядя на ровный строй пехотинцев с прямоугольными щитами, оббитыми по краю металлом; на их короткие мечи у пояса; на круглые шлемы с перьями на макушке (Рэм, как ни торговался, не смог убрать из списка пункт об этих перьях); на копья с длинными, сияющими на солнце наконечниками, Роман думал о цене, которую ему придётся за всё это заплатить.

«Заплатите, когда разобьёте врага, — сказал тогда старший торговец, жирный старик с бородой колечками, глядя на Рэма глазами выжиги. — Сыновья Белой Коровы захватили

большую добычу. Они движутся сюда на телегах, нагружённых разным добром, со своими жёнами и детьми. Приведите нам много молодых рабынь, сыновья Фиалки, и вы покроете половину своего долга».

«А вторая половина? — спросил Рэм, взвешивая в руке образец оружия — короткий меч в деревянных ножнах. — Что вы хотите, кроме рабов?»

«Мы хотим... — жирный торговец взглянул в лицо Ястреба, сидевшего тут же и молча смотревшего в огонь очага, и поперхнулся. — Наш город нуждается в золоте, животных для жертвоприношений, и хорошем металле для кузнецов. Враги наши носят оружие. Мы можем взять у вас пятую часть оружия, захваченного в бою».

«Десятую часть», — отрезал Рэм, и, если бы не Ястреб, не сторговаться бы ему тогда до седьмой.

* * *

— Клянусь не посрамить своего оружия, не бросить товарища в бою. Клянусь защищать священный алтарь и землю, и жилища, что построены на ней. Обещаю, что буду выполнять все распоряжения своих вождей и командиров, и не буду слушать тех, кто станет говорить против них. А если кто-то захочет причинить нам вред, буду бороться с ним всей своей силой. Приношу в этом священную клятву, и беру в свидетели богов, эту землю и всё, что на ней растёт и плодоносит. Клянусь хлебом, маслом и вином.

Воины повторяли вслед за вождём слова священной клятвы. Сияло солнце, над лесом метались вспугнутые хором голосов птицы.

— А я клянусь, — тихо проговорил Рэм, который стоял чуть позади Ромки, — что они заплатят за каждый кусок металла. За каждую ниточку доспеха на этих парнях.

Роман чуть повернул к нему голову, не в силах ответить ему сейчас. Слова клятвы гремели над лагерем.

— Ты знаешь, чем мы скрепили наш договор? — сквозь зубы говорил двойник, уставившись в пространство невидящими глазами. — Мы принесли жертву на алтаре. Такой маленький домашний алтарь. Мы зарезали ребёнка. И я там был, я бил с ними по рукам. Я пил их вино и ел их хлеб. Я улыбался им, чёрт возьми!

— Кто заплатит? — тихо спросил Роман.

Рэм не ответил.

Смолкли слова клятвы, затихло эхо голосов, мечущееся между лесом и склоном холма. Малец Мухобой, раздуваясь от важности, подвёл коня вождю, и Ромка взял у него поводья.

— Зря ты оставил меня здесь, — тихо сказал Рэм, глядя, как тот взбирается в седло.

— Мы же договорились. Никто не сможет сохранить лагерь лучше тебя.

— А ещё наших женщин.

Ромка обернулся. Двойник смотрел на него в упор, и он не впервые не смог понять выражения его лица.

— Береги себя, Рэм. — Роман толкнул коня пятками в бока.

— Помнишь, ты сказал, что боишься влюбиться в свою жену? — насмешливо сказал ему в спину Рэм. — Ты боялся, что станешь здесь своим. Что не захочешь возвращаться.

— И что? — Роман не стал оглядываться. Холодок пробежал у него по спине.

— Это уже случилось, а ты и не заметил.

— Ты сам такой, — хрипло отозвался Ромка, и пустил коня рысцой вдоль строя пехотинцев.

Конь уносил Ромку всё дальше от возвышения, на котором остался стоять Рэм. Двойник сказал вслед, и глухой стук копыт боевого жеребца заглушил его слова:

— Посмотри на свою руку, брат. Уже не такой.

* * *

Все слова были сказаны, все клятвы принесены. Стуча по утоптанной земле подошвами новых сандалий, пехотинцы развернулись, и зашагали прочь от лагеря. Воины под командой Губотряса повернулись дружно, как один человек. Сверкнули наконечники копий, качнулись перья на макушках шлемов. Заржали кони, застучали копыта, поднимая густую белёсую пыль. Войско двинулось туда, где синели холмы предгорий, и вилась дорога, уводящая через речную долину к горным вершинам на северо-западе. Навстречу наступающему врагу.

В лагере остался гарнизон. Ему предстояло охранять стену и возведённый на вершине холма временный храм. Пониже храма, в пещере, с тщательно замаскированным входом — там было оставлено только узкое отверстие, не видимое даже вблизи — таился алтарь двуликого бога. Узкую тропинку к пещере, взбирающуюся прихотливыми петлями по крутому склону, засадили кустами ежевики, и её длинные, усыпанные мелкими листьями побеги уже оплели каменистый склон холма, совершенно скрыв священное место.

Оставшиеся в лагере стояли и смотрели, как уходят их товарищи. Мужчины постарше, которых решили не подвергать трудностям похода, и умельцы, владеющие ценными ремёслами. Почти все женатые мужчины остались дома. На общем совете решили, что семейный человек будет всеми силами защищать свой новый дом. Всё лучше, чем в походе думать, чем занимается его оставленная в лагере молодая жена.

Женщины, глядя вслед уходящему войску, утирали глаза, а самая молоденькая, совсем ещё девочка, рыдала навзрыд, размазывая слёзы по круглому личику кончиком растрёпанной косы.

Кошка стояла отдельно от остальных. Он молча смотрела вслед мужу, сложив руки под грудь и выпрямив тонкую спину. Тщательно уложенные чёрные волосы короной сияли у неё на голове, искорками поблескивали в ушах серьги из блестящих камушков. Лисичка попыталась погладить подругу по руке, и Кошка недовольно дёрнула плечиком, не отводя глаз от дороги, по которой уходило войско её мужа.

Затих топот ног уходящей колонны, улеглась пыль от копыт боевых коней. Последний солнечный зайчик спрыгнул с кончика копья крайнего в ряду пехотинца, скрывшегося за склоном холма.

Кошка отвернулась. Скользнула взглядом по застывшему на возвышении Рэму, по стоящим возле него юным телохранителям, и двинулась по тропинке к холму. Туда, где белым пятном светился новенький храм — каменная площадка с почти игрушечным домиком из тёсаных глыб наверху.

Рэм хотел поймать взгляд Лисички, но жена прошла мимо, шепча что-то на ухо подруге. Женщины стали взбираться по холму вверх, и он проводил взглядом их загорелые ножки, ловко ступавшие по узкой тропинке. Над вершиной холма, медленно описывая широкие круги, плыла хищная птица.

— Береги себя, Ромка, — тихо сказал Рэм. — Ты будешь совсем один.

Отчаянно колотя руками по воде, беглец попытался ухватиться за камень. Мокрые пальцы соскользнули, голова с судорожно разинутым в попытке глотнуть воздуха ртом скрылась под водой. Бешено крутящийся между прибрежных валунов речной поток пенился и шумел.

Один из пехотинцев забрался на нависший над водой валун. Берег здесь изгибался, мокрые от брызг камни вдавались в реку острым углом. В пяточке водоворота между камней мелкие волны подпрыгивали, как живые, выбрасывая острые верхушки. Человек, жадно глотнув воздух, высунулся из воды, и пехотинец сунул ему в руки древко копья. Подтащил вцепившегося в древко бедолагу к себе, нагнулся, ухватил за волосы, и вытянул на камень.

Тот скорчился у ног спасителя, выкашливая воду. Солдат дал ему перевести дух, рывком поднял на ноги, и тычками копья в спину погнал прочь от реки.

Ромка смотрел, как трясущегося от холода и страха человека подгоняют к его палатке. Тощий, едва прикрытый мокрой, потерявшей всякий вид и цвет тряпкой, обмотанной вокруг бёдер, парень обхватил себя руками и уставился на вождя чужеземного войска. Со спутанных волос его струилась вода, кожа посинела от холода.

— Кто ты?

Тот закашлялся снова, и солдат подбодрил его тычком в рёбра.

— Меня зовут Бородавка, — хрипло выговорил тот. — Мы живём выше по течению, за Двухзубой горой. Жили...

Он всхлипнул и затрясся, переступая босыми ногами по земле. Там уже натекла изрядная лужа.

— Почему ты бросился в реку, когда увидел нас?

— Я подумал, что это они нагнали меня. Сыновья Белой Коровы, — парень затрясся, глаза его с безумным страхом шарили по Ромкиному лицу. — Они напали на селение, подожгли наши дома. Забрали скот, увели наших женщин. Я бежал весь день и всю ночь, потом без остановки шёл вдоль реки, только бы они не нашли меня. Они убили всех взрослых мужчин! Они и меня убьют, если найдут!

Солдаты, слушавшие трясущегося от страха парня, презрительно скривились.

— Два дня и ночь, — тихо сказал Филин. — Они уже близко.

— Расскажи, сколько их было. — Приказал Роман. — Расскажи всё, что знаешь.

* * *

— Вот здесь. — Парень ткнул пальцем в спешно нарисованную на земле карту. Вычерченная прутиком река изгибалась между треугольниками холмов. Губотряс прутиком вывел кружочек возле одного из треугольников.

— Здесь?

Бородавка согласно мотнул головой. Взял прутик и нарисовал неровный овал между верхушек треугольников. Подумал немного, и процарапал вниз от овала неровную бороздку.

— Это ещё что за... за головастик? — спросил Ромка.

— Озеро. Озеро горной нимфы, — пробормотал парень, шмыгая носом над картой. —

Из него вытекает ручей. Там маленькая долина между гор. Мы пасём коз возле неё. Пасли... — Он опять шмыгнул, и засопел, хлюпая носом.

— А селение ваше дальше за холмом? — задумчиво произнёс Филин. — Почему вы не жили в самой долине? У озера?

— Никто не живёт у озера. Там нельзя жить. Там нимфы. Кто туда пойдёт, назад уже не вернётся. Нимфа утащит его к себе на дно, и возьмёт в мужа. Кто станет мужем нимфы, уже никогда не увидит дневного света...

— Откуда ты знаешь? — спросил Роман, глядя в кружочек на карте. — Ведь никто не вернулся?

— Потому и не вернулись, что нимфа утащила, — пробормотал Бородавка. — Там по утрам так воют души её мужей, что мороз по коже. Дед Сивобород однажды пас овец на склоне, и зашёл слишком далеко в долину, к самому озеру. Потом с пастбища вернулись его козы, а он сзади идёт — весь седой, на лицо бледный, как пузо у сома, и ноги трясутся. С тех пор так и не опомнился. К зиме схоронили...

— А что здесь? — Роман повёл прутиком вдоль течения ручья.

— Там долина совсем узкая. Ручей весь в водопадах, кругом камни, по горам только козы могут пройти.

— И козы пастухи, — проговорил Ромка, отчаянно скребя пальцами кожу на локте. Под рубахой, на которую был надет нагрудник, кожа зудела и чесалась. Блохи, что ли?

— Где сейчас сыновья Белой Коровы? Куда они пошли?

Парень зашмыгал, замотал головой. Мокрые, спутанные волосы зашлёпали по щекам.

— Они ещё там. В селении, — тоскливо отозвался он. — К нам на прошлое новолуние пришли беглецы из городка выше по реке. На них напали раньше. Жалкие свинопасы. Прибежали, бросив всё. Попросили приютить.

Бородавка фыркнул. Скривился, хотел сплюнуть на землю, но не решился.

— Мы взяли их женщин. Мужчин отправили вскапывать землю под посевы. Там были ещё дети. Парочка самых мелких умерла, а других наш вождь взял к себе в дом. Ходить за козами.

Ромка пристально поглядел на Бородавку. Никто из его командиров, презрительно морщившихся, когда тот говорил о своём бегстве, не повёл даже ухом при этих словах.

— Значит, они не торопятся? — холодно спросил он.

— Нет. Пока не съедят всех коз и свиней. Пока всех не пере... пока хорошенько не отдохнут на наших постелях, не уйдут.

— Это хорошо, — медленно проговорил Роман, глядя в карту. Поднял глаза и встретился взглядом с Филином и Губотрясом. Глаза Филина блеснули пониманием. Губотряс согласно кивнул.

* * *

Истошно визжала последняя свинья. Великий победитель мужчин и ужас диких зверей, а попросту Великоужас засмеялся, ущипнул девчонку за пухлую грудь. Девчонка, дочь вождя, взвизгнула, как свинка во дворе. Великоужас захохотал.

Девушка брыкнулась, попыталась вырваться, и скатилась с ложа. Вождь сыновей Белой Коровы удержал её за ногу. Смачно шлёпнул широкой ладонью по упитанной попке.

Вождь расхохотался ещё громче, отхлебнул из чаши, что стояла возле ложа — местное вино было сладкое и терпкое, словно мёд — подтянул девчонку за ногу и прижал к себе.

Визг свиньи оборвался. Со двора потянуло дымом от разгоравшегося костра. Девка пищала и вырывалась.

Шум голосов молодых воинов, сыновей Убийцы Вепрей, жаривших на костре мясо, внезапно смолк. Великоужас теперь слышал только своё сиплое, ритмичное дыхание, да писк пухлой девки, слабо трепыхавшейся у него в руках.

Загремел и покатился по полу пустой кувшин. С истошным кудахтаньем взвилась в воздух чудом уцелевшая от вертела пёстрая курица. Под крышу дома вождя ныне не существующего племени взвились мелкие куриные перья и закружились, оседая на устланный тростником пол.

— Вождь! Вождь! — голос Полосатого Телёнка, ещё не устоявшийся в силу нежного возраста, сорвался и дал петуха.

— Чего тебе? — пропыхтел Великоужас, обильно потея.

Выпитое накануне вино и жирный кусок мяса, будь они неладны. Надо бы пить поменьше, но как себе откажешь, когда чужое добро само идёт тебе в руки?

— Тревога! — крикнул Полосатый Телёнок. Его выпуклые карие глаза затуманились, наткнувшись на пышные тела девицы. — Тревога!

Вождь оттолкнул девицу. Она упала, скорчившись на увядшем тростнике.

— Говори толком.

Мальчишка отшатнулся. В гневе Великоужас бывал страшен, и сначала бил, а потом разбирался, что к чему.

— Выйди во двор, вождь! — просипел юнец, тыча пальцем себе за спину.

Вождь молча подхватил с ложа одежду. Набросил на плечи, и, на ходу перехватив пояс ремнём, на котором болтались ножны боевого ножа, вышел в дверь.

Узкая долина, стиснутая склонами заросших лесом холмов, розовела от вечерней зари. Верхушки гор горели багровым огнём. Одна из них, с двумя острыми вершинами, торчала в сиреневом небе, словно диковинный зуб хвостатого демона-трупоеда.

По склону ближайшего холма, в розовой дымке вечернего тумана, катилась в долину масса орущих, потрясающих оружием, людей. Что-то мелькнуло в небе, словно стая стрижей, и на крыши уцелевших от пожара домов обрушился град стрел. Вскрикнул за спиной вождя Полосатый Телёнок. Закрутился на месте, повалился на землю и скорчился, зажав ладонями шею. Над ключицей торчало древко стрелы.

— Белая Корова! — страшно гаркнул Великоужас.

Голос его прокатился над селением, выгнав из домов, и подняв на ноги всё племя сыновей Священной Коровы. — К бою!

Он принял блестящий, взятый в бою доспех из рук подбежавшего младшего сына. Поднял руки, позволив затянуть на себе ремни. Взял поданный другим сыном щит.

— Наконец-то, — в минуты опасности Великоужас становился холоден и неумолим, как ледяная стена, ползущая с гор. — К нам гости.

Несущиеся с горы враги на мгновение приостановились, и в небо взвилась новая туча стрел. Мужчины племени Белой Коровы спешно выстраивались в боевой порядок. Их женщины и дети с пронзительными воплями бежали и прятались за телегами, где громоздились пожитки и кучи награбленного добра.

Захваченных рабов сгоняли к обозу. Старики в потёртых кожаных доспехах с короткими копьями, боевыми топорами и дубинками в руках окружили телеги, приготовившись защищать обоз и всех, кто там был.

Враги уже спустились к подошве холма. Великоужас отчётливо видел их искажённые криком лица. Видел, как развеваются от бега их набедренные повязки под простыми стёгаными нагрудниками. Кожаные шлемы с редкими металлическими заклёпками, грубые сандалии, запас стрел за спиной.

Его племя уже выстроилось привычным полукругом: на правом фланге люди младшего брата — Убийцы Вепрей, все крепкие парни. На них хорошие доспехи, из крепкой стёганой кожи, украшенной медными бляхами. У всех короткие копья с остро заточенными наконечниками, которые так хорошо бросать в зарвавшегося врага. Почти все нашли себе женщин, у некоторых уже по тройке ребят. Те сейчас сидят в обозе со своими матерями.

На левом фланге люди Сдирателя Шкур, второго брата. Там мужчины постарше, из тех, что уже приближаются к зрелому возрасту, но ещё не достигли дряхлости, чтобы сидеть в обозе. На каждом надёжный, выдавший виды нагрудник из шкур зверей, от долгой носки и пропитки жиром достигший крепости настоящей брони. Их женщины, ещё крепкие бабёнки с выводком младших детей, сидят за телегами с дубинками в руках. Охраняют рабов и добытое мужьями добро.

И в центре люди самого Великого победителя мужчин и ужаса диких зверей, вождя племени Священной Коровы. Здесь собрались самые крепкие воины, самые сильные мужчины в расцвете лет, доказавшие свою храбрость в бою.

Сжав зубы в предвкушении боя, вождь выждал, пока враг приблизится на расстояние полёта копья. Вот ближайший вражеский лучник ступил ногой на край зелёной полосы у подножия холма. Там курчавилась покрытая мелкими цветами низкая трава.

— Давай!

Крик Великоужаса раскатился над долиной, отразился от склона холма. Разом, резко выхаркнув воздух из лёгких, его воины метнули копья в наступающую массу врага. Но за мгновение до броска ряды вражеских лучников неожиданно распались. Они замедлили бег, потом вовсе остановились и стали быстро разворачиваться, рассыпаясь поодиночке. Копья сыновей Белой Коровы пропали даром, утыкая землю диковинной щетиной.

В ответ мелькнули ремни пращ, свистнули камни. Раздались крики, первые ряды воинов Великоужаса смешались, многие попадали на землю. Пращники уже убегали, забросив луки за спину. С удивительной скоростью они проскочили и растворились между плотными рядами второй волны наступающих вояк, несущихся вниз по склону холма.

Эти были в шлемах и кожаных нагрудниках, с пучком коротких копий в руках. У каждого на поясе висел боевой нож в ножнах, у плеча — круглый щит. Быстро махнув руками, воины на бегу метнули дротики.

Часть копий с глухим стуком ударились о землю, но многие из них нашли цель. Со

страшным проклятием стоящий рядом с вождём Угрюмый Медведь ухватился за торчащее из плеча древко. Его брат, Бурый Кабан, пытался вытащить из ноги остриё копья, прошедшее насквозь и застрявшее у кости. Руки его стали красными и липкими от толчками выбивающейся из раны кровавой струи.

— Вперёд! — гаркнул Великоужас.

Его воины сорвались с места и бросились вперёд, потрясая оружием. Над долиной загремел боевой клич племени: «Белая Корова! Смерть!»

Великоужас бежал в первом ряду. Боевая горячка ещё не овладела им до конца. Он ясно видел, как колеблются ряды врага, как передние воины замедляют шаг при виде несущихся на них сыновей Священной Коровы. С шелестом описал круг над головой его верный меч. Когда он успел стать привычным для Великоужаса? Кажется, совсем недавно он предпочитал дубину и топор. Крепкую дубину из дуба, выросшего в лесу возле родного дома, срезанную в новолуние, и закалённую в крови убитых врагов. И топор, взятый из рук покойного дяди, проклятого духами предков извращенца.

Яростно вопя, первый ряд его воинов вылетел на широкую каменистую полосу перед холмом, утыканную редкими пучками травы. Враг, едва ступивший на ровное каменистое пространство у холма, тоже издал боевой клич, слившийся с громом голосов бегущего навстречу племени.

Вот они уже совсем рядом, вот он уже видит каждую каплю пота на лице ближайшего противника. Круглый кожаный шлем, чёрное от загара лицо, жилистая рука сжимает короткий меч. Небольшой круглый щит прикрывает бок, глаз не разглядеть под складками века, тускло блестят редкие нашлёпки металла на коже пояса, где висят ножны боевого ножа.

Верный меч завершил круг и обрушился на голову врага. Не обернувшись закончить дело, добить, Великоужас стал прорубаться вперёд, ведя за собой своих людей. Фланги его войска неумолимо стали загигать внутрь, собираясь зажать врага в смертельных объятиях.

Враг дрогнул, подался назад. Его первые ряды, теснимые налетевшими воинами племени, попятились. Подоспевшие за ними воины второго ряда стали пробиваться вперёд, бросая копья через первый ряд в тесную стену тел сыновей Белой Коровы. Те яростно заработали топорами, неумолимо отжимая противника обратно, вверх по склону.

Великоужас прыгнул вперёд, вращая своим страшным, тяжёлым мечом. Кровавая пелена стала привычно застилать глаза, наполнила вены кипящим весёлым огнём. Угрюмый Медведь, с торчащим из плеча обломком копья, с рычанием размахивал своим двусторонним топором. Вождь видел, что боевая горячка уже полностью завладела им, и тот не чувствует боли.

Лезвие меча врезалось в край круглого щита. Свистнул металл, клинок соскользнул, ушёл в сторону. Великоужас прыгнул вперёд, ударил своим щитом в щит, ткнул мечом в открывшееся лицо врага. Брызнула кровь, залила ему глаза. Он мотнул головой, стряхивая горячие брызги. Увидел, как Угрюмый Медведь взмахнул топором, а его противник, потерявший свой изрубленный щит, вдруг ухватил того за торчащую кудлатую бороду — гордость Медведя — и рванул на себя. Угрюмый Медведь захрипел, короткий меч вошёл ему в грудь по рукоятку.

— Смерть! — загремел Великоужас, опустив свой меч на голову негодяя, убившего его друга. — Белая Корова! Смерть!

Его воины, услышав боевой клич, усилили натиск. Воины противника, вооружённые короткими мечами, уступали перед взмахами боевых топоров на длинных рукоятках.

Под натиском нападающих, ревущих от ярости воинов племени Священной Коровы, первый ряд противника повернулся и побежал. Остальным ничего не оставалось, как попятиться назад и тоже обратиться в бегство.

— Бей их! Не оставлять никого! — крикнул Великоужас. Смерть Угрюмого Медведя не должна остаться неотомщённой. Он построит такой погребальный костёр из тел убитых врагов, что даже правнуки будут с трепетом вспоминать это славное дело.

Враг торопливо отступал, откатываясь назад по склону холма. Завывая, воины племени неслись за ними. Сверкал кровавый металл топоров, развевались шкуры доспехов, стучали по камню крепкие ноги, выбивая похоронную дробь убегающему врагу.

Вот они миновали скалистый уступ, за которым открылся ряд новых холмов, грядой тянувшихся до горизонта. Бегущее войско теперь удирало вниз, в открывшуюся за холмом узкую лощину, покрытую мягкой зеленью. Впереди, в туманной дымке, виднелся синий глаз воды — там, в нагромождении скал, посреди зелёного пятна травы, исходило паром горное озеро.

— Х-ха! — выкрикнул вождь мужчин и гроза диких зверей, потрясая окровавленным мечом. — Бегите, труссы!

Предостерегающий крик пронёсся над флангом. Великоужас глянул вверх голов своего отряда и увидел, как из-за скалистого выступа, там, где зелёная долина узким языком извивалась у скал, показался новый враг. На мгновение вождь застыл при виде открывшегося перед ним великолепного зрелища. Из-за скалы, сверкая в лучах заходящего солнца жарким металлом доспехов, выезжали всадники. Стучали копытами о камни благородные кони, колыхались перья на блестящих шлемах. Горели малиновым цветом скреплённые у горла дорогие плащи.

Не то рычание, не то всхлип вырвался из горла великого вождя. Как в детстве, когда он слушал сказки о славном воине Грозноглазе и его верном коне Чубаром. Как тот в одиночку разбивал полчища врагов, нанизывая на острие копья сразу несколько визжащих от ужаса противников и повергая их на землю ударами мощных копыт своего коня.

Маленький Великоужас, тогда ещё просто Ужас своей матери, слушал эти сказки и мечтал, что когда-нибудь и у него будет такой славный конь. А ещё у него будут блестящий под солнцем доспех и славный меч у пояса.

Меч у него уже есть. А кони с доспехами — вот они, только руку протянуть. Он давно знал, что где-то далеко на юго-западе живёт племя, славное своими конями, быстрыми, как ветер. Народ, что их разводит, славен и грозен. Но люди этого племени обленились и заросли жиром. Они давно не воевали и отвыкли держать в руках оружие.

И теперь вот они, эти люди, прямо перед ним, в розовых лучах заходящего солнца. Как золотое сияние детства, как сбывшаяся мечта.

Вот отряд блестящих всадников выбрался из-за склона и стал спускаться в долину. Великоужас, несмотря на застилавший глаза красный туман, отметил, что склоны лощины, по которой двигался отряд, довольно крутые, но ровные и покрыты короткой травой. Всадники идут вниз с хорошей скоростью, и, когда доберутся до каменистого пространства перед озером, то смогут развернуться для нападения. Тогда они сомнут пеших противников одним ударом. Нельзя дать им развернуться в боевой порядок. А ещё нельзя дать им уйти.

Уйти и унести с собой мечту о боевом коне и блестящем дорогом доспехе из жаркого металла, горящего золотым огнём.

Великоужас торопливо сорвал с пояса сигнальный рог. Кривой, чёрный рог, оправленный в металл, висящий на ремешке за спиной. Хриплый, пронзительный звук прокатился над узкой долиной, отразился от каменных стен гор и вернулся обратно визгливой какофонией.

Вождь племени Священной Коровы взмахнул окровавленным мечом, указав своим воинам туда, где только начинал разворачивался в боевой порядок отряд кавалерии.

— Смотрите! — крикнул он, и призыв его прозвучал так же хрипло и пронзительно, как голос сигнального рога. — Вот она, наша добыча! Возьмите её!

Центр его войска радостно взревел, многоголосым эхом отозвались фланги. Великоужас бежал впереди, не отрывая глаз от сияющих на солнце всадников в багряных плащах. Каменистая земля пела под ногами, и, дрожа от топота бегущих за ним людей, стремительно улетала назад. Правое крыло, под предводительством его брата, Убийцы Вепрей, вырвалось вперёд, торопясь первым напасть на врага и стяжать себе славу.

Слева мигнул синий глаз озера. Теперь вытянутая капля воды, исходящая сизым п аром, была совсем близко, полускрытая нагромождением камней у кромки берега. Само береговое пространство вокруг озера вблизи оказалось на удивление ровным, поросшим пучками кустов и густой, ярко-зелёной травой с торчащими головками алых цветов.

— Белая Корова! Смерть!

Отряд кавалерии, только что выстраивающийся в ряд, замедлил движение и остановился. На мгновение кони и всадники застыли, сияя под солнцем металлом доспехов. Лениво шевелились на лёгком ветерке тяжёлые плащи.

Резко пропела труба. Вибрирующий звук, звенящий на одной ноте, поднялся до небес и так же резко оборвался. Всадники дрогнули, качнулись перья на блестящих шлемах. Перебирая тонкими ногами, лошади подались назад, разом повернулись и раздались в стороны. Отряд распался на две части. Одна часть, большая, развернулась на месте, и поскакала вокруг озера, взрывая траву и топча алые цветы. Вторая, поменьше, двинулась обратно, вверх по лощине.

Великоужас колебался лишь миг. Ясно, что кавалерия, ища пространство для манёвра, сейчас оторвётся от преследователей, развернётся у оконечности озера, где покрытое травой поле расширилось на длину полёта стрелы, и бросится в атаку. Вторая половина или удрала вслед за испуганной пехотой, или, что вернее, собирается зайти с тыла.

Он хорошо видел копыта у сёдел всадников, копыта, которыми так удобно добивать пеших воинов, восседая на спине коня. Видел их мечи, с плавно расширяющимся книзу лезвием и хищно изогнутым остриём. Почему-то он различал их отчётливо, словно клубящийся по берегу туман совсем не мешал зрению. Вождь снова протрубил в рог.

— Убийца Вепрей! — он указал мечом на удаляющихся вверх по склону всадников.

Его поняли. Молодые воины брата заулюлюкали, прибавили скорость, стараясь настигнуть отряд, только что развернувшийся для бегства, и ещё не успевший как следует набрать скорость на крутом склоне.

Сам Великоужас бросился вслед основной группе всадников. Когда надо, он умел бегать не хуже лошади.

Его воины бежали рядом, шумно дыша, с топорами в руках. Вот уже до крупа крайнего

коня можно добросить камнем. Он видел, как из-под копыт взмываются клочья корней и комковатой земли. Сквозь шум крови в ушах внезапно услышал тонкий голос трубы.

Дважды взвился к небу медный, звенящий стон металла и резко оборвался. Великоужас почувствовал, как дрогнула земля. Рядом, прямо возле его ног, взметнулся фонтан мелких камней и ядовито-зелёной травы.

Из-под земли возникло страшное, дико завывающее, мохнатое от тучи разлетающейся травы, существо. Змеёй метнулось металлическое жало, и в щит Великоужаса вонзилось копьё. От неожиданности и силы удара вождя откинуло назад, и он едва устоял на ногах.

Повсюду, среди его войска, выпрыгивали, как чумазые духи из каменных червоточин, страшные, безжалостные воины. Они метили копьями в упор, с размаху пронзая защитные нагрудники и деревянные щиты мужчин племени Священной Коровы.

Крик ужаса вырвался из груди его людей. Все они с детства знали сказки о существах, живущих под землёй. Существа выбирались ночной порой на поверхность, хватали тех, кто не спит, и утаскивали к себе, в царство вечной тени. Только белые кости, раскиданные по сырой траве, иногда находили потом безутешные родственники, да расколотые жуткими зубами черепа.

Великоужас зарычал сквозь стиснутые зубы. Отбросил ставший бесполезным щит с намертво завязшим в нём копьём. Выхватил освободившейся рукой из крепления на поясе боевой топор. Демон это или человек — никому и никогда вождь племени Священной Коровы не даст убить себя, как трусливого пса.

Он взмахнул топором, описал свистящий полукруг заточенным лезвием. Удобная рукоятка привычно лежала в ладони, уравновешивая тяжесть металла на конце. Существо — теперь он видел, что это человек — напротив него отступило назад, подхватило с земли щит. Блеснул из-за окованного металлом края короткий меч. Так вот почему земля возле самого берега вдруг стала странно упругой, и гулко гудела под ногами! Каждый из выбравшихся на поверхность воинов, бросив в ошеломлённого противника копьё, внезапно нагнулся, подобрал укрытый травой щит и выхватил меч из ножен.

— Сдиратель Шкур! — от выкрика у вождя засадило горло. Его левый фланг, где пожилые мужчины отстали от своих более молодых собратьев, не должен был ещё добежать до ловушки.

Громкий крик раздался за спиной — там выбирались из земли новые воины. Они бросились на людей Великоужаса с тыла. Нет. Не всё потеряно. Есть ещё молодые бойцы Убийцы Вепрей. Нужно пробиться к ним. Соединить силы и отбросить врага. Выбраться из этой проклятой богами долины, узкой, как тело змеи.

— Белая Корова! — надсадно выкрикнул вождь. — Смерть чужакам!

Его воины опомнились, стряхнули с себя страх внезапного нападения. Теперь бой шёл совсем рядом с озером, среди ям и вырванных с корнями пучков травы. Чужие воины теснили людей племени к каменистому краю, очевидно намереваясь загнать их в воду, синее зеркало которой уже скрылось в наползающую от горы тень и стало свинцово-серым. Мужчины племени упорно сопротивлялись натиску, размахивая топорами, сильными ударами пытаясь выбивать мечи и крошить щиты в руках противника.

Краем сознания Великоужас скорее почувствовал, чем услышал новый призыв медной трубы. Три звучных сигнала, вибрируя, отразились от скал и затихли в ледяной воде. Воины, только что теснившие его племя к берегу, отступили, прикрылись щитами, и стали отходить, сходясь в плотные группы. Мужчины племени Белой Коровы бросились было вслед, но

наткнулись на сомкнутые щиты. Редкие неудачники, не успевшие скрыться за окованной металлом стеной, бросились бежать, но их было совсем немного.

Диковинные черепахи из прикрытых щитами воинов отползли в стороны. На какой-то момент Великоужас увидел всю долину, перечерченную косыми лучами заходящего солнца. Ему казалось, что прошла вечность, а на деле солнце едва успело коснуться верхушки горы. И сейчас вниз, по склону, на его племя двигалось ровными рядами свежее войско.

Вождь сжал рукоятку топора. Впервые он почувствовал его тяжесть. К ним, ровно ступая по покрытой травой каменистой почве, шла тяжеловооружённая пехота. Тускло блестели шлемы с пучком перьев наверху, мерно покачивались большие прямоугольные щиты. Неумолимо и твёрдо топтали землю закованные в металл поножей ноги солдат.

Вот первый ряд подступил ближе. Теперь Великоужас видел, что соседний склон, по которому совсем недавно бежали в азарте погони парни Убийцы Вепрей, покрыт странно неподвижными бугорками. Зрение подвело его, картинка расплылась перед глазами, и он не сразу узнал в них своих людей. Все они лежали на траве, порубленные длинными мечами и проткнутые копьями всадников. Сами кавалеристы уже неторопливо выстраивались поодаль, цепочкой спускаясь по склону обок тяжёлой пехоте, вновь соединившись в один отряд.

Пехотинцы остановились. Первый ряд расступился, пропустив наружу человека. Великоужас уставился на него слезящимися глазами. Тело Убийцы Вепрей, с подогнутыми в последней судороге ногами, изрубленное, с торчащим из груди копьем, уже заслонило от него, но эта картинка так и стояла перед ним, заслняя чужаков и мешая ему видеть.

Одинокий чужак шагнул ближе, и вождь племени Священной Коровы сосредоточил на нём взгляд. Это был молодой человек, совсем ещё юноша. Поверх полотняной рубахи на нём красовался новенький, сверкающий нагрудник. Такой же блестящий шлем с нащёчниками украшал сверху пучок пёстрых перьев хищной птицы. На поясе юноши висел дорогой меч в добротных ножнах. У плеча красовался странный синий щит с расплывчатым узором из спутанных фиолетовых нитей посередине. В руке молодой человек держал трезубец. Совсем такой, как на цветной картинке, что была на дощечке у жреца племени, изображавшей грозного бога воды.

— Вождь племени Белой Коровы, — звучным голосом произнёс юноша. — Твои люди окружены. Перевес сил не на вашей стороне. Сложите оружие и сдавайтесь.

Великоужас хрипло вздохнул. Юноша смотрел на него ясным взором, губы были сложены в доброжелательную улыбку. Вождь с испугом ощутил, как тяжесть оружия тянет его к земле. Как гудят усталые ноги. Как по спине, с прилипшей к телу рубашкой, стекает горячая струйка пота. Не стоило ему накануне есть так много мяса. Не надо было пить столько неразбавленного вина. Проклятые чужеземцы с их богатой добычей. Они зажирили вместе с ними, опухли на их постелях, избаловались с их девками.

— Кто ты такой? — голос вождя вырвался из груди хриплым карканьем.

— Я Ром, вождь вольных людей и командующий войском. Мы пришли защитить эту землю и мирное население. Сдавайтесь или умрите.

Великоужас медленно улыбнулся. Его люди позади него замерли в ожидании. Он слышал их сиплое дыхание, чуял запах их пота. Ощущал тошный запах страха и неуверенности. А ещё отчаянную надежду на него, их вождя. Они всегда побеждали. С тех пор, как покинули землю отцов, где им не было больше места.

— Никогда. Ни один воин племени Священной Коровы никогда не склонял голову

перед врагом.

— Тогда вы все умрёте, — юноша говорил, чётко выговаривая слова, будто на чужом ему языке. В голосе его звучало сожаление. — Мы не можем вас отпустить. Эти земли принадлежат дружественным народам, которым мы обещали свою защиту и покровительство. Я не позволю вам их разорять.

— Тогда выходи, если ты такой сильный, что можешь грозить мне. Вступи со мной в поединок и докажи свои слова делом. — Великоужас ухмыльнулся онемевшими губами. Мальчишка не выглядел грозным воином. Возможно, это просто сын своего покойного отца, оставившего ему царство. Если он, вождь, сумеет победить его, у племени ещё есть шанс. — Убей меня сам.

— Клянусь ляжками бога, это голова Кудряша! — стражник у ворот пошевелил ногой в сандалиии круглый предмет, облепленный кровавой грязью и налипшими сосновыми иглами.

— Говорил я ему, не шляйся ночами по девкам... — пробормотал его напарник, озирая стену.

Предмет только что перелетел через заострённые брёвна ограждения и упал им под ноги.

— Вождь, — стражник отступил к воротам, сжал копьё вспотевшей рукой.

Рэм шагал вдоль стены. За ним торопились двое юнцов с топориками на плечах. Адъютанты-головорезы, мрачно шутил Рэм про себя, оглядываясь на раздувшихся от гордости телохранителей. Интересно, они на самом деле гордились обещанной им работой — отрубать головы изменникам?

— Что у вас здесь, Крапивник? — он посмотрел на предмет под ногами. Отрубленная голова. Подумай о чёрте, и он сразу тут как тут.

— Перекинули через стену, Рэм, — стражник выпрямился, выпятил грудь. Только наконечник копья еле заметно дрожал. Это голова была не первой. Проклятье, у них и так не слишком много людей.

Рэм обернулся к одному из адъютантов:

— Позови женщин. Пусть его похоронят.

Юнец побежал выполнять приказание.

Стражник спросил:

— Когда вернётся наше войско, благородный Рэм? Люди говорят, мы долго не продержимся. Эти дикие охотники не дадут нам выйти за ворота. Скоро есть будет нечего...

— Он вернётся. — Рэм подступил к солдату. Они не должны сомневаться. — Тот, кто испугался, уже проиграл, Крапивник. Стены крепки не камнями, а людьми, которые их защищают.

— Вы, жалкие похитители женщин! — трубный голос прогремел над стеной.

Рэм невольно вздрогнул. Стражник едва не выронил копьё.

— Мы знаем, ваше войско ушло отсюда в сторону холодных гор!

Стражники испуганно озирались. Голос звучал словно отовсюду и неестественно громко, будто из бочки.

— Они повсюду, — Крапивник дрожал, уже не скрываясь. — Они воззвали к своим богам!

— Здесь нет другого бога, кроме нашего! — резко оборвал его Рэм. Он приложил ладони рупором ко рту и прокричал:

— Если ты не трус, выходи! Поговорим о деле!

— Мы не имеем дел с жалкими козопасами. Скоро мы будем пировать на ваших костях!

— Ой, сама не верю я в эти суеверия, — проворчал себе под нос Рэм. Что они там используют, рупор, что ли?

Голос зашёлся в каркающем смехе:

— Ваш вождь сгинул на этой войне, жалкие трусы! Скоро здесь будут воины племени Белой Коровы! Они уже близко. Мы видели огни их костров!

Рэм опустил руки, прислушиваясь к затихающему эху чужого голоса. Нет. Это не может

быть правдой.

— Мухобой! — он пристально взгляделся в деревья на опушке. — Видишь вон то большое дупло в старом дубе? Запусти-ка в него камнем. Да как следует.

Малец кивнул. Сосредоточенно покопавшись, достал из мешочка на поясе камень, подул на него, покрутил в пальцах. Свистнул ремень пращи.

Раздался сдавленный крик. Зашуршали ветки, что-то треснуло. Посыпались жёлуди.

Рэм прислушался. Приложил ладони ко рту и крикнул:

— Эй, кукушка! Сколько мне осталось?

Никто не ответил. Малец Мухобой фыркнул. Рэм усмехнулся, и стражники у ворот захохотали.

— Глаз не спускайте с ворот, — приказал Рэм. — Никто не должен ни войти, ни выйти отсюда.

Он взглянул на небо. Солнце закатывалось за вершины деревьев. Скоро стемнеет. Он развернулся и зашагал к центру лагеря. Там вился дымок над костром. Их лучшего кузнеца Роман взял с собой в поход. Муж толстой девицы, Мясогрыз, вызвался помочь, уверив всех, что когда-то работал в кузне. Вокруг выложенного камнем очага сидели мужчины и прилаживали наконечники к стрелам. Готовые стрелы лежали рядом.

У костра возились женщины, ошипывая голубей к ужину. Тошая малолетка заворачивала ошипанные тушки в листья, перекладывала ароматными травами и закапывала под толстый слой тлеющих углей.

— Сегодня караулы на стене будут удвоены. — Рэм положил руку на рукоять меча. Адъютанты стояли позади него с топориками на плечах. Видит бог, он не хотел быть вождём. Больше всего ему хотелось сейчас сидеть в кинотеатре на последнем ряду. Жевать безвкусный попкорн и обниматься с весёлой девчонкой. — Толстощёк, Белоног, соберите все оставшиеся припасы и отнесите наверх, к святилищу. Наполните все пустые бурдюки водой.

Мужчины кивали. Он знал — они надеялись на него.

— Все женщины тоже должны подняться наверх.

— Муж мой, зачем нам всем идти к святилищу? — робко спросила Лисичка. Кошка рядом с ней молча смотрела на него, но он видел в её глазах тот же вопрос.

— Вашим мужьям будет спокойнее, если их женщины будут молиться за них у алтаря.

В сгустившемся сумраке он с трудом различал лицо жены. Лисичка опустила голову, багряные блики угасающего костра плясали на её щеках, создавая иллюзию улыбки. Она давно уже не улыбалась ему. Даже в постели.

Он ещё раз обошёл лагерь по периметру. Юнцы с топориками на плечах шагали за ним. Он не хотел даже думать, как таких людей называли в том, другом Риме. Вождю нужна парочка крепких парней за спиной. Для солидности. И чтобы самому рук не марать.

Тропинка привычно вывела к холму. Рэм постоял, разглядывая крутой склон, сплошь заросший ежевикой. Должно быть, Лисичка уже на пути к святилищу, карабкается вверх, как козочка, ловко переступая по камням крепкими ножками. И руки у неё маленькие, с тонкими пальчиками. Как у её подруги — жены Романа. Зато Кошка никогда не опускает взгляд. Всегда смотрит прямо в лицо. Своими чёрными, блестящими глазами, раскосыми... как у кошки.

Рэм провёл ладонью по нагруднику, пальцы привычно обхватили пояс с ножнами. Где-то там, под одеждой, скрывается шрам от раны, которую не получал. Он помнил, как

корчился в пыли у обочины дороги, зажимая живот и не понимая, что с ним творится. Его брата-двойника ударили мечом. А отметину получили оба. Нет, врал голос из дупла. Если бы с Ромкой что-то случилось, он бы понял это сразу.

Было уже совсем темно. Перистые полосы облаков, подсвеченные сбоку кровавым багрянцем, почернели, окончательно слились с чернильным небом. Новолуние.

В маленьком доме, выстроенном для них с Лисичкой, было темно и тихо. Рэм заглянул в единственную комнату. Там сладко пахло пучками ароматной травы, развешанной по углам, и ещё чем-то пряным, смутно знакомым. Наверное, она уже ушла наверх вместе с остальными. Жена никогда с ним не спорила. Никогда ничего не просила. Иногда ему хотелось взять её за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы у неё зубы застучали. Накричать на неё. Всё лучше, чем эта тупая покорность.

Ещё один круг по периметру, проверить посты. Он зевнул, потёр глаза. От дурманящего запаха трав хотелось спать. Весь день они отрабатывали защиту от возможного нападения на стену. Вероятность, что дикие охотники, вооружённые лишь луками и топориками, полезут на штурм, невелика, но люди не должны сидеть без дела. Скука — порождение всех зол. Что там кричал голос из дупла? Сыновья Белой Коровы уже близко? Не может быть...

Рэм вздрогнул и открыл глаза. Что-то было не так. По стене прыгали рыжие тени большого костра. Он же запретил разжигать ночью огонь...

Пронзительный, душераздирающий крик окончательно выбросил его из сна. Он знал, в глубине души всегда знал, что так и будет, и сейчас только холодно отметил, что так и вышло. Машинально Рэм проверил ремешки нагрудника. Оправил ножны, радуясь, что уснул, не успев снять оружие. Шлем стоял рядом, и он надел его, закрепив ремешком уже на бегу. Странно, руки даже не дрожали, хотя крики становились всё громче и отчаяннее.

Он выскочил из дома, зачем-то сделав прыжок «рыбкой» и перекатившись по земле. «Насмотрелся боевиков, дурак» — сказал сам себе и обернулся. Над головой что-то щёлкнуло. О стену ударилась и свалилась в траву горячая стрела. За ней ещё одна.

Впереди, у ворот, пылал огонь. Горели факелы в руках людей, мечущихся у открытых настежь створок. Ещё десяток стрел взвились в воздух, прочертили огненные дуги в черноте ночи и упали на крыши домов.

С тихим шелестом вышел из ножен меч, подаренный Ястребом.

— Адьютанты! — крикнул он.

Они должны были ждать его возле дома. Никого. Проклятье. Он метнулся обратно в дом, сорвал со стены окованный в металл сигнальный рог. В воздухе пронзительно прогудело сакраментальное: «Спасите наши души!»! Это он придумал, когда сочинял систему сигналов. Тогда это показалось ему смешным.

Некогда искать юнцов с топориками. Он металл нагрудника звякнуло, он даже через защиту брони ощутил убийственную силу удара стрелы на излёте. Рэм метнулся в тень, побежал к воротам вдоль ряда домов, куда не падали отсветы огня.

Возле стены кружились в смертельном танце десяток человек. В центре этого жуткого убийственного хоровода топтались спина к спине двое его солдат. На них наседали, размахивая топориками и завывая, лесные охотники. Блестели в свете факелов оскаленные зубы, сверкали глаза на размалёванных чёрными полосами краски лицах. У открытых ворот лежали тела стражников.

На него оглянулись. Дикие лица, искажённые, потерявшие сходство с человеком. Остались только жажда крови и желание убивать.

Он попятился, сжимая в руке рог. Лучше бы щит захватил, дубина. Сейчас он не смог бы выдуть ни звука.

— Вождь! — Мясогрыз возник из тени, как призрак. На голове наспех нахлобученный шлем, в руке — копьё. В другой увесистый молоток, очевидно, захваченный из кузни. Рядом жарко задышал Белоног. Этот был со щитом, короткий меч зажат в мускулистой руке. Рэм вспомнил, как Белоног хвастал, что в юности грабил людей на дорогах. Резал глотки жирным купцам.

Он глубоко вздохнул и прижал рог к губам. «Спасите наши души!» Лесные охотники сорвались с места и бросились к ним, вращая топориками над головами и истошно вопя. Сзади Рэма протопали, торопясь на подмогу, его люди. Он не распознал, кто. Ещё была возможность отбросить врага, выдавить за ворота.

Пронзительный голос трубы разнёсся над лесом. Это там, за стеной. Ему показалось, что у кромки леса, за проёмом распахнутых настежь ворот что-то двигалось. Кто-то быстро приближался. Развевающиеся на бегу шкуры, взмахи топоров, бородатые лица. Это не Ромка. Нет. Нападающих слишком много.

— Отходим! — Рэм подставил рог под удар топорика.

Окованный металлом рог выдержал. На него надели сразу двое, пытаясь достать лезвиями топоров. Если их окружают, это конец. Двое солдат, оставшиеся у ворот, воспользовались тем, что противник отвлекся, и набросились на лесных людей, не дав им окружить своего вождя и зайти ему со спины.

С резким выдохом Белоног принял на щит удар топора, ловко погасил его, и в ответ ловко отмахнулся мечом. В воздух взлетела отрубленная кисть, дикий визг раненого охотника потонул в общем шуме. Мясогрыз одним ударом молота разбил голову первому сунувшемуся к нему противнику.

— К святилищу! — гаркнул Рэм. — Отходим!

— Беги, Рэм! — прохрипел Белоног, вращая мечом.

Металл лезвия свистел в его руке, рисуя смертоносный круг. Чей-то топорик взлетел в воздух, и бывший разбойник, хакнув, вбил край щита в лицо его владельцу.

— Беги! — Мясогрыз махнул молотом, сметая на землю сунувшегося слишком близко охотника. — Там в доме моя жена, спаси её! Уведи к алтарю!

Чей-то топор подсёк ему ногу у колена, Мясогрыз покачнулся. Зарывав, припал на одно колено, поднял молот, прикрыв голову от очередного удара.

— Беги, сын бога!

Рэма ухватили за плечо. Жаркое, прерывистое дыхание, оскаленные зубы мальчишки-адьютанта. Тот шатался, изо рта несло виноградным перегаром.

Юнец всхлипнул:

— Вождь!

Рэм попятился. Они пьяны. Его телохранители пьяны, как проклятые свиньи.

Мальчишка издал хриплый, воинственный клич, взмахнул топором на длинной рукоятке и бросился вперёд.

— Вождь, — второй юнец, задыхаясь, стоял рядом. В винном запахе, исходящем от него, Рэм уловил то, смутно знакомое, что почудилось ему недавно у очага. — Уходи. Мы смоем свою вину кровью.

Рэм отскочил назад и в сторону, туда, где металась багрово-чёрная тень пожара. Вой дерущихся противников взвился в небо, отразился эхом от склона невидимого в ночи холма.

Он развернулся и побежал.

Надо увести наверх оставшихся людей. Главное — сохранить лагерь.

Навстречу метнулись тени. Пожилые мужчины, оставленные в силу возраста в лагере, и только что проснувшиеся в своих жилищах. Малец Мухобой, с ним юноша-пехотинец со смешным именем Полосатик.

— Назад! — гаркнул Рэм, взмахнув мечом. Меч свистнул в воздухе, отсекая им путь к гибели. — Отходим к святилищу!

Они поняли. Рэм свернул к своему дому. Ему нужно забрать щит и лук. Новенький лук, который ему подарили торговцы оружием. Нельзя оставить их врагу.

Он влетел в дверь, выставив руки, бросился к стене, где висело оружие. Кто-то вскрикнул, когда он наткнулся на неожиданное препятствие и рухнул вместе с ним на пол.

По стенам метались отсветы огня. На полу чадила масляная лампа. Рэм поднялся на ноги.

— Лисичка?

Жена сжалась на полу у стены. Её глаза расширились от страха, она смотрела на него, не пытаясь подняться.

— Что ты здесь делаешь? Ты должна быть в храме!

— Ты жив? — тихо спросила она.

— Как видишь.

Взгляд жены метнулся в сторону. Там, у ложа, стоял кувшин с вином и заботливо налитая до краёв чаша. Любимая чашка Рэма, с узорчатой насечкой по краю и удобно изогнутой ручкой.

Он схватил чашу, поднёс к губам. Тот самый, пряный, сладкий травяной запах.

— Ты должен был заснуть, — глухо сказала жена. — Должен был спать крепким сном, пока наши воины не разбудили бы тебя.

— Скорее, — хрипло приказал Рэм. — Надо уходить.

— Дикий Кот назначил награду за твою голову. Жёлтый и красный металл. Много металла и резной кости.

— Ты...

— Я подсыпала сонных трав в вино, — глухо проговорила Лисичка. — И дала его выпить стражникам у ворот. Потом я отодвинула засовы. Ты должен был спать этой ночью!

Он схватил её за руку, дёрнул к выходу:

— Пойдём. В святилище разберёмся.

— Нет! — она вырвалась, он увидел её расширенные во весь глаз зрачки. Попытался опять схватить её, увидел, как метнулась маленькая ладонь. Что-то вошло ему между рёбер, что-то ледяное и обжигающее, как огонь. Он задохнулся, не в силах вдохнуть он внезапной боли в боку. Там, в нагруднике, между завязками. Щель, достаточная для лезвия ножа.

— Ты должен был спать, — сказала Лисичка. Тихо звякнул выпавший из её пальцев узкий нож.

— За что? — Рэм упал на колени. Воздух никак не хотел входить в лёгкие. Где-то в уголке сознания холодный, совершенно спокойный голос отметил: «Проникающее ранение, задеты жизненно важные органы, внутреннее кровотечение. Прогноз — летальный исход...»

— Я хотела стать женой Дикого Кота. Я, а не Кошка. Я хотела стать женой вождя. Ты — не вождь. Ты взял меня силой.

— Нет, — странно, он ещё мог говорить. — Это не так...

— Вождь! — голос Мухобоя. — Ты здесь?

В дом ворвались малец Мухобой с пращей и Полосатик с мечом. Увидев Рэма в расползающейся по полу кровавой луже, застыли.

— Тварь! — Полосатик взмахнул мечом. Лисичка стояла, не пытаясь защищаться.

— Нет! — прохрипел Рэм. — Ведите меня наверх. К алтарю!

Они подхватили его под руки, вытащили из дома. Шатаясь, он пытался помочь им, с трудом перебирая ослабевшими ногами. Земля качалась и уходила из-под ног. Он чувствовал, как кровь горячей волной стекает по боку, по бедру, хлюпает в сандалии.

Он не видел, как его втащили по крутому склону наверх. В глазах потемнело, ноги не чувствовали землю, в груди словно засел ледяной штырь.

Заскрипел песок пещеры. Святилище.

— Алтарь! — прохрипел он.

Его подвели к алтарю. Рэм опёрся дрожащими руками о камень алтарной плиты. Руки подгибались и не слушались.

— Положите...

Малец Мухобой глухо всхлипнул. Рэма осторожно подняли и положили на плиту. Часто дыша, он зажал ладонью рану на боку. Странно, он ещё жив, и даже дышит. Пять минут. Минуты до смерти. Сияние разливалось перед его закрытыми глазами, лиловое сияние. Должно быть, вход в пресловутый светящийся тоннель. Нет, Ромка, от судьбы не уйдёшь. Кто-то должен был умереть. Ромул убил своего брата Рэма и построил город на его костях. Прости, это не твоя вина.

— Защищайте холм со святилищем, — прохрипел он, отгоняя назойливый звон в ушах. — Ром скоро вернётся. Я знаю. Перекройте тропу. Кошка!

— Да, Рэм, — тихий голос девушки рядом с ним. Она сделает всё, сделает, как надо.

— Дождитесь Рома. Он придёт. Я вам приказываю.

— Да, Рэм.

Кошка погладила его по руке, и он ещё успел ощутить нежное прикосновение её тонких пальчиков. Потом лиловый свет засиял совсем ослепительно, превратился в огненный шар и надвинулся вплотную, поглотив его целиком.

Ромка слышал, как тяжело дышит вождь. Видел струйки пота, проложившие дорожки по его лицу. Видел, как вздрагивает от ударов пульса поросшая густым курчавым волосом кожа под подбородком.

Вождь племени Белой Коровы стоял перед ним с мечом в одной руке и топором в другой. Позади него выстроились его люди. Их было ещё много, достаточно, чтобы оказать достойное сопротивление тяжёлой пехоте. Если отказать сейчас в поединке, начнётся резня.

Вода у берега синего озера станет красной, камни, торчащие из воды, переменят цвет и осклизнут от крови. Он чувствовал желание своих людей, еле сдерживаемое желание его войска разгромить чужаков, оставить их лежать здесь, в этой узкой долине. Взять над ними верх, захватить добычу, женщин, детей, награбленное добро. Очистить эту землю от пришельцев с их чужими лицами, одеждами, неизвестными богами, и вернуться домой победителями. Для этого нужно убить воинов племени Белой Коровы, сломить их силу, развеять по ветру боевой дух.

Он ещё может отказать от поединка. Дать сигнал к бою, и к ночи всё будет кончено, так или иначе. Знакомая с детства картинка на стене: поединок Пересвета с Челубеем. Два здоровенных воина верхом на боевых конях пронзают друг копьями, и оба падают замертво. Потом битва, усталые победители торжествуют. А на поле лежит, рядом со своим убитым врагом, мёртвый Пересвет.

Вождь племени стоял и смотрел на него. Роман видел его крупные руки, уверенно, привычным жестом держащие оружие. Крепкую кисть левой руки, покрытую синим узором татуировки, сжимающую рукоять боевого топора. Тусклый блеск меча в правой ладони, широкое лезвие которого густо перепачкано кровью. Ему кажется, или этот чужой, бородатый человек держит меч не так уверенно, как топор? Если ошибёшься, Ромка, это будет стоить тебе жизни.

— Убей меня, — повторил вождь племени. — Или боишься?

Густые усы чужака шевельнулись, губы дрогнули в глумливой улыбке. Ромка спиной почувствовал взгляды своих командиров. Чёрт возьми, он слишком долго думал. Теперь отказать нельзя. Он может дать сигнал к бою, но это уже ничего не изменит. Как бы не сложилась битва, все будут говорить: «Вот он, Ром, вождь вольных людей! Тот, кто испугался принять вызов. Это из-за него мы...» Неважно, что — едва не проиграли или кое-как выиграли. Вождь не может быть трусом.

— Я принимаю твой вызов, — громко сказал Роман. — Мы будем биться, пока один из нас не падёт или не признает себя побеждённым.

Чужак хрипло расхохотался:

— Признать себя побеждённым? Никогда!

Не успев договорить, вождь племени Белой Коровы прыгнул вперёд, вращая мечом. Ромка успел отшагнуть, даже сделал пару быстрых вдохов-выдохов, как перед спаррингом. Только здесь никто не остановит бой, если вдруг прольётся кровь.

Кажется, он поторопился, решив, что чужой воин слабо владеет мечом. Лезвие крутилось в руке вождя, рассекая воздух с устрашающей скоростью и неумолимостью машины.

«Рассуждать будешь после, — прозвучал на краю сознания голос тренера, — в бою

думать некогда».

Древко трезубца подскочило вверх, отбросило меч противника в сторону. Зазвенел металл лезвия, стяхивая не успевшую подсохнуть кровь. Противник увёл меч в сторону, и сразу под ноги Ромке метнулся топор. Он едва успел подскочить и пропустить под собой страшное лезвие. Теперь он окончательно понял — вождь не будет просить пощады. Он скорее умрёт, и напоследок заберёт с собой жизнь своего врага.

От внезапно подступившего испуга заledenело в груди, даже дыхание на мгновение сбилось, и он едва не пропустил очередной удар, на этот раз тычок мечом в живот.

Роман развернулся, пропустил остриё мимо себя — лезвие с тихим шелестом прошло на волосок от его нагрудника — и, в свою очередь, ткнул трезубцем. Он метил в лицо противнику, но вождь со звериным проворством поднырнул под удар и неожиданно боднул Ромку головой.

Тот отлетел назад. Если бы не нагрудник — дорогой нагрудник хорошего металла, подбитый изнутри войлоком, и укреплённый кожаными полосками — ему пришлось бы плохо. Голова вождя, очевидно, не пострадала. Толстая меховая шапка из шубы чернубурой лисы, казавшаяся смешной и нелепо тёплой, с болтающимися по сторонам высушенными лапками и звериной мордой, защитила её обладателя не хуже иного шлема.

С диким криком вождь племени обрушил топор на потерявшего равновесие Романа, и тот едва успел подставить под удар щит. Загудел, тонко вибрируя, синий диск в его руке, Ромку слегка откинуло назад, а топор противника отскочил, не оставив на щите ни царапины.

В глазах вождя мелькнуло удивление. Он отпрыгнул, ловко скакнул в сторону, и махнул мечом, пытаясь подрезать противника под коленки. Роман успел приподнять ногу в привычном жесте защиты. Щиток поножей выдержал удар, но металл вмялся, и косточка на голени противно заныла. Ну конечно, старая травма, больное место — левая голень. Проклятая косточка, только не сейчас.

Его слегка развернуло на месте, и он увидел с мгновенным ощущением удачи, что противник открылся. Он успел, даже не перехватив как следует древко трезубца, ударить в узкий просвет между рукоятью топора, поднятой вождём для защиты, и вынесенным вперёд, для удара, лезвием меча.

В последний момент вождь отшатнулся, но заточенные шипы трезубца прочертили кровавую борозду на его щеке. Кровь обильно потекла из раны, смочив бороду, и закапала на грудь, запятнав доспехи.

— А ты не так плох, мальчишка, — хрипло выговорил, как выплюнул, чужак. — Но я всё равно убью тебя. Ты проиграешь.

Роман отстранённо отметил, как тяжело дышит противник, уловил сиплую одышку в его голосе. Должно быть, у этого здоровенного мужчины слабое сердце. Но это ничего не значит, пока тот может драться. Одного неловкого Ромкиного движения достаточно, чтобы чужак смог прикончить неопытного противника и закончить бой до того, как эта слабость окажет своё действие.

Он не ответил. «Не о чем разговаривать на татами, — назидательно сказал как-то глупому мальчишке тренер и выкрутил ученику ухо в отеческом жесте. — Пусть за тебя говорит твоё тело». Ромка хорошо запомнил этот урок.

Танец тела, «балет», как со смехом говорили друзья, глядя на показательные выступления его секции на празднике города. Здесь никто не знает, что это такое. Он сделал

классическую связку, уравнивая себя щитом в одной руке, и трезубцем — в другой. Раньше он никогда не делал этого с таким диском, но щит неожиданно удачно сбалансировал его движение, и Ромка сумел зайти противнику сбоку, пока тот ещё только разворачивался, удивлённый танцующим вокруг него юнцом.

Удар стопой в бедро, и сразу, без паузы — щитом под подбородок. Противник отлетел назад, упал навзничь. Глухо стукнул о землю обух топора. Прыгнуть следом, добить. Пусть не до смерти, но нанести рану, не позволяющую встать, драться дальше. Ему надо выиграть эту схватку.

Резкая боль в груди, между рёбрами, пронзила его раскалённым прутком. Ромка замер, мгновенно ослепнув, потеряв дыхание. Трезубец выпал из ослабевшей руки, неслышно стукнул о землю. Время остановилось, замерли звуки, застыл сам воздух, превратился в густую, желеобразную массу, в которой застрял, как муха в ловушке липкого сиропа, Роман.

Он попытался вздохнуть. Боль застилала зрение, глушила все мысли, все чувства, кроме тошного ощущения ужаса. Что это, что случилось? Моргнув слезящимися глазами, он увидел, что вождь приподнял голову и смотрит на него, в удивлении выпустив из рук топор. Меч покоился в его руке, покрытый уже подсохшей кровью. Нет, он не успел, просто не мог успеть ударить Ромку в ответ.

Тонко запело в ушах, зазвенело внутри головы. «Ты наш», — пропел перезвоном колокольчиков нежный голос. «Ты принадлежишь нам» — прогудел другой голос стоном медного гонга. Завершающим аккордом низкий бас тяжело выговорил, на грани слуха: «Ты один. Второй не нужен. Ты — наша добыча!»

Он понял. Рэм. Что-то случилось с Рэмом. Нет, не обманывай себя, Ромка. После таких ран не выживают. Нет. Не хочу. Не хочу оставаться здесь один. Рэм, Рэм, как ты мог оставить меня одного?

Чудовищные когти ухватили его за плечо, вонзились в плоть, проникли в грудь, разодрали тело на части, вывернули наизнанку. Он почувствовал, как рассыпается на куски, как части его существа разлетаются диковинным цветком невидимого взрыва. Как страшно гудит, на разные голоса — от тонкого до утробно-низкого — эхо его внезапного распада.

Ледяная стужа охватила его, превратила в хрустальный комок льда. Со звоном посыпались осколки, собрались в один щетинистый иглами ком, слиплись и сразу растворились в волне невыносимого жара. Он таял, он растекался, его заливали в плотку бытия струёй расплавленного свинца.

Потом вернулись звуки. Свет и тень перемешались, обрели объём, создали исчезнувший было мир. Раскалённый прут в груди остался, но жгучая боль притихла, сменилась тупым жжением. И осталось ощущение щемящей пустоты в душе, страшной, невозможной потери.

Мучительная судорога расправила его сдавленное в спазме удушья горло. Ромка вздохнул и закашлялся. Вечерний воздух долины показался ему слаще мёда и острее, чем лезвие ножа.

Он медленно выпрямился и уткнулся взглядом в запятнанный кровью металл у своего горла. Он сидел на земле, чужак стоял над ним, и его крепкая ладонь с синей татуировкой на кисти сжимала рукоять меча.

— Ты проиграл, мальчишка, — произнёс над ним голос чужого вождя. — Теперь ты умрёшь.

Роман поднял голову и взглянул вождю в глаза. Тот мигнул, рука его с мечом, приставленная к горлу противника, дрогнула. Ромка медленно улыбнулся, не отрывая взгляда от лица вождя.

Всё было так ясно. Так просто. Вождь, чужой, немолодой человек, наевшийся накануне жирного мяса, и теперь страдающий от одышки. Ромка видел, что тот держится из последних сил, и этот победный рывок — последний. Он чувствовал, как замерли вокруг места схватки его пехотинцы, и люди племени Белой Коровы. Слышал, как стучат по камням копыта конного отряда Филина, охватывая плотным полукольцом берег озера. Не чувствовал он только одного — присутствия своего двойника в этой жизни.

Роман поднял руку и взялся за лезвие меча. Время опять застыло, потекло густым сиропом, разматываясь неторопливо, словно в замедленной съёмке.

Он сжал пальцы на широком лезвии, приставленном к его горлу. Раньше Ромка слышал о таком приёме, и даже видел короткий ролик по видео: мастер фехтования удержал между ладоней лезвие меча и сжал так, что противник ничего не смог сделать.

Роман просто отвёл остриё меча от своего горла, и коротким движением выбросил вперёд и вверх руку со щитом. Узкий край синего диска врезался вождю племени Белой Коровы в лицо.

Оттолкнувшись от земли, Ромка вскочил на ноги. Вождь отступил, шатаясь, сделал несколько шагов назад. Из разбитого лба, где кость жутко белела под лоскутом содранной кожи, густо сочилась кровь.

— Нет. Это ты сейчас умрёшь, — сказал Роман. В груди ныло, холодный штырь между рёбер туго ворочался при каждом вздохе.

Вождь хрипло выдохнул, глядя безумными глазами на врага. Топор в его руке качнулся, и внезапно взмыл в воздух. Крутясь, полетел в лицо ударившего его мальчишки, и Ромка поймал его на лету. Не дав погаснуть инерции полёта, закрутил топорище в воздухе, и вернул обратно. Обух глухо ударился в своего хозяина и тот зашатался.

— Падай. Ты проиграл. — Слова вырвались из горла хриплым карканьем.

Роман проследил, как валится на землю вождь племени Белой Коровы. Как меч с украшенной крупным камнем рукоятью выскользывает из его ладони и падает в грязь.

Потом Роман подобрал оброненный трезубец, и неторопливо подошёл к поверженному врагу. Оба войска замерли, затаив дыхание, только ряды воинов племени Белой Коровы качнулись вперёд, к своему вожаку, словно надеялись на чудо.

Вождь хрипло дышал, кровь текла по его лицу, обильно смочив бороду и окрасив шею в багряный цвет. Когда его противник наклонился над ним, он открыл глаза, пожевал синими губами и попытался плюнуть, но ничего не вышло.

— Ты проиграл, вождь, — громко сказал Роман. — Боги на нашей стороне!

— Ты думаешь, что одержал победу, щенок? — просипел Великоужас, глядя залитыми кровью глазами на мальчишку с трезубцем, который разбил ему голову своим странным синим щитом. Он вздохнул, и в груди захрустело. Должно быть, обух его же собственного топора раздробил ему ключицу. — Прямо сейчас воины моего старшего сына громят ваши селения. Они ушли отсюда, и вам их уже не догнать. Вы вернётесь на пепелище!

Вождь племени хрипло рассмеялся, хохот перешёл в кашель. Великоужас корчился на

земле под взглядом сбившего его с ног мальчишки, задыхаясь и всхлипывая от душащего смеха.

— Вы... вернётесь... на пе-пели-ще!

* * *

Дикий Кот, вождь лесных охотников, вступил в захваченный лагерь. У открытых ворот лежали трупы врагов, и он неторопливо обогнул их. Жертв оказалось больше, чем он рассчитывал. Он видел тело своего племянника, застывшего лицом вверх, с колотой раной в груди. Поодаль скорчился старый Лис, он больше не кричал, и теперь только судорожно дёргал ногами. Его пятки уже процарапали в смоченной кровью земле изрядную борозду.

— Твои люди хорошо постарались, вождь лесных дикарей, — насмешливо сказал голос за его спиной.

Дикий Кот еле заметно вздрогнул, но не обернулся. Тяжёлые шаги молодого вождя проскрипели по песку и остановились. В шею дохнул густой дух жареной свинины и неразбавленного вина.

— Нам почти нечего здесь делать, — продолжил Громовой Удар. — Разве что взять тот храм с сокровищами на холме и поймать всех девок там, наверху.

Пришельцы с севера захохотали над словами своего молодого предводителя. Дикий Кот обернулся.

Старший сын Великоужаса, вождя племени Белой Коровы, возвышался над миниатюрным охотником почти на две головы. Глаза Дикого Кота упирались как раз в металлическую бляху в центре его богато украшенного нагрудника. Лесной охотник скользнул взглядом по затейливым завитушкам вверх, к шее, прикрытой только узкой полоской брони. Представил, как легко его нож мог бы перерезать горло чужака от уха до уха.

— Мы только открыли вам ворота, — голос его был холоден и спокоен, как подобает вождю лесных людей. — Лесной народ ни для кого не делает одолжений.

— Ну конечно, — Громовой Удар продолжал ухмыляться. — Иначе мы обошлись бы без вас.

— Мы договорились. Ты дал слово.

— Да, да, — рассеянно ответил молодой чужак, скользя взглядом по тлеющим крышам домов покинутого лагеря. — Вы открываете нам ворота, а мы не трогаем ваших баб.

Он двинулся вглубь лагеря, и Дикий Кот пошёл рядом, стараясь не отстать от верзилы чужака, делающего слишком широкие шаги. Он застыл возле одного из домов. Этот был чуть побольше остальных, с порогом из широких каменных ступеней. Возле порога и на ступенях лежали три мёртвых тела. А под ними, на багровых от крови камнях, он увидел краешек знакомой, вышитой руками покойной жены, рубахи старшего сына.

— Это дом вождя? — деловито спросил чужак.

Дикий Кот присел у порога, и осторожно скатил мёртвое тело с крыльца. Его старший мальчик лежал на верхней ступени, у самого порога, закрыв глаза. В руке его был сломанный топорик с длинным, незнакомым топоричем, увитым кожаной ленточкой.

— Котёнок! — позвал охотник.

В доме вскрикнули, что-то загремело, покатилося, словно билась об пол глиняная

посуда, и на порог выбрались чужаки, волоча за руки девушку в разорванном платье.

— Вот так птичка, — Громовой Удар зацокал языком, подойдя поближе. Отвёл ей волосы со лба и с удовольствием хмыкнул. — Не бойся, детка. С нами тебе будет хорошо.

— Мне обещали золото! — взвизгнула девушка. — Много металла и резной кости! Я открыла для вас ворота!

Дикий Кот поднял голову и взглянул на неё. Поднялся на ноги и отвёл руку чужака от лица Лисички.

— Это наша женщина. Она жена вождя Рэма, и это она открыла нам ворота.

— Вот как, — Громовой Удар скривился, отступил на шаг. — Тогда мы должны наградить её.

— Должны, — отозвался Дикий Кот.

Лисичка смотрела на него широко открытыми, блестящими глазами. Она выпрямилась, не пытаясь вырваться из рук державших её воинов. Растрепавшиеся волосы чёрными змейками струились по груди, едва прикрытой разорванным платьем.

— Я обещал награду тому, кто откроет ворота и принесёт мне голову молодого вождя. Где голова Рэма, Лисичка?

— Я ткнула его ножом между рёбер. Он умрёт или уже мёртв, — хрипло ответила девушка, не сводя глаз со своего вождя.

— Разве я просил убивать моих сыновей? — тихо спросил Дикий Кот, и Лисичка дёрнулась, мотнула головой:

— Я дала им сонного зелья! Они должны были спать крепким сном в эту ночь...

Дикий Кот отступил на шаг, встал рядом с Громовым Ударом:

— Ты получишь свою награду, женщина. Отпустите её.

Воины, державшие девушку, выпустили её руки, и отошли в сторону. Вождь лесных охотников медленно расстегнул на обеих руках широкие браслеты из кованого золота. Так же неторопливо снял с груди золотую цепь с амулетом в виде черепа кошки, сделанным из серебра, с глазами из цветного камня. Неторопливо взвесил всё это в руке. Посмотрел на Лисичку. И коротко, без размаха, бросил в неё.

Раздался глухой удар, Лисичка вскрикнула и пошатнулась. Лесные охотники, стоящие рядом со своим вождём, принялись снимать с себя дорогие украшения, и бросать в девушку.

— Ха! — Громовой Удар оскалил зубы. — Никто не скажет, что мы неблагодарные свиньи!

Он стащил с себя дорогую перевязь с мечом, отстегнул с руки круглый щит, украшенный блестящими заклёпками, и метнул туда же, куда продолжали лететь браслеты, кольца, и драгоценные камни в дорогой оправе. Вслед щиту вождя от чужаков полетели блестящие наручи, узорчатые ножны, цепочки и браслеты.

Вскоре на месте, где стояла Лисичка, образовалась большая, тихо осыпающаяся под собственной тяжестью куча из блестящего металла и сверкающих камней.

Потом поток дорогих подарков иссяк. Вождь лесных охотников постоял молча, глядя на выросшую возле его ног драгоценную могилу, отвернулся и пошёл дальше, к холму, где у вершины смутным пятном светился храм двуликого бога.

С того момента, как Великоужас прокаркал свои слова, корчась на земле у его ног, Роман действовал словно автомат. Он смутно помнил, как отдавал команды. То были правильные команды, это он помнил. Голос его было ровен и твёрд, как подобает вождю.

Он помнил, как воины племени Белой Коровы с криком бросились на его пехоту, в отчаянной попытке защитить тело своего поверженного вождя. Как другие побежали к горному селению, где остались их жёны и дети.

Ромка помнил, что хотел немедленно возвращаться обратно, чтобы перехватить сына Великоужаса по дороге. Как его командиры в один голос запротестовали, и ему пришлось согласиться. «Нельзя оставлять за спиной недобитого врага, — ровный голос Филина, спокойно вытирающего окровавленный клинок у залитого кровью берега озера, решил дело. — Ушедших на юг мы всё равно не догоним, только собьём ноги пехоте и запалим лошадей. Наш город они взять малыми силами не решатся, а ваш лагерь достаточно укреплён, чтобы продержаться какое-то время. Мы не можем рисковать»...

Он согласился. Мужчины племени Белой Коровы, обозные старики, женщины и даже дети защищались отчаянно. Когда, наконец, оставшиеся в живых прекратили сопротивление, Роман отдал приказ уходить. Ему пришлось оставить позади часть своего войска, где были раненые, вместе с обозом, который не мог передвигаться с нужной скоростью.

Он сам, с отрядом пехоты, лучниками и конницей, быстрым маршем двинулся на юг. Во всё время тяжёлого перехода, при каждом вдохе в груди у него ворочался металлический штырь, мешая дышать. Роман словно безостановочно двигался внутри сумрачного туннеля, где единственным выходом был лагерь, где остался Рэм.

* * *

Ветерок теребил алые полосы ткани на копьях знаменосцев, тяжело шевелил край значка с вышитым золотом изображением хищной птицы. Громовой Удар хорошо видел мальчишку в блестящих доспехах, командующего войском, над которым дюжий парень держал древко с личным знаком вождя.

Постовые, выставленные наблюдать за дорогой, прибежали почти одновременно с явившимся внезапно, словно упавшим с неба, войском. Громовой Удар ещё никогда не слышал, чтобы чьё-то войско передвигалось так быстро, и, не озаботившись провести разведку и построиться в надлежащем порядке, бросилось в бой. Как будто у вражеского вождя заранее был готов план атаки.

Он успел вывести своих людей к речной долине, поросшей ровной травой, где они могли перегруппировать отряд для отражения атаки. С одной стороны у них была река, с другой — болотистая равнина, куда не сунулась бы ни одна конница. Позади возвышалась каменная грудь холма. Деваться было некуда, приходилось принимать бой.

Он видел, как, уже не торопясь, строится напротив пехота противника; как конница группируется на фланге, как занимают позиции лучники. Вражеские пехотинцы, в лёгком вооружении, выглядели бравыми ребятами, но Громовой Удар заметил, что они покрыты пылью и явно устали. Должно быть, мальчишка-вождь не дал им отдохнуть после долгого пути. Конница выглядела лучше, но болото с фланга и слишком узкая полоска земли у реки не давали им возможности развернуться как следует.

Громовой Удар положил руку на рукоять боевого топора. Ухмыльнулся в усы. Ничего. У

него есть ещё хорошая дубинка в рукаве.

* * *

Свистнули стрелы, на мгновение зависли в воздухе, и стали стремительно падать. В тот же момент парни Громового Удара сомкнулись, выставив перед собой щиты. Он гордился этой выдумкой, позаимствованной им у кого-то из тех, кого они разбили по пути из родных мест. Путь был долог, а старший сын — любознателен. Великоужас, конечно, сильный воин, но он уже стар, и, как все старики, ненавидит новинки. Если бы он хоть немного разжал свою железную хватку, в которой держал племя и сыновей. Если бы хоть раз позволил сделать так, как хотели другие. Может быть, Громовой Удар никуда бы не ушёл. Но недавняя ссора стала последней каплей, и старший сын, забрав своих лучших людей — старших сыновей своих отцов, и всех тех, кто не хотел плестись по землям жирных козопасов со скоростью улитки, ушёл на юг. Туда, где жили богатые купцы и паслись кони с золотыми гривами.

Едва успели стрелы вонзиться в обитые толстой кожей щиты, воины его маленького племени метнули дротики в приближающегося врага. Ничего, что большинство их не достигло цели. Враг решил, что им нечем больше ответить, и двинулся вперёд. Они не знают, что Дикий Кот со своими охотниками затаился в засаде, и только и ждёт, чтобы противник подошёл на расстояние, с которого их короткие луки бьют наповал.

А ещё враги не знают, что он послал охотников наверх, по скале, найти тайную тропу к святынищу, чтобы захватить заложников. Взять противника за живое. Дикий Кот пытался отказаться. Бормотал что-то о неприступных склонах, о заваленной камнями тропе. Ему пришлось согласиться. Теперь они связаны с его племенем одной верёвочкой. Вождь Роман не простит убийства брата и предательского захвата лагеря.

Вот вражеская пехота уже близко, луки сменились на короткие копья. Опять засвистели дротики, на этот раз с обеих сторон. Отличный момент для залпа из засады. Сейчас. «Ну, давай же, стреляй» — Громовой Удар ждал свиста стрел своих союзников. Стрел не было. Он в недоумении обернулся, поискал взглядом затаившихся охотников. Он увидел только шелестящие под свежим ветром ветки деревьев, да бесстрастные камни холма, белые от жгучего солнца.

Громовой Удар поднял к губам висящий у пояса сигнальный рог, и прогудел две резких ноты. Ничего не поделаешь, придётся доставать из рукава последнюю дубинку.

Его парни знали, что делать. Сколько раз они разбивали заживевших в своих городах вояк, выбравшихся в поле, чтобы построиться в ряды. Как эти жалкие козопасы гордились своими мечами и копьями, когда шли на обвешанных шкурами, волосатых «дикарей». До того момента, когда Великоужас гудел в свой рог, а его старший сын со своими молодцами ударял в левый фланг. Как они тогда бежали, как пытались выбраться из мешка, в который сами угодили! И пока городские гордецы перестраивались, мешая друг другу, парни племени Белой Коровы успевали вырезать половину их войска, а чаша весов склонялась на сторону победителей.

Они резко взяли с места, и бросились в атаку. Никто не мог обогнать его парней в беге на короткие дистанции, и Громовой Удар был первым среди лучших. Они легко смяли левое крыло пехоты противника, и врезались во фланг основного отряда.

В упоении работая тяжёлым топором, который так и порхал в его руках, Громовой Удар косил врагов, словно траву. Он увидел блестящий шлем мальчишки-вождя впереди, за спинами рослых воинов. Там, рядом со значком, где вышит золотыми нитками когтистый орёл. Он только сейчас понял, что ему хочется на самом деле. Убить главного врага. Снять с него блестящую скорлупу доспеха. Вот он, так близко, что его можно достать ударом хорошего копья.

Коротко выдохнув, Громовой Удар сбил с ног ближайшего противника, и продвинулся вперёд. Скорее, чтобы конница, зажата в своём углу поля, не смогла обратиться к ним, и отбить атаку.

— Эй, щенок! — крикнул Громовой Удар, и звук его голоса заглушил шум битвы. Не зря ему дали это имя, и он по праву гордился им. — Я послал людей в святилище! Ваш алтарь захвачен! Ваши бабы у нас! Сдавайтесь!

Внезапно враги расступились. Солдаты противника разошлись в стороны, и он увидел чужого вождя.

Мальчишка шёл прямо к нему, держа в руке трезубец. В другой руке его был странного вида синий щит.

— Сдавайся! — повторил Громовой Удар. — Или я выковыряю тебя из твоей рачьей скорлупы и поджарю над костром!

— Ты весь в отца. Такой же хвастун, — ледяным голосом ответил мальчишка. — Это я сдеру с тебя шкуру. Голыми руками.

Все притихли, когда он отдал свой трезубец стоящему рядом солдату. Положил на землю синий щит и принялся расстёгивать пряжки красивого металлического нагрудника.

Громовой Удар сжал зубы. Его парни и пехотинцы противника тихо расступались, образуя плотный круг. Он понял, что сам загнал себя в ловушку. Но знатный юнец не выглядел опасным, и тела в нём было почти в два раз меньше, чем в старшем сыне Великоужаса. Может быть, мальчишка просто рехнулся от сознания собственной власти? Ну что ж, никто не тянул его за язык.

Громовой Удар опустил топор, положил на землю, как сделал его противник. Неторопливо распустил тесёмки доспеха. Отдал его своему другу, Каменному Кулаку.

Мальчишка уже успел снять нагрудник и теперь стягивал через голову рубаху. Сдавленный вздох пробежал по выстроившимся в полукруг позади своего предводителя парням племени Белой Коровы. Юный вражеский вождь был по-мальчишески худощав, кожа его, в отличие от большинства местных жителей, была светлой и покрытой густым красноватым загаром. Но не на это уставились парни Громового Удара и он сам.

Всю руку молодого вождя покрывала диковинная татуировка. Она полностью оплетала плечо, хищными усиками синих завитков прорастала в кожу, спускаясь к предплечью, и чернильной сетью сложного паучьего узора охватывала половину груди. На предплечье виднелись царапины от ногтей — следы свежих расчёсов, как после укуса комара.

Громовой Удар ещё не видал такой татуировки. У его отца было нечто похожее — знак, подобающий вождю, главе племени, отцу многочисленных детей. Но даже у Великоужаса она не заходила дальше плеча.

Юный вождь бросил рубаху в руки солдата. Шагнул вперёд:

— Так наши женщины в ваших руках, сын своего отца?

Громовой Удар уклонился от первого удара. Спокойствие мальчишки озадачило его. Пусть даже татуировку ему сделали во дворце его отца-царя, или кто он там. Этот

рассеянный, словно невидящий взгляд сбивал его с толку.

Мальчишка легко, словно танцуя, ушёл от встречного тычка в лицо. Поднырнул по кулак противника, и рука Громового Удара ушла в пустоту. Удар, который мог разбить в щепки толстую доску, пропал даром. Он опять попытался достать юнца, прикрываясь от ответного тычка. Громовой Удар знал много хитрых уловок, и частенько противники, купившись на его простоватый вид, замертво валились на землю от его неожиданной атаки слева.

Он хмыкнул, развернулся на месте, сделал обманное движение правой. Юнец заслонился, ушёл в сторону. То, что надо. Крепкий пинок в пах, тычок в висок — и глупца, который решил драться с ним на кулачках, можно оттаскивать на травку.

Он не успел моргнуть, не успел даже заметить движения противника. Землю просто выдернули из-под ног, и Громовой Удар рухнул на спину, а воздух вышибло у него из лёгких. Он скорчился от резкой боли в боку — его ткнули в печень. Из глаз брызнули слёзы, и Громовой Удар не вскрикнул только оттого, что горло было перехвачено спазмом. Пальцы у мальчишки оказались, как гвозди.

Он приоткрыл глаза, и увидел прямо над собой лицо юного вождя. Тот смотрел прямо на него, и Громовой Удар понял, что пришла его смерть.

— Так что с нашим святилищем, ублюдок? — спросили его, и он прохрипел:

— Не знаю... Дикий Кот пошёл туда...

* * *

Ромка бежал вверх, к холму. В груди жгло, лицо щипали слёзы. Они скапливались в уголках глаз и стекали по щекам. Ветер завывал всё сильнее, пока он взбирался вверх, по скрытой между камней и зарослей ежевики тропе. Роман знал, что увидит наверху — только трупы любимых людей. Единственное, что у него было в этой жизни.

Выветрившийся камень шуршал под подошвами сандалий, пальцы рук уже не один раз соскользнули, и он содрал себе ногти. Тропа больше походила на тренажёр для альпинистов, но Ромка упорно пробирался вперёд. Кусты ежевики царапали кожу, и чем выше он взбирался, тем сильнее ледяной ветер бил его в бок, норовя сбросить вниз, на камни.

Вот присыпанная чистым песком крохотная площадка у входа в святилище. Если не знать, ни за что не догадаешься, где спрятано круглое отверстие в пещеру. Он увидел, что густые плети кустарника, обвивавшие скалистый склон над входом, разрублены, сорваны с камней, и висят жалкими клочьями. Песок был утоптан и покрыт следами множества ног.

Роман прерывисто вздохнул, насколько позволял штырь в груди, и шагнул в открывшийся чёрный проход.

Лесные охотники, стоящие посреди просторной пещеры, обернулись, расступились, пропустив вперёд Дикого Кота. Все они были босиком, в одних набедренных повязках, с топориками за спиной, очевидно, чтобы легче было взбираться по скале. Ромка шагнул вперёд, не глядя на них. Ему было всё равно.

Он прошёл мимо Дикого Кота, тот пытался что-то сказать, Роман не слушал. Возле алтарной плиты сидели тесным кружком женщины его лагеря, и Кошка была среди них. Живая и невредимая. Она поднялась при его приближении, широко открытые, чёрные глаза её блестели от слёз.

На каменной плите алтаря лежал Рэм. Глаза его были закрыты, руки сложены на груди.

Казалось, он спал. В солнечных лучах, пробивающихся откуда-то сверху, лицо его отсвечивало синевой.

Роман наклонился над ним, провёл пальцами по задубевшей от ссохшейся крови рубашке на его боку. Почему ему так больно? Ведь эта рана должна была уйти в небытие вместе с двойником.

— Мы хотели увести их вниз, — говорил за его спиной Дикий Кот. — Вернуть наших женщин обратно, в их семьи, к родителям. Они отказались. Мы хотели убить вас, убить похитителей и насильников. Наши дочери запретили нам это.

Кошка встала рядом, положила ладошку Ромке на руку. Он чувствовал, как по коже, застывшей под ветром, от её ладоней разливается тепло.

— Они сказали, что останутся со своими мужьями. Что они носят ваших детей. Что мы теперь родня.

— Мы теперь родня, — сказала Кошка, и другие женщины эхом повторили её слова.

— Мы не станем воевать с вами.

Роман кивнул. Руки его согрелись, и он удивлённо взглянул на ладонь, что лежала на ране Рэма. Труп был тёплый. Он в изумлении обернулся и встретил взгляд своей жены.

— Я хотела тебе сказать, — тихо сказала она. — Он лежит так с ночи. Как будто спит. Это чудо. Боги явили нам знак. Мы избраны.

Роман посмотрел на тело. Вот, значит, как. Боги посмеялись над ним. Что они сказали — второй не нужен? Значит, его брат будет вечно лежать здесь, не живой и не мёртвый, пока мыши не сожрут его неподвижное тело? Пока камни алтаря не покроются пылью?

Он отвернулся от алтаря, вытянул руку из ладошки жены. Перед ним стоял его знаменосец, протягивал щит и трезубец — знаки власти. Должно быть, забрался вслед за ним по скале. Глупец. Все они глупцы. Игрушки в руках богов.

— Вождь, — сказал солдат. — Тебя ждут внизу. Командиры хотят знать, что делать с пленными.

Ромка выдернул из его рук свой трезубец. Взял щит. Вниз. Что же, они добились, чего хотели. Сейчас он спустится вниз.

Снаружи бушевал ветер, облака неслись по небу, и белый солнечный диск то выглядывал, то скрывался за их чёрными клокастыми боками.

— Вы добились своего? — крикнул Роман в небо, в клубящиеся тучи. — Думаете, я ваша марионетка? Вы влезли мне в голову, вы оплели паутиной моё тело! Так что теперь я весь ваш?!

Он засмеялся. Боги они или нет, у него всегда есть выбор. Солнце скрылось уже окончательно, на вершину надвинулась тьма. Ветер рвал волосы ледяными пальцами, пытался столкнуть с уступа вниз. Вспыхнула молния, ломким зигзагом прочертила небо. В ушах зазвенело от первого удара грома. «Ты наш» — раскатом прогудело в голове, и Роман, всё ещё смеясь, с размаху воткнул трезубец в землю.

— Никогда!

Молния ударила вновь, гром теперь грохотал непрерывно. Вокруг пещеры, на площадке, посыпанной песком, заплясали призрачные лиловые тени. За миг до того, как в трезубец со страшным треском впиалась огненная стрела, Ромка увидел в чёрной пасти пещеры силуэты джиннов — женщины с неправдоподобно тонкой талией, мужчины с широкими плечами и с кольцом в носу, и среди них — зыбкая, синеватая фигура Рэма. Двойник протянул к нему руки, открыл рот в немом крике... Раздался оглушительный треск, столб огня упал с неба,

впи́лся в за́точенные о́стрия трезубца́. Рома́н успе́л уви́деть, как мгно́венной вспы́шкой разли́лось невы́носимо жгучее, бе́лое сия́ние и за́полнило со́бой весь ми́р.

Квакнула лягушка. Роман открыл глаза. На листке кувшинки сидела зелёная квакша и раздувала пузырчатое горло. В прозрачной воде круглого озера резвились мальки, покусывая редкие водоросли.

Он вздрогнул, и вытянул ладонь из мокрого песка. Он сидел на берегу озера, а вокруг возвышались стволы сосен, отражаясь в синем пятачке воды. Пронзительно свистнула птица, и Ромка поднял голову. Солнце нежно-розовым шаром всплывало над лесом. Свистели в ветках шиповника мелкие птицы. Он наклонился над водой и взглянул в своё отражение. Озеро отразило лицо со спутанными волосами, прилипшими ко лбу, и обведённые тёмной каймой покрасневшие глаза. Роман зачерпнул воды в ладонь, отёр лицо. Кажется, ночью была гроза. Он стоял под деревом, и в него ударила молния...

Ветерок, шуршащий в листьях ближайшего деревца, сорвал зацепившуюся за ветку бумажку, и та, кружась, упала в озеро. Роман машинально поглядел на развернувшийся в воде, и медленно тонущий газетный лист.

«Курортный сезон открыт днями музыкального фестиваля, проходящего сейчас по городам Италии. Начнётся он, по традиции, в городке сан-Ремо, а закончится в столице страны — славном городе Риме. Как известно, древний город, историческая столица Италии, был основан легендарными братьями Ромулом и Рэмом. Напомним любознательным читателям, что братья поссорились, и Рэм убил Ромула. Потом он похоронил его на вершине холма, где теперь стоит музей его имени, и построил столицу, которую назвал именем покойного брата, смерть которого безутешно оплакивал всю жизнь, вплоть до своего таинственного конца...»

Ромка потянул газету из воды, но размокший лист распался в его пальцах, и, тихо кружась, пошёл на дно, в глубину. Роман наклонился, пытаясь разглядеть последние строчки статьи, и руки его до локтей погрузились в воду. В неровной поверхности собственного отражения он увидел выющую по плечу и груди синюю паутину татуировки. От неожиданности он упал на колени в мокрый песок, отражение сломалось и пропало, и Роман только успел увидеть в глубине, у самого дна, краешек странного синего диска, зарывшегося в густой ил.

Конец книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net

«Тоска по маме», авторы песни Юбер Жиро и Фил Трим

«Оборотень», группа Мельница

У. Шекспир «Гамлет»

Овидий «Наука любви»

И.П. Котляревский «Энеида», пер. А.В. Харченко